

16+

ISSN 1818-4936

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

HUMANITARIAN RESEARCHES

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

2023

№ 2 (86)

Журнал издается с 2000 г.

Published since 2000

*Журнал включен в перечень изданий, утвержденных ВАК
для публикации основных результатов диссертационных
исследований по отраслям науки:*

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
- 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
- 5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева
2023

Astrakhan Tatishchev State University
2023

ББК 65
Г93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan Tatishchev State University

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
HUMANITARIAN RESEARCHES

2023
№ 2 (86)

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор *Г.Г. Исаев*

Editor-in-Chief
Doctor of Philological Sciences, Professor *G. G. Isaev*

Ответственный секретарь
Ю.А. Васильева,
кандидат филологических наук,
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Executive secretary
Yu. A. Vasileva,
Candidate of Philological Sciences,
Astrakhan Tatishchev State University

Редакционная коллегия
З.Р. Аглеева, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева;
Н.Ф. Алефиренко, д-р филол. наук,
проф. Белгородского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ;
А.А. Боровская, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева;
Р. Вроон, д-р филол. наук, проф. Калифорнийского университета, США;
Е.Н. Галичкина, д-р филол. наук,
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева;
М.А. Голованева, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева;
Е.Н. Шеховцева, д-р филол. наук,
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева;
О.Г. Егорова, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева;
Ж.-Ф. Жаккар, д-р филол. наук, проф. Женевского университета,
Швейцария;
Л.В. Жаравина, д-р филол. наук,
проф. Волгоградского государственного
социально-педагогического университета;
Е.Е. Завьялова, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева;
Л.Ю. Касьянова, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева;

С.А. Кибальник, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы Российской академии наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
Н.А. Ковалева, д-р филол. наук, проф. Центра лингвистики
и профессиональной коммуникации Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва;
М.Г. Меркулова, д-р филол. наук,
проф. Московского педагогического государственного университета;
О.Н. Паршина, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного технического университета;
М.С. Соегов, д-р филол. наук, проф.,
академик АН Туркменистана, г. Ашхабад;
А.И. Смирнова, д-р филол. наук,
проф. Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Z.R. Agleeva, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
N.F. Alefirenko, D.Sc. (Philology), Professor, Belgorod State University,
Honored Science Worker of the Russian Federation;
A.A. Borovskaya, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
R. Vroon, D.Sc. (Philology), Professor, California University, USA;
E.N. Galichkina, D.Sc. (Philology), Astrakhan Tatishchev State University;
M.A. Golovaneva, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
E.N. Shekhovtseva, D.Sc. (Philology), Astrakhan Tatishchev State University;
O.G. Egorova, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
J.-F. Jacquard, D.Sc. (Philology), Professor, University of Geneva,
Switzerland;
L.V. Jaravina, D.Sc. (Philology), Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University;
E.E. Zavyalova, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
L.Yu. Kasyanova, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan Tatishchev State University;
S.A. Kibalnik, D.Sc. (Philology), leading researcher
Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences,
Professor, St. Petersburg State University;
N.A. Kovaleva, D.Sc. (Philology), Professor at the Centre for linguistics
and professional communication, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow;
M.G. Merkulova, D.Sc. (Philology), Professor,
Moscow State Pedagogical University;
O.N. Parshina, D.Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan State Technical University;
M.S. Soegov, D.Sc. (Philology), Professor,
Academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabad;
A.I. Smirnova, D.Sc. (Philology), Professor,
Moscow State Pedagogical University

Журнал выходит 4 раза в год

The journal is published 4 times a year

© Астраханский государственный университет, 2023
© В.Д. Скоблев, оформление обложки, 2023
© Astrakhan Tatishchev State University, 2023
© V.D. Skoblev, cover design, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И.В. Архипова

Немецкие девербативы в зеркале категории таксиса 5

А.В. Бутова, Г.А. Босик

Влияние гендера на процесс имянаречения
в немецком лингвокультурном пространстве 11

Д.М. Бычков, К.Н. Гущина

«Судьба языка – отходить от тела»:
диалог как способ выражения нетелесного субъекта 18

Т.С. Жигулина

Идиостилевая специфика прецедентных феноменов
(на материале публицистических текстов НИУ «БелГУ») 24

О.В. Кисель, К.С. Бутков

Способы, формы и причины самономинии в интернет-пространстве 29

Е.Е. Молчанова

Авторитетное мнение как один из способов реализации инфлюативной функции речи
и средства его манифестации 35

Д.И. Новоселецкая

Техническое знание: понятийно-категориальная
и семиотико-вербальная субстанциональность 46

Е.Г. Озерова, Е.И. Симоненко

Смысловые вариации коррупционного дискурса 51

М.И. Свешникова, Е.И. Сернова

Пунктуационно-графические средства передачи «музыкальности»
в переводах поэтических произведений Поля Верлена 58

Е.Н. Шеховцева, Г.Н. Шатохина

Императивные речевые жанры в англоязычном ветхозаветном дискурсе 65

А.А. Логачева, Н.Л. Ермакова

Обособленные полупредикативные
члены предложения в художественном тексте 71

И.А. Френкель

Лингвистические особенности вербализации компонента «чужой»
в дискурсе М. Ле Пен 77

О.В. Белопухова, С.А. Жезлова

Фонологические, морфологические и стилистические средства выразительности
в слоганах немецких городов 88

З.Р. Аглеева

У истоков публицистического дискурса
(Василий Никитич Татищев как публицист) 94

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.А. Кудряшов, А.Б. Диденко

Семантика имени собственного как прагматическое средство идентификации
жанровой принадлежности текста антиутопии 99

В.В. Чалый

Функционально-коммуникативная направленность лексических единиц
как выражение авторской идеи в рассказе А.П. Чехова «Талант» 106

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 110

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 113

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 5–10.

Humanitarian Researches. 2023;2(86):5–10.

Научная статья

УДК 711.112.2`35

Немецкие девербативы в зеркале категории таксиса

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
irarch@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются немецкие девербативные существительные в зеркале категории таксиса. Целью настоящего исследования является выявление и описание вербогенно-таксисного потенциала немецких девербативов, функционирующих в высказываниях с предлогами различной обстоятельственной семантики (темпоральной и др.). Вербогенно-таксисный потенциал девербативов трактуется как их способность к таксисной актуализации, т.е. выражению таксисных категориальных значений одновременности, предшествования или следования, в определенном синтагматическом контексте. При условии сохранения вербальной семантики производящих глаголов и способности к ревербализации девербативы характеризуются стабильным вербогенно-таксисным потенциалом. Некоторые девербативы характеризуются нестабильным таксисным потенциалом и утрачивают свои таксисные потенции, переходя при этом в лексико-грамматический разряд конкретно-предметных имен существительных.

Материалом исследования послужили немецкие высказывания с девербативами с обстоятельственными предлогами, полученные методом направленной выборки из электронного словаря Немецкого языка (DWDS). В ходе исследования установлено, что таксисный потенциал немецких девербативов реализуется в условиях конкретно-речевого контекста при сохранении ими вербальных признаков производящих глаголов и в случае сочетания с предлогами темпоральной и другой обстоятельственной семантики. Выявлено, что при употреблении с темпоральными и другими обстоятельственными предлогами *während, bei, in, nach, vor, seit, bis, in, mit* немецкие девербативы ревербализуемы и трансформируются в производящие их глаголы. При условии сочетания с предлогами они выполняют роль актуализаторов различных примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования. Деривационно-итеративные девербативы, употребляемые в форме множественного числа, обладают способностью к итерации таксисных значений, актуализируя категориальную семантику итеративного таксиса одновременности и разновременности.

Ключевые слова: категория таксиса, девербативы, немецкие девербативы, таксисные предлоги, темпорально-таксисные предлоги, вербогенно-таксисный потенциал, ревербализация, таксисные значения, таксисная актуализация, таксисные актуализаторы

Для цитирования: Архипова И.В. Немецкие девербативы в зеркале категории таксиса // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 5–10.

Research article

German deverbatives in the mirrow of category of taxis

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. This article deals with German deverbative nouns in the mirror of the taxis category. The purpose of this study is to identify and describe the verbogenic-taxis potential of German deverbatives that function in utterances with prepositions of various adverbial semantics (temporal,

etc.). The verbogenic-taxis potential of deverbatives is interpreted as their ability for taxis actualization, i.e. expressing taxis categorial meanings of simultaneity, precedence or succession, in a certain syntagmatic context. Provided that the verbal semantics of generating verbs and the ability to re-verbalize are preserved, deverbatives are characterized by a stable verbogenic-taxis potential. Some deverbatives are characterized by an unstable taxis potential and lose their taxis potentials, while moving into the lexical and grammatical category of concrete-objective nouns.

The material of the study was German statements with deverbatives with circumstantial prepositions, obtained by directed sampling from the electronic dictionary of the German language (DWDS). The study found that the taxis potential of German deverbatives is realized in a concrete speech context, while retaining the verbal features of generating verbs and in the case of combination with prepositions of temporal and other adverbial semantics. It was revealed that when used with temporal and other adverbial prepositions *während, bei, in, nach, vor, seit, bis, in, mit*, German deverbatives are re-verbalizable and transform into verbs that produce them. When combined with prepositions, they act as actualizers of various primary-taxis and secondary-taxis categorial meanings of simultaneity, precedence and succession. Derivative-iterative deverbatives, used in the plural form, have the ability to iterate taxis meanings, actualizing the categorial semantics of the iterative taxis of simultaneity and non-simultaneity.

Keywords: taxis category, deverbatives, German deverbatives, taxis prepositions, temporal-taxis prepositions, verbogenous-taxis potential, re-verbalization, taxis meanings, taxis actualization, taxis actualizers

For citation: Arkhipova I.V. German deverbatives in the mirror of category of taxis. *Gumantarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):5–10. (In Russ.).

Вопросы описания семантики и функционального статуса deverбативных имен существительных неоднократно привлекали внимание современных исследователей [1; 2; 3]. Отечественные лингвисты рассматривают deverбативы как производные имена существительные, которые наследуют вербогенную семантику производящих (мотивирующих) глаголов. Вне исследовательского поля остается их функционально-таксисный потенциал, позволяющий им выступать в качестве таксисных актуализаторов при условии их сочетания с предлогами различной семантики, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

В своих работах отечественные языковеды указывают на гетерогенную природу deverбативов и отмечают разную степень сохранения ими наследуемой акциональной, аспектуальной семантики и таксисной семантики [1; 2; 3]. С точки зрения лексической семантики deverбативы (как и производящие глаголы) могут быть акциональными, процессуальными, событийными и стательными. Deverbative обладают аспектуальными свойствами глаголов, в частности, процессуальностью, дуративностью, моментативностью и др., но в силу своей деривационной семантики они ограничены в аспектуальном отношении. В связи с необходимостью описать с большей объяснительной силой функциональные характеристики deverбативов, позволяющие им в сочетании с темпоральными и др. предлогами «запускать» механизмы таксисной актуализации, в данной работе используется термин *вербогенно-таксисный потенциал*. Вербогенно-таксисный потенциал deverбативов, трактуемый как их способность к таксисной актуализации в конкретном синтагматическом контексте, связан с их вербальными признаками (аспектуальными, акциональными / процессуальными / событийными / стательными). Он (как и аспектуальный потенциал) ограничен в силу словообразовательной семантики отглагольных имен. К немецким deverбативам с вербогенно-таксисным потенциалом относятся:

1) стательные deverбативы как производные стательных глаголов с семами дуративности и неопределенности (*das Stehen, das Sitzen, das Leigen*);

2) процессуальные deverбативы как производные глаголов процессуальной с семами неопределенности / определенности и дуративности / недуративности (*das Schlafen, das Nachdenken, das Beobachten, die Beobachtung*);

3) акциональные deverбативы с семами неопределенности / определенности и дуративности / результативности (*das Gehen, das Fahren*);

4) событийные deverбативы (*die Ankunft, die Abreise, die Trennung, die Scheidung, der Abschied, der Angriff, der Überfall*).

Вербогенно-таксисный потенциал deverбативов реализуется при условии сохранения ими вербальных и аспектуальных признаков. При сочетании с таксисными предлогами темпоральной

семантики *während, bei, in, nach, vor, seit, bis* девербативы стальной, акциональной, процессуальной или событийной семантики становятся участниками процесса таксисной актуализации, выполняя роль актуализаторов значений таксиса одновременности, предшествования или следования. Девербативы с максимальной степенью вербогенности легко ревербализуются, т.е. трансформируются в производящие их глаголы соответствующей семантики, например:

(1) Michel ist für einen Moment eingeschlafen, *nach dem Erwachen* liegt seine Patientin Olga tot auf der Couch (DWDS). → ... nachdem er *erwacht ist*, liegt seine Patientin Olga tot auf der Couch.

(2) *Nach dem Schlafen* gibt's für alle Kuchen (DWDS). → Nachdem alles geschlafen haben, gibt's für alle Kuchen.

(3) Und *beim Beobachten der Kühe* verstehe ich das Problem (DWDS). → Wenn ich die *Kühe beobachte*, verstehe ich das Problem.

(4) *Beim Nachdenken darüber* fallen ihm Verse von Paul Celan ein (DWDS). → Wenn er *darüber* nachdenkt, fallen ihm Verse von Paul Celan ein.

(5) Ich habe Schmerzen *beim Stehen* ... (DWDS). → Wenn ich *stehe*, habe ich Schmerzen.

(6) *Beim Gehen* ruft sie durch den Türspalt ... (DWDS). → Wenn sie *geht*, ruft sie durch den Türspalt ...

(7) 281 Fahrer benutzten Handys *beim Fahren* (DWDS). → 281 Fahrer benutzten Handys, wenn sie *fahren*.

В приведенных выше высказываниях употребляются процессуальные, стальные и акциональные девербативы на *-en* (см. имена *das Erwachen, das Schlafen, das Beobachten, das Nachdenken, das Stehen, das Gehen, das Fahren*), которые могут быть охарактеризованы как *девербативы с абсолютными таксисными потенциями*. Они ревербализуемы (см. примеры выше), а диагностический тест на ревербализацию подтверждает тот факт, что данные имена в максимальной степени сохраняют вербальную и таксисную семантику. При сочетании с таксисными предлогами темпоральной семантики *bei* и *nach* девербативы *das Erwachen, das Schlafen, das Beobachten, das Nachdenken, das Stehen, das Gehen, das Fahren* выступают в качестве актуализаторов таксисных категориальных значений следования (см. примеры 1–2) и одновременности (см. примеры 3–7). При соотношении в рамках единого временного периода действий (состояний, процессов) девербативов и действий (состояний, процессов) глаголов в высказываниях (1–7) актуализованы примарно-таксисные значения следования и одновременности. Примарно-таксисные категориальные значения являются собственно хронологическими значениями. Они имеют первичный характер и не характеризуются другими элементами обусловленности (образа действия, уступки, причины, следствия и др.).

Немецкие девербативы на *-ung* характеризуются некоторой ограничительной силой в отношении их аспектуального и таксисного потенциала. Акциональные, процессуальные и событийные имена могут в силу своей деривационной семантики перфективировать непредельные (имперфективные) производящие их глаголы или вызывать итерацию предельных (перфективных) глаголов (*die Übersiedlung, die Untersuchung, die Trennung, die Begegnung, die Unterredungen, die Vernehmungen, die Überlegungen, die Unterhaltungen* и др.). В случае итерации они становятся актуализаторами такой разновидности примарного таксиса как итеративно-примарный. Актуализация итеративно-примарно-таксисных значений детерминируется при этом словообразовательной итеративностью данных имен, например:

(1) *Nach der Übersiedlung nach Augsburg* schuf er eine Reihe Altargemälde für Augsburger Kirchen (DWDS).

(2) *Bei der Untersuchung des Falls* kam heraus, dass von den 300 afrikanischen Kindern, die in den drei Monaten zuvor auf dem Flughafen Heathrow angekommen waren, nur noch zwei aufzufinden waren (DWDS).

(3) *Seit der Trennung* reden alle davon, Berlin ist und bleibt deutsche Hauptstadt (DWDS).

(4) *Bei der Begegnung Spanien-Südkorea* ist der Ägypter Gamal Ghandour im Einsatz ... (DWDS).

(5) *Bei den Unterredungen* wurde ferner das Problem der Abrüstung besprochen (DWDS).

(6) *Bei den Vernehmungen* gab Silgradt an, seit Jahren hauptamtlicher Agent der Spionageorganisation «Liga für Menschenrechte» zu sein, die vom amerikanischen Geheimdienst finanziert und gelenkt wird (DWDS).

В приведенных выше высказываниях (8–11) акциональные и событийные девербативы *die Übersiedlung, die Untersuchung, die Trennung, die Begegnung*, несмотря на перфективацию производящих глаголов, сохраняют вербогенно-таксисный потенциал и выступают в качестве таксисных актуализаторов. В сочетании с таксисными предлогами темпоральной семантики *nach, seit* и *bei* они участвуют в актуализации примарно-таксисных значений следования (строгого, нестрогого) (см. примеры 8, 10) и одновременности (см. пример 9, 11). В высказываниях (12–14) словообразовательно-итеративные девербативы *die Unterredungen* и *die Vernehmung-en* с таксисным предлогом *bei* участвуют в речевой реализации итеративно-примарно-таксисных значений одновременности.

Событийные девербативы на *-ung* (в отличие от акциональных) обладают достаточным вербогенно-таксисным потенциалом, но диагностический тест на ревербализацию имеет некоторые ограничения. Данные имена могут быть ревербализованы при условии привлечения дополнительных лексических средств, в частности, некоторых глаголов общесобытийной семантики типа *stattfinden, erfolgen* и др., например:

(7) *Bei der Vernehmung* gab sie persönliche Motive für ihre Tat an (DWDS). → Als die *Vernehmung stattfand / erfolgte*, gab sie persönliche Motive für ihre Tat an.

(8) *Während der Unterredung* bemerkt der Propagandaminister, dass wieder britische Mosquito-Bomber über der Reichshauptstadt kreisen... (DWDS). → *Während die Unterredung stattfindet*, bemerkt der Propagandaminister, dass wieder britische Mosquito-Bomber über der Reichshauptstadt kreisen ...

В приведенных выше примерах событийные девербативы *die Vernehmung* и *die Unterredung* с таксисными предлогами *bei, während* выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных значений одновременности.

Процессуальные девербативы на *-ung* сохраняют вербально-процессуальную семантику и реализуют свой функциональный потенциал в следующих высказываниях:

(9) *In Erwartung von Freddys freudiger Zustimmung* verkündete der Erzieher die Nachricht von dieser Beförderung (DWDS).

(10) Diomedea betrachtete ihn *mit Verwunderung* ... (DWDS).

(11) *Mit Begeisterung* wurde die Enzyklika in den konservativen Kreisen aufgenommen ... (DWDS).

(12) Noch Fr.W. Marburg und J.J. Quantz sprechen (nach La Laurencie) *mit Bewunderung* von ihm (DWDS).

Процессуальные имена *die Erwartung, die Verwunderung, die Begeisterung, die Bewunderung* в сочетании с таксисными предлогами *in* и *mit* в модальном значении актуализируют секундарно-таксисные категориальные значения одновременности. Они «становятся» участниками процесса речевой реализации таксисных значения образа действия или так называемого «модального» таксиса. Отметим, что их ревербализация не затруднена лишь при сохранении ими аргументной структуры производящего глагола и употреблении постпозитивных атрибутов (см. трансформационный тест на ревербализацию высказывания 16: *In Erwartung von Freddys freudiger Zustimmung* verkündete der Erzieher die Nachricht von dieser Beförderung → Der Erzieher verkündete die Nachricht von dieser Beförderung, *wobei er Freddys freudige Zustimmung erwartete*).

Событийные аффиксальные (на *-e, -t*) и безаффиксные девербативы могут выступать в качестве актуализаторов примарно-таксисных категориальных значений одновременности, предшествования или следования при условии их употребления с таксисными предлогами темпоральной семантики (см. имена *die Abreise, die Ankunft, der Besuch, der Angriff, der Übergriff* и др.), например:

(13) 1932 stieß er *bei dem Besuch des Brüsseler Jahrmarktes* auf das Wachfigurenkabinett «Musée Spitzner» ... (DWDS).

(21) Die Schwangere erlitt *bei dem Übergriff* mehrere Brüche sowie diverse Prellungen (DWDS).

(22) Marianne Gerschner verliert eine Schwägerin *bei dem Angriff* (DWDS).

(23) *Nach dem Besuch im Haus R* zeigte sich Jugendstadträtin Böhm sichtlich beeindruckt: «Die Uni bietet viele Möglichkeiten zur Weiterentwicklung» (DWDS).

(24) In der Nacht *vor der Abreise in den Sommerurlaub* ziehen wir aus ... (DWDS).

В высказываниях (20–22) событийные девербативы *der Besuch*, *der Übergriff* и *der Angriff* в сочетании с предлогом *bei* в темпоральном значении актуализируют примарно-таксисные значения одновременности. В высказываниях (23–24) девербативы событийной семантики *der Besuch* и *die Abreise* реализуют свой таксисный потенциал и участвуют в речевой актуализации примарно-таксисных категориальных значений строгого следования (см. пример 22) и строгого предшествования (см. пример 24).

Деривационно-итеративные девербативы *die Besuche*, *die Angriffe*, *die Übergriffe*, *die Überfälle* выступают в функции актуализаторов итеративно-таксисных значений одновременности в следующих высказываниях:

(25) Ja, es handelte sich *bei den Besuchen meistens* um die Beseitigung von Fliegerschäden ... (DWDS).

(26) Der 29-Jährige stand *bei den Übergriffen* unter Einfluss eines starken Schmerzmittels (DWDS).

(27) Laut Polizei handelt es sich *bei den Angriffen* um eine «zufällige Häufung» ... (DWDS).

(28) *Bei den Überfällen* hatte er Kunden oder Angestellte kurzzeitig als Geiseln genommen (DWDS).

Деривационно-итеративные девербативы *die Besuche*, *die Übergriffe*, *die Angriffe*, *die Überfälle* специфицируют в вышеприведенных высказываниях (25–28) итеративно-таксисную семантику, а в качестве дополнительного индикатора итеративности выступает итеративный адвербиал *meistens* в высказывании (25).

Некоторые безаффиксные девербативы, являющиеся образования аблаутных форм производящих глаголов (см. *der Sprung*, *der Griff*, *der Tritt*, *der Wurf*, *der Schlag* и др.) характеризуются нестабильным таксисным потенциалом. При сочетании с темпорально-таксисными предлогами *bei*, *vor*, *nach* они выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисных значений, в то время как при сочетании с другими предлогами (например, с предлогом *mit* в значении образа действия) они утрачивают таксисные потенции, переходя в лексико-грамматический разряд конкретно-предметных имен, например:

(29) Selbst *vor dem Sprung in die Spree* schrecken Hausner und ihr plastischer Begleiter nicht zurück (DWDS).

(30) Die brennende Lunte war *beim Wurf* abgefallen (DWDS).

(31) Auch *nach dem Schlag* blickt der Spieler weiterhin auf den Ballpunkt (DWDS).

(32) Zum Beispiel tauchen *beim Griff nach einem Schlüssel* böartige Hornissen auf (DWDS).

(33) *Mit einem Griff* klinkt der Chirurg den Bohrer in die Apparatur ... (DWDS).

(34) *Mit einem Schlag* ist alles aus (DWDS).

В приведенных выше высказываниях (29–32) безаффиксные девербативы *der Sprung*, *der Wurf* и *der Griff* в сочетании с темпоральными предлогами *bei*, *vor*, *nach* реализуют свой вербогенно-таксисный потенциал, участвуя в актуализации примарно-таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования. В примерах (33–34) девербативы *der Griff* и *der Schlag* утрачивают свой таксисный потенциал. В сочетании с предлогом *mit* в значении образа действия они приобретают предметную семантику, обозначая конкретно-предметный способ осуществления глагольного действия.

Таким образом, немецкие девербативные существительные реализуют свой вербогенно-таксисный потенциал в конкретных высказываниях, содержащих темпоральные и др. обстоятельственные предлоги. В определенном контекстуальном окружении они обнаруживают способность к актуализации различных таксисных категориальных значений (примарно-таксисных и секундарно-таксисных). При условии сохранения вербальной семантики производящих глаголов и способности к ревербализации девербативы характеризуются стабильным вербогенно-таксисным потенциалом и выступают в качестве таксисных актуализаторов одновременно, предшествования и следования. Деривационно-итеративные девербативы отличает способность итерировать таксисные значения. При этом они становятся актуализаторами категориальных значений примарно-итеративного таксиса одновременности или разновременности.

Список источников

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках : монография. Новосибирск, 2020. 163 с.
2. Васина Н.Г. О роли отглагольных имен в организации таксисной семантики предложения в современном английском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия. Филология. Иркутск, 2008. № 3. С. 16–24.
3. Зольникова Н.Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225–229.

References

1. Arkhipova I.V. Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh. Novosibirsk. 2020:163.
2. Vasina N.G. O roli otglagol'nyh imen v organizacii taksisnoj semantiki predlozhenija v sovremennom anglijskom jazyke. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija. Filologija. Irkutsk. 2008;(3):16–24.
3. Zol'nikova N.N. Slovoobrazovatel'nye modeli otglagol'nyh sushhestvitel'nyh nemeckogo jazyka. Nauka i kul'tura Rossii. 2015;(1):225–229.

Информация об авторе

И.В. Архипова – кандидат филологических наук, профессор.

Information about the author

I.V. Arkhipova – Doctor of Philology, Professor.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 23.04.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 11–17.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):11–17.
Научная статья
УДК 811.112

Влияние гендера на процесс имянаречения в немецком лингвокультурном пространстве

Анна Владимировна Бутова¹, Галина Артемовна Босик²

^{1,2}Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

¹annb.79@mail.ru, [http:// orcid.org/0000-0002-8357-6069](http://orcid.org/0000-0002-8357-6069)

²bosik.galina@mail.ru

Аннотация. Антропоцентризм современной лингвистической науки привлекает внимание исследователей в различных аспектах, одним из которых являются гендерные исследования. Значение имен для развития языка и отображения в нем гендера становится очевидным только при ближайшем рассмотрении. До сих пор гендерная лингвистика в значительной степени игнорировала связи между именами и гендером. В контексте лингвистических гендерных исследований имена представляют собой новый объект изучения. Существуют значительные различия между мотивами выбора имен для новорожденных мальчиков и девочек. Благозвучие и этимология особенно актуальны для женских имен, в то время как мужские имена даются в большей степени в соответствии с родовыми традициями. Однако исследования в этой области довольно малы. Связь гендера и мотивов имянаречения требует более детального исследования. Одной из перспективных сфер исследования личных онимов с точки зрения гендерной лингвистики является самопрезентация как в онлайн, так и офлайн коммуникации. Автор статьи описывает продуктивные мотивы имянаречения в немецком лингвокультурном пространстве. Цель статьи – описать различные мотивы имянаречения и их связь гендером как социальным явлением. Актуальность данного исследования обусловлена тесной взаимосвязью личных имен социальными тенденциями. Новизна исследования заключается в описании гендерно значимых аспектов в системе мотивов имянаречения.

Ключевые слова: личное имя, пол, гендер, мотив имянаречения, антропонимикон, гендерная лингвистика

Для цитирования: Бутова А.В., Босик Г.А. Влияние гендера на процесс имянаречения в немецком лингвокультурном пространстве // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 11–17.

Research article

The Influence of Gender on the Name Giving Process in the German Linguocultural Space

Anna V. Butova¹, Galina A. Bosik²

^{1,2}Nosov Magnitogorsk State Technical University, 455000, Russia

¹annb.79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8357-6069>

²bosik.galina@mail.ru

Abstract. The anthropocentrism of modern linguistic science attracts the attention of researchers in various aspects, one of which is gender studies. The significance of names for the language development and the gender display in it becomes apparent only on closer examination. Until now, gender linguistics has largely ignored the links between names and gender. In the context of linguistic gender studies, names represent a new object of study. There are significant differences between the motives for choosing names for newborn boys and girls. The euphony and etymology are especially relevant for female names, while male names are given increasingly in accordance with tribal

traditions. However, research in this area is rather small. The relationship between gender and name giving motives requires a more detailed study. One of the promising areas for studying personal onyms according to gender linguistics is self-presentation both in online and offline communication. The author describes the productive motives for name giving in the German linguocultural space. The purpose of the article is to describe various motives for name giving and their connection with gender as a social phenomenon. The relevance of the study is due to the close relationship of personal names with social trends. The novelty of the study lies in the description of gender-significant aspects in the system of name giving motives.

Keywords: personal name, gender, motive of name giving, anthroponymicon, gender linguistics

For citation: Butova A.V., Bosik G.A. The Influence of Gender on the Name Giving Process in the German Linguocultural Space. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):11–17. (In Russ.).

Политические и культурные изменения, происходящие в обществе, находят свое отражение в языке. Личные онимы, будучи языковыми единицами, также подвержены изменениям. Границы современной ономастической системы языка расширяются. Антропонимикон языка пополняется заимствованиями, происходит как процесс онимизации нарицательных слов, так и процесс деонимизации собственных имен. Непосредственно ономастическая система взаимодействует с другими областями научного знания [4].

На современном этапе внимание ученых привлекают гендерные исследования. «В реалиях современного научного знания гендер является ключевым понятием наряду с родом, классом, нацией» [6, с. 49].

Гендерный аспект в исследованиях языка появился в 70-х годах XX века. Термин «гендер» служит не просто разграничением «мужского» и «женского», а несет в себе социальную, культурную и психологическую составляющую.

Многочисленные социально-психологические исследования [3; 5; 9] рассматривают вопрос гендера с поведенческой точки зрения: асимметричные поведенческие стратегии мужчины и женщины.

На наш взгляд А.Г. Кирова дала четкое описание термина «гендер». Так, автор разграничивает гендер, описывая его социальный и культурный феномен, с полом, называя данное явление биологическим конструктором [4].

Д.Н. Уразалиева уточняет, что «природный пол является компонентом значения лексических единиц, воспроизводящих экзистенциальные параметры индивида, а гендер отражает как процесс, так и результат встраивания индивида в социально-культурную обусловленную модель мужественности и женственности, принятую в обществе на определенном этапе» [6, с. 49].

В рамках гендерно-лингвистического рассмотрения интересно не только бинарное кодирование биологического пола вместе с различными его формами репрезентации в ономастической системе, но прежде всего репрезентация социальных гендерных ролей через личные имена с помощью практик имяназвания.

Если на уровне биологического пола приходилось предполагать взаимодополняющие отношения имен, то на уровне гендера мы имеем дело с континуумом между противоположными полюсами и различными качественными характеристиками. Так, например, имена *Evita* и *Lolita* связываются со своими известными носительницами, что определяет их высокий коннотативный потенциал, описывая «женственность» по-разному. Имя *Evita* неразрывно связано с женой диктатора Хуана Перона, которая несмотря на свое положение заслужила страстную любовь граждан. Оним *Lolita* неразрывно связан главной героиней В.В. Набокова. Гендерная коннотация этих личных имен преобладает над семантическим значением самого онима.

В рамках гендерной лингвистики и ее связи с социально-психологическими исследованиями, личные имена можно рассматривать с трех разных точек зрения:

- Какие гендерные мотивы влияют на имяназвание?
- Какие различия существуют на прагматическом уровне между использованием мужских и женских имен?
- Есть ли различия в восприятии гендерного значения мужских и женских имен?

Трудно мысленно разделить эти вопросы, например, мотивы имяназвания тесно зависят от восприятия имен, что, в свою очередь, также связано с последующим их употреблением.

В этом отношении различие является искусственным, но оно необходимо для того, чтобы упорядочить сводные результаты, даже если нельзя избежать некоторых совпадений.

В газете «die Zeit» журналист Гарельд Мартенштайн описывает практику имянаречения Дитером Боленом новых подруг. «Я заметил, что один из старейших немецких поп-звезд Дитер Болен продолжает давать девушкам новые имена, как только они становятся его подругами. Подругу звали Надя. Когда он взял ее в жены, раздался голос: «С сегодняшнего дня тебя зовут Наддель» [12].

Как бы иронично ни изображалась практика именования Дитера Болена, она наглядно демонстрирует необычность ситуации, в которой совершаются акты имянаречения, как в них отражаются иерархические отношения и как сильно такое поведение может быть связано с социально значимыми гендерными ролями.

Традиционным и обязательным процессом присвоения имени является ситуация имянаречения новорожденного. Обычно ребенку в Германии, как и в большинстве других стран, дают имя по выбору родителей вскоре после его рождения. Крещение, не имеющее юридического значения, но имеющее высокое ритуальное значение, также является типичной ситуацией, связанной с присвоением сакрального имени. Кроме того, есть много других ситуаций, в которых даются имена, так, например, если ребенка усыновляют, при определенных обстоятельствах ему дается новое имя в дополнение к новой фамилии.

Однако процесс изменения имени или создание новых неофициальных вариантов полного имени с ярким коннотативным потенциалом не связан с юридической составляющей имянаречения. Во многих случаях это связано с прагматической составляющей процесса имянаречения. Так, например, заядлого курильщика по имени *Nikolaus*, называют никак иначе как *Niko*. Данная форма имени является дериватом от полной формы *Nikolaus*, однако коннотации, которые вложены в данный дериват связаны именно с никотинозависимостью своего носителя.

Все описанные выше акты имянаречения или переименования относятся к прагмалингвистическим речевым актам, и, по терминологии Джона Остина, относятся в упрощенном виде к перформативным высказываниям, которые приводят к новому социальному статусу как имянарекателя, так и носителя имени. Важность процессов имянаречения или самономинии не следует недооценивать, поскольку они напрямую связаны с концепцией идентичности личности.

В рамках гендерной лингвистики данное перформативное номинирование рассматривается с точки зрения сознательного или бессознательного делание рода.

Согласно Уэсту и Д. Циммерману [7], социальный гендер создается путем активизации гендерных различий в процессе коммуникации: женственность и мужественность являются репрезентациями культурных ожиданий и идей и не могут быть отнесены исключительно к биологическому полу.

При таких условиях существует проблема выявления социального гендера при имянаречении, а также отражение его в семантической структуре онима на уровне возможных гендерно-релевантных коннотаций.

Проблема бинарного гендерного кода непосредственно связана с разграничением социальных ролей. Например, авторы-женщины очень долгое время были вынуждены брать мужские псевдонимы так, например, *сестры Бронте* первые работы писали под именем *братьев Белл*, за звучным именем *Джордж Элиот* скрывалась писательница *Мэри Энн Эванс*, а *Жорж Санд* на самом деле зовут *Аврора Дюпен* [8]. Даже в последнее время можно найти примеры использования женщинами мужских псевдонимов. *Татьяна Дваждова*, 22-летняя боксерша, выступала под именем *Владимир Ермолаев*.

Напротив, если рассматривать «домашние имена» как практику именования гипокористическими вариантами полных форм имен, недостаточно разделить их на мужские и женские: новое частное социальное пространство изначально ассоциируется с новым именем, независимо от пола. В своей нарочитой «детскости» эти имена создают наводящее на мысль отсутствие защиты благодаря использованию уменьшительных форм *Lenchen* (от официального онима *Lena*) или обращению к именам животных, таким как *Hasi* (заячик) и др.

Игриво-абсурдное обращение к словам, которые на самом деле имеют негативную коннотацию, например, *Quatschkopf* (болтун), или пограничные случаи между дразнилкой и кличкой,

например, *Wutz* (свинья), также демонстрируют широкий спектр гипокористических коннотаций. Хотя гендерно-независимый характер многих имен домашних животных нивелирует гендерные различия. Статистически обосновано, что значительно больше женщин, чем мужчин, используют прозвище или прозвище в качестве обращения [1].

Совсем другое явление представляет собой онлайн коммуникация. В общем, все сетевые ситуации, в которых пользователь может создать профиль или свой собственный никнейм, очень интересны с гендерной точки зрения. Пользователи различных сайтов, чатов и Интернет-сообществ могут свободно экспериментировать с гендерной составляющей самопрезентации. Так, за такими никнеймами как *BunnyBoobs86*, *JaninaSuck* или *HappyJane* скрывались пользователи мужчины.

В целом, современный процесс имянаречения в немецком языковом пространстве можно охарактеризовать, прежде всего, как развитие в сторону большего разнообразия и индивидуальности. Вместо очень устойчивых традиций именования, связанных с вероисповеданием или социальным статусом имядателя, которые были весьма стабильны до Второй мировой войны, родители получили широкую свободу выбора имени [2].

Юрген Герхардс обобщая основные практики именования в немецком лингвокультурном пространстве, называет следующие тенденции:

- детрадиционализация;
- индивидуализация;
- транснационализация.

При этом автор уточняет, что данные тенденции затрагивает как женские, так и мужские имена [11]. Основываясь на данных исследования можно предположить, что современный процесс имянаречения не ограничен святыми, или же календарными именами, а фонетическая форма имени перестала играть основную роль при выборе имени для новорожденного.

Немаловажную роль играет этимология нарицательной основы онима или же имянаречение в честь знаменитости. Так, например, ярый поклонник футболиста *Philipp Lahm* и страстная наездница (*Phillippos* гр. *любитель лошадей*), которая надеется передать свою страсть могли бы дать своей дочери мужское мелодичное имя *Philippa*, что будет являться женским вариантом мужского онима.

Своеобразным мотивом, который упоминают Д. Эллингтон и др., и который необходимо подчеркнуть с точки зрения его важности в рамках гендерной перспективы, является выбор гендерно нейтрального имени для новорожденной девочки, когда родители действительно хотели, чтобы родился сын [10] Безусловно, такого рода мотивы в именованиях, скорее всего, являются маргинальными явлениями.

В системе мотивов имянаречения традиционно выделяются две группы: социальные и индивидуальные мотивы. Так, основным социальным мотивом традиционно является имянаречение в честь какой-то известной личности или в честь родственника (родовое имя). Ярким примером индивидуального мотива имянаречения будет считаться благозвучие и этимология нарицательной основы онима.

В немецком лингвокультурном пространстве, по статистическим данным, только около 5 % новорожденных девочек и 8 % мальчиков получают имя родителей. Кроме того, имянаречение девочек и мальчиков родовым именем непропорционально. Мальчиков называют чаще, а девочкам дают в основном женский вариант родового мужского имени.

Совершенно другую тенденцию можно наблюдать в восточнофризском языке, относящемуся к семье германских языков. Здесь, независимо от пола ребенка, имя отца в родительном падеже вставляется между первым и последним онимом в качестве среднего имени (*Nefe Petersen Meyer*). Немецкая антропонимическая модель не предусматривает наличие отчества. Однако, тенденция передачи имени отца, как родоначальника и гаранта преемственности традиций отдельной семьи, сохраняется через имянаречение средним именем, вне зависимости от пола ребенка.

Г. Косс в своем исследовании описывая результаты опроса родителей в Баварии, приходит к выводу, что родители выражают большую привязанность традициям при имянаречении мальчиков, особенно, когда присваивается несколько имен [13]. Так, мальчикам чаще присваивалось двойное имя, причем одно из которых было родовым, по сравнению с имянаречением одним именем новорожденных девочек.

С. Олькерс уточняет, что «в качестве общей тенденции можно сказать, что родители в среднем более консервативны при наречении мальчиков, чем девочек. Хотя традиция давать родовое имя в целом снижается в современном процессе имянаречения, она по-прежнему играет сравнительно большую роль в выборе имен для мальчиков» [14].

Этимология, относящаяся к индивидуальным мотивам имянаречения, является одинаково значимой для имядателей вне зависимости от пола ребенка. Дитер Штельмахер в своей работе «Имена и социальная идентичность» отмечает, что семантика имени коррелируется с общими гендерными стереотипами, так, например, девочек называют чаще *Helena* (гр. *Пре-красная*), чем *Hilden* (герм. *hild* – борьба), а мальчиков *Magnus* (лат. *большой*), чем *Pauls* (лат. *paulus* маленький) [15]. Имянаречения девочек именами с прозрачной этимологией закономерна, так как в женских именах семантика прозрачна, а связь с нарицательной основой в женских онимах очень велика.

Таким образом, имена бывают не только мужскими или женскими, но имеют гендерное значение. Исследование гендера как социологического явления в немецких личных именах представляется перспективным как с точки зрения коннотации и значения, так и точки зрения влияния его на процесс имянаречения.

Список источников

1. Дубских А.И., Кисель О.В., Бутова А.В. Гендерная маркированность немецких личных имен // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 37–42.
2. Залавина Т.Ю. Культурная коннотация личного имени // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования : материалы I Национальной научно-практической конференции (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова). Магнитогорск, 2020. С. 1094–1096.
3. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та С-Петербурга. 2007. С. 9–33.
4. Кирова А.Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 8 (86). С. 138–140.
5. Ключко О.И. Отечественный вариант гендерных исследований // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 172–176.
6. Уразалиева Д.Н. К вопросу о гендерно-нейтральном языке (на примере английского и русского языков) // Язык в межкультурном пространстве XXI века: взгляды и научные исследования, перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции / сост. Е.Н. Горбачева, Е.М. Торбик. Астрахань, 2021. С. 48–55.
7. Уэст К., Циммерман Д. Создание гендера / пер. с англ. Е. Здравомысловой // Гендерные тетради: Труды Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Санкт-Петербург, 1997. Вып. 1.
8. Чебителько В. 6 писательниц, которые публиковались под мужскими псевдонимами. И это не только Жорж Санд и Джордж Элиот! URL: <https://burninghut.ru/psevdonimy-pisatelej-zhenshhin> (дата обращения: 14.10.2022).
9. Crawford M. A Reappraisal of Gender: An Etnomethodological Approach // *Feminism & Psychology*. 2000. Vol. 10(1):7–10. Goffman E. *Gender Display*. Lemert C., Branaman A., eds. *Goffman Reader*. Oxford, United Kingdom : Blackwell Publ. P. 201–208.
10. Ellington Jane E., Marsh, Luther A., Critelli Joseph W. Personality characteristics of woman with masculine names // *The Journal of Social Psychology*, 1981. P. 211–218.
11. Gerhards J. *Die Moderne und ihren Vornamen. Eine Einladung in die Kultursoziologie*. 1. Aufl. Wiesbaden: Westdt. Verl. 2003. P. 206.
12. Harald Martenstein Busenfragen. Martenstein weiß, warum Frauen keine netten Männer wollen. URL: <https://www.zeit.de/2006/38/Mode-Martenstein> (дата обращения: 14.10.2022)
13. Koss G. *Namenforschung. Eine Einführung in die Onomastik*. 3., aktualisierte Aufl. Tübingen: Niemeyer (Germanistische Arbeitshefte, 34), 2002. P. 197–200.

14. Oelkers S. Naming gender. Empirische Untersuchungen zur phonologischen Struktur von Vornamen im Deutschen. Frankfurt a. Moscow : Lang (Europäische Hochschulschriften Reihe 1, Deutsche Sprache und Literatur, 1870). 2003. P. 315.

15. Stellmacher D. Namen und soziale Identität. Namentraditionen in Familien und Sippen. // Eichler, Ernst; Burkhardt, Armin; Ungeheuer, Gerold; Wiegand, Herbert Ernst; Steger, Hugo; Brinker, Klaus (Hg.): Namenforschung. Berlin: de Gruyter (Teilbd. 2). 1996. P. 1226–1731.

References

1. Dubskih A.I., Kisel' O.V., Butova A.V. Gendernaja markirovannost' nemeckih lichnyh imen // Gumanitarnye issledovanija 2022;2(82):37–42.

2. Zalavina T.Ju. Kul'turnaja konnotacija lichnogo imeni. Sovremennye problemy i perspektivy razvitija nauki, tehniki i obrazovanija: materialy I Nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Magnitogorskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet im. G. I. Nosova. Magnitogorsk. 2020:1094–1096.

3. Zdravomyslova E., Tjomkina A. Social'noe konstruirovanie gendera kak metodologija feministškogo issledovanija. Rossijskij gendernyj porjadok: sociologičeskij podhod. Kollektivnaja monografija / ed. E. Zdravomyslova, A. Tjomkina. Saint Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v S-Peterburge. 2007:9–33.

4. Kirova A.G. Razvitie gendernyh issledovanij v lingvistike. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2009;8(86):138–140.

5. Ključko O.I. Otečestvennyj variant gendernyh issledovanij. Obščestvennye nauki i sovremennost'. 2007;(4):172–176.

6. Urazaljeva D.N. K voprosu o genderno-nejtral'nom jazyke (na primere anglijskogo i russkogo jazykov). Jazyk v mezhkul'turnom prostranstve XXI veka: vzgljady i nauchnye issledovanija, perspektivy razvitija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sost. E.N. Gorbacheva, E.M. Torbik. Astrahan'. 2021:48–55.

7. Ujest K., Cimmerman D. Sozdanie gendera. Gendernye tetradi: Trudy Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta sociologii RAN. Saint Petersburg. 1997;(1).

8. Chebit'ko V. 6 pisatel'nic, kotorye publikovali' pod mužskimi psevdonimami. I jeto ne tol'ko Zhorzh Sand i Dzhordž Jeliot! URL: <https://burninghut.ru/psevdonimy-pisatelej-zhenshin>.

9. Crawford M. A Reappraisal of Gender: An Ethnomethodological Approach. *Feminism & Psychology*. 2000. Vol. 10(1):7–10 Goffman E. *Gender Display*. Lemert C., Branaman A., eds. Goffman Reader. Oxford, United Kingdom: Blackwell Publ., pp. 201–208.

10. Ellington Jane E., Marsh, Luther A., Critelli Joseph W. Personality characteristics of woman with masculine names. *The Journal of Social Psychology*. 1981:211–218.

11. Gerhards J. Die Moderne und ihren Vornamen. Eine Einladung in die Kultursoziologie. 1. Aufl. Wiesbaden: Westdt. Verl. 2003:206.

12. Harald Martenstein Busenfragen. Martenstein weiß, warum Frauen keine netten Männer wollen. URL: <https://www.zeit.de/2006/38/Mode-Martenstein>.

13. Koss G. Namenforschung. Eine Einführung in die Onomastik. 3., aktualisierte Aufl. Tübingen: Niemeyer (Germanistische Arbeitshefte, 34). 2002:197–200.

14. Oelkers S. Naming gender. Empirische Untersuchungen zur phonologischen Struktur von Vornamen im Deutschen. Frankfurt a. Moscow: Lang (Europäische Hochschulschriften Reihe 1, Deutsche Sprache und Literatur, 1870). 2003:315.

15. Stellmacher D. Namen und soziale Identität. Namentraditionen in Familien und Sippen. Eichler, Ernst; Burkhardt, Armin; Ungeheuer, Gerold; Wiegand, Herbert Ernst; Steger, Hugo; Brinker, Klaus (Hg.): Namenforschung. Berlin: de Gruyter (Teilbd. 2). 1996:1226–1731.

Информация об авторах

А.В. Бутова – кандидат филологических наук;

Г.А. Босик – магистр Института гуманитарного образования.

Information about the authors

A.V. Butova – Candidate of Philological Sciences;

G.A. Bosik – Master of the Institute of Humanities Education.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 13.05.2023; принята к публикации 17.05.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 13.05.2023; accepted for publication 17.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 18–23.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):18–23.
Научная статья
УДК 81'42:004.512.4:316.772.5

**«Судьба языка – отходить от тела»:
диалог как способ выражения нетелесного субъекта**

Дмитрий Михайлович Бычков¹, Ксения Николаевна Гущина²

¹Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

¹dmitriybychkov@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0114-7341>

²Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²k.churzina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7235-62-63>

Аннотация. Цель исследования – раскрыть сущность цифрового коммуникативного взаимодействия, а также в филологическом ключе ответить на вопрос о дискурсивной продуктивности феномена человеко-машинного общения. Процедура и методы определяются когнитивно-дискурсивным подходом к рассмотрению диалогизации в процессе взаимодействия субъекта и цифрового девайса: методы ментального моделирования, дискурс-анализ и структуризация. Дискурс представляется явлением, имманентно присущим человеческому сознанию и материально выражающимся в процессе коммуникации.

Язык и восприятие как центральные категории когнитивистики играют ведущую роль в процессе концептуализации воспринимаемых объектов отраженной реальности. Дискурс в процессе своего функционирования формирует новые концептуальные поля знаний с последующим переустройством концептуальной картины мира и отделяется от субъекта. Так, в классической философии закрепилось отношение к языку в том смысле, который ему придавали М. Фуко, С. Малларме, М. Хайдеггер, – индифферентное. Язык как язык не был собственной проблемой классической философии, то есть язык начинает толковаться как «независимое тело», как «телесность» противопоставленная рациональности.

Отвечая на комплекс вопросов, авторы приходят к выводу о дискурсивной непродуктивности естественно-цифровой коммуникации. Теоретическая значимость заключается в объяснении естественно-человеческих коммуникативных трудностей, что дает теоретический инструментарий для осознания причин возникновения проблемы на «этимологическом» уровне понимания коммуникации.

Ключевые слова: диалогизация, дискурс, дискурсивная деятельность, глоттогенез, язык, коммуникация, слово, мышление, цифровизация

Для цитирования: Бычков Д.М., Гущина К.Н. «Судьба языка – отходить от тела»: диалог как способ выражения нетелесного субъекта // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 18–23.

Research article

**«The fate of language is to move away from the body»:
dialogue as a way of expressing a non-corporeal subject**

Dmitriy M. Bychkov¹, Ksenia N. Gushchina²

¹Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

¹dmitriybychkov@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0114-7341>

²Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

²k.churzina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7235-62-63>

Abstract. The purpose of the study is to reveal the essence of digital communicative interaction, as well as to answer the question of discursive productivity of the phenomenon of human-machine

communication in a philological way. The procedure and methods are determined by a cognitive-discursive approach to the consideration of dialogization in the process of interaction between a subject and a digital device: methods of mental modeling, discourse analysis and structuring. Discourse appears to be a phenomenon immanently inherent in human consciousness and materially expressed in the process of communication. Answering a set of questions, the authors come to the conclusion about the discursive unproductivity of natural digital communication. The theoretical significance lies in the explanation of natural-human communicative difficulties, which provides theoretical tools for understanding the causes of the problem at the «etymological» level of understanding communication.

Keywords: dialogization, discourse, discursive activity, glottogenesis, language, communication, word, thinking, digitalization. **Keywords:** dialogization, discourse, discursive activity, glottogenesis, language, communication, word, thinking, digitalization

For citation: Bychkov D.M., Gushchina K.N. «The fate of language is to move away from the body»: dialogue as a way of Expressing a non-corporeal subject. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):18–23. (In Russ.).

Афоризм, вынесенный в название настоящего исследования, принадлежит Ж. Деррида, который свидетельствует об эволюции языка в постинформационную эпоху. Постепенно расширяющаяся сфера и промоинальная («углубляющаяся») структура цифрового пространства, а также существующий ныне комплекс «интернет-вещей», – все это факторы, обуславливающие специфику жизнедеятельности современного человека. Каждый из указанных факторов в отдельности сопровождается различными функционально антропоморфными процессами, ключевым из которых является ориентация на речевое взаимодействие человека с цифровыми устройствами. Следовательно, можно говорить о существовании некоего модуса нашей реальности – цифрового модуса – сферу цифровых технологий, разного рода симулякр, проекций свой личности, где также наряду с физической реальностью существует человек.

Формирование единого цифрового пространства оказало влияние на коммуникативный статус субъектов общения. Тотальная дигитализация объектов техногенной природы продуцировала трансформацию коммуникативной сферы человеческой жизни, а именно появление нового формата жизни в режиме непрестанной коммуникации, зачастую опосредованной через цифровые девайсы. Результатом такого процесса стало создание, помимо всего прочего, голосовых помощников с функцией поддержания диалога. Итак, диалоговое устройство (или диалоговая система) – это такие цифровые программы (голосовые ассистенты, станции, чат-боты и др.), созданные по аналогии с человеческой цифровой «нейронной» сетью, обученной на объемном текстовом и/или аудиальном массиве, обрабатывающей входную информацию и преобразующуюся в ответную, имитирующую человеческую речь высказывание.

Идея голосового помощника – это изобретение XX века, например, телефоны с режимом тонального набора, автоответчики и т.п. Но функция имитации живого диалога появилась в наше время в результате иммерсии человека в виртуальную коммуникационную среду. В настоящее время существуют большое количество таких помощников: Google Assistant, Яндекс Алиса, Amazon Alexa, Microsoft Cortana, Apple Siri, Robin, Xiao Ai, Tupte, Sound Hound Hound, Ozlo и др. Они различаются диапазоном функционального потенциала, и объединяются с целью – сэкономить время, затрачиваемое на механический поиск в гаджете.

Анализ коммуникативной функциональности «цифровых помощников». Одно из свойств психической жизни человека, возникшее еще на ранних этапах эволюции, – одушевление объектов неживой природы, в том числе и техногенных. Наделение неодушевленного объекта психическими интенциями, чему способствует установка на диалог в цифровой коммуникации, уводит от физической реальности и имитирует «со-бытие» устройства и человека. Коммуникативная функциональность цифровых объектов определяет особое отношение человека к ним, которое в современном обществе нормализовано. Однако естественное человеческое общение предполагает возникновение дискурсивного пространства, которое принципиально невозможно в естественно-цифровом вербальном контексте.

Попытка ответить на эти вопросы неизбежно приводит нас к пересмотру феноменов сознательной деятельности – дискурса и дискурсивной деятельности человека и их аксиологического статуса. В настоящей работе под дискурсом понимается «сложное коммуникативное

явление» естественная человеческая речь, помещенная в какую-либо коммуникативно-речевую ситуацию. Однако, если рассматривать дискурс в когнитивном аспекте в русле деятельной природы человека, то мы неизбежно придем к пониманию того, что дискурсивная деятельность – это имманентное свойство человека.

Физиолог А.Р. Лурия рассматривает дискурсивную деятельность, или, согласно авторской номинации, «дискурсивное мышление» как способность к «высшей интеллектуальной деятельности посредством мыслительных операций». Анализ речемышлительной деятельности на основе различного рода афазий привел исследователя к гипотезе о «включении системы речевых связей в значительное число процессов» [4, с. 202] по обеспечению отражательной деятельности нашего сознания с последующим переходом «от ощущения к мышлению» и далее выходом в речь. Деятельностная теория Л.С. Выгодского, продолженная в трудах А.Н. Леонтьева также свидетельствует о существовании, в общем-то, только языкового сознания: все, что мы не можем вербализовать, не существует для нас. Принципиально важным в деятельностной теории Выгодского-Леонтьева считаем внутреннюю диалогичность слова (номинации), поскольку за предметом «скрывается» другая личность.

Цифровая нейронная сеть «искусственного интеллекта» антропоморфна: принцип действия дублирует человеческие процессы распознавания звучащей речи, определяет значение сказанного и синтезирует и имитирует голосовую опцию ответа. Кроме того, наиболее продвинутые сервисы способны к импровизации и дают разные ответы на один и тот же вопрос, не ограничиваясь запрограммированным набором, а также способны обрабатывать неполные фразы и учитывать контекст. Разработчики уверяют, что модернизированные виртуальные помощники отличаются практически человеческим речевым поведением. Например: у Алисы можно спросить: «Какие кофе есть рядом?» вместо того, чтобы диктовать топографические координаты «кофейня «Шарлау» на улице Кирова» и т.д. Алиса «заглянет» в «Яндекс-справочник» и предложит подходящие места. А в ответ на «Отлично, а как туда пройти?» – даст ссылку на уже построенный маршрут в Яндекс-картах. Диалоговое устройство отличает комплиментарно-вежливый стереотип речевой реакции на дискурсивный стимул реального человека. Так, на ответную реплику «Спасибо, Сири!» можно услышать «Пожалуйста. С вами приятно иметь дело» или «Вы очень интересный человек». Коммуникативная установка цифрового устройства на комплиментарность делает его привлекательным для пользователя, что, несомненно, повышает его рейтинг перед личностью реального собеседника, настроение которого неподвластно партнеру.

Голосовые помощники хорошо реагируют на технические, конкретные вопросы: узнать погоду, курс валют или традиционные, стандартизированные шутки, – это лишь немногий перечень коммуникативных реакций на запрос пользователя. Однако является ли перечисленные характеристики дигитального речевого взаимодействия между человеком и техническим устройством актом коммуникации, продуцирующим дискурс?

Анализ когнитивно-дискурсивной природы девайсов. Классическая философия учит, что деятельностная потребность субъекта первична и продуцирует сознание мира, а не наоборот [2]. Этому императиву отвечает идея богослова В.Д. Сарычева, соответствующая святоотеческому учению, которое определяют познавательные свойства человека как наивысшие: «...так Бог, устрояющий, чтобы существа мыслящие имели дар мышления, а мыслимые были предметом мышления...» [6, с. 35]. Мышление как инструмент сознания – высшая ступень деятельностной сущности человека, выражаемая в познавательном процессе. Познание, деятельность (речемышлительная деятельность, дискурсивная деятельность), дискурс, как «материально выраженный» результат, – это понятия взаимообусловленные, без этого мы не можем говорить о нас как о Homo sapiens, и вполне естественно, что эту функцию мы переносим в цифровую реальность [5]. Религиозное и философское мировоззрение сводит две антропокомплементарные категории познание и деятельность диалектическое единство, предопределяющее сознание и мышление субъекта. Отражательная способность человеческого сознания раскрывается в разных мыслительных локусах – как перехода от чувственно-наглядного к абстрактному, так и собственно отвлеченное без опоры на индивидуальный или общественный опыт, а, следовательно, дискурсивная деятельность внутренне присуща естественному сознанию продуцент.

Модернизированные виртуальные ассистенты помимо сугубо утилитарных задач, призваны удовлетворять еще и коммуникативные запросы пользователя. Специалисты сферы IT-технологий в настоящее время занимаются разработкой современных голосовых девайсов с функцией светской беседы. По мнению разработчиков, подобная цифровая диалоговая система способна моделировать естественно-языковую речевую ситуацию с учетом личностных (в том числе и лексико-стилистических) особенностей человека, а также выступать в роли интеллектуального агента, то есть координировать процесс коммуникации в зависимости от хронологического контекста, распознавать речь «хозяина», корректировать речевые и грамматические ошибки, инициировать общение, прогнозировать последующие реплики, словом, имитировать естественную модель диалога и речевое поведение «равноправного» субъекта коммуникации. Цифровая нейронная сеть голосового ассистента содержит в себе метаданные пользователя на уровне «уникального идентификатора» (пол, возраст, лексико-стилистическую специфику и др.), что дает возможность имитировать вероятные модели речевых ситуаций, собственно некоторые заранее смоделированные образцы диалогов и опирается на обширный «диалоговый корпус». Диалоговый корпус – это минимальный лексико-грамматический, синтаксический и конверсационный ресурс, необходимый для имитации естественно-цифрового дискурса, базой которому служат разного рода интернет-источники. При этом мы общаемся не словами как таковыми, а смыслами, во содержание которых формируется очень многими факторами (социокультурными кодами, индивидуально-психологическими, физиологическими особенностями, сиюминутным контекстом ситуации общения, эмоциональным фоном в сиюминутный момент времени и т.д.). Отсюда множество функций общения, важной из которых считаем, например, терапевтическую.

Человек общается с цифровым устройством не в зоне своей коммуникативной компетенции, а так, как «комфортно» электронному девайсу – строго, прямолинейно, простым синтаксисом, без метафор и ассоциаций, то есть языком, лишенным образности и двусмысленности. Диалогизация взаимодействия человека с цифровыми ассистентами пока остается процессом, имеющий в своей основе вектор утилитарности, а именно: оптимизировать временные затраты и максимизировать прямое исполнение запроса пользователя, а для этого необходимо исключить из системы координат человеко-машинной коммуникации языковую «флокенальность» (дефективность, несовершенство), которая подразумевает, что язык, в силу в том числе и антропологически обусловленных причин, коммуникативно неадаптивен [8, с. 135]. Это же подтверждает гипотеза американского лингвиста Н. Хомского [9] и Т.В. Черниговской [10], утверждавших, что язык возник из необходимости обеспечивать сложные мыслительные процессы, направленные, в первую очередь, на интерпретацию поведенческих реакций своих сородичей, а для этого можно обойтись и без специальной грамматики и сложного синтаксиса. Этимологическая история языка объясняет нам те коммуникативные трудности, с которыми сталкиваются люди [7].

Несмотря на кажущуюся совершенство, человеческое речевое взаимодействие, на модели которой диалогизируются цифровые устройства, имманентно несет в себе необходимую «дефективность», вызывающую проблемы в коммуникативной сфере. Однако такая проблематичность обладает большим дискурсивным потенциалом, столь необходимым для естественного человеческого общения.

Слово как единица коммуникативного акта, выполняя номинативную функцию, вводит обозначаемый предмет в систему определенных связей и отношений по отношению к другим предметам, явлениям, свойствам и признакам. А его значение (смысл) сам по себе отпечаток социального лингвокреативного мышления, поскольку содержит обобщающее свойство предмета и зафиксировано в графическом знаке мыслительной операцией обобщения. Обобщение, в свою очередь, при вводе слова в коммуникативное пространство продуцирует множество смыслов и смысловых полей. Например, если произнести слово «солнце», то само по себе как общее представление о предмете информативно недостаточно и требует уточнения, но введенное в конкретную речевую ситуацию оно приобретает коммуникативные характеристики. Таким образом, внутренняя установка слова на диалог, согласно учению М. М. Бахтина, – это имманентное его свойство как коммуникативного знака, продуцирующее неоднозначность человеческого общения в естественном контексте.

С биологической точки зрения «человеческая коммуникация опосредована высшей нервной деятельностью. Эволюция человека, в определенный момент пошедшая по линии увеличения объема и формирования особых зон и отделов мозга, усложнила поведение (в том числе коммуникативно-речевое) человека» [3, с. 56]. Так, современные биологи отмечают, что индивидуальная изменчивость мозга, детерминированная субъективным церебральным метаболизмом, перекрывает гендерную, расовую и этническую.

Заключение. Специфика коммуникации человека и цифрового девайса раскрывается в контексте дискурсивной продуктивности как имманентного свойства диалога, понимаемого в широком смысле слова. Голосовой помощник как цифровой объект коммуникации – это виртуальный ассистент, реагирующий на голосовые команды пользователя и созданный на базе цифровой «нейронной» сети по аналогии с человеческой, обученной на текстовом массиве.

Модернизированные виртуальные ассистенты помимо сугубо утилитарных задач, призваны удовлетворять еще и коммуникативные запросы пользователя. Как правило, естественное речевое взаимодействие субъектов при наличии отправных коммуникативных координат, лишено шаблона, то есть речевой акт не алгоритмизован и спонтанен, следовательно, коммуникантам сложно спрогнозировать результат общения и его эффективность, что, в свою очередь, отталкивает коммуникативно-речевой потенциал говорящих. Таким образом, дискурс есть явление, имманентно присущее человеческому сознанию и материально выражающееся в процессе речевой коммуникации. Дискурсивная деятельность как свойство субъектного сознания неминуемо порождает дискурс, а коммуникативный акт, носящий субъектно-субъектный характер, приводит к соприкосновению дискурсивных полей акторов. Несовершенство языка как средства коммуникации предопределило возникновение так называемой смысловой «буферной зоны» (термин наш – Д.Б., К.Г.) в дискурсивном пространстве, которая стабилизирует речевое взаимодействие людей, стимулирует познавательные преобразования субъектов общения и их дальнейший коммуникативный потенциал. Человеко-машинная коммуникативная модель, утилитарно ориентированная и запрограммированная на максимальное понимание требований человека в одностороннем порядке блокирует дискурсивную продуктивность общения.

Список источников

1. Бурлак С.А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. 607 с.
2. Готлиб Ф.И. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучения. Минск : Харвест; Москва: АСТ, 2000. 783 с.
3. Гущина К.Н. Флокенальность вербальной коммуникации: антропологический подход // Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (81). С. 55–57.
4. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. Санкт-Петербург : Питер, 2021. 448 с.
5. Монич Ю.В. К истокам человеческой коммуникации ритуализованное поведение и язык. Москва: Акад. гуманитар. исслед., 2005. 443 с.
6. Сарычев В.Д. Святоотеческое учение о богопознании. Богословские труды. Сборник третий. Москва, 1964. С. 35.
7. Томаселло М. Истоки человеческого общения. Москва : Языки славянских культур, 2011. 323 с.
8. Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. Москва: АСТ, 2019. 335 с.
9. Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. Санкт-Петербург : Питер, 2021. 320 с.
10. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера. Мозг, язык и сознание. Москва : АСТ, 2021. 496 с.

References

1. Burlak S.A. The origin of the language. Facts, studies, hypotheses. Moscow: Alpina non-fiction, 2019:607.
2. Gottlieb F.I. Facts of consciousness. The purpose of a person. Science studies. Minsk: Harvest; Moscow: AST, 2000:783.
3. Gushchina K.N. Flockenality of verbal communication: anthropological approach. Humanitarian studies. 2022;1(81):55–57.
4. Luria A.R. Higher human cortical functions and their disorders in local brain lesions. Saint Petersburg: Peter. 2021:448.
5. Monich Yu.V. To the origins of human communication: ritualized behavior and language. Moscow: Akad. humanitarian. research, 2005:443.
6. Sarychev V.D. Patristic doctrine of the knowledge of God. Moscow. 1964:35.
7. Tomasello M. The origins of human communication. Moscow: Languages of Slavic cultures. 2011:323.
8. Frith K. Brain and soul: How nervous activity shapes our inner world. Moscow: AST Publishing House, 2019:335.
9. Chomsky N., Berwick R. A talking man. Evolution and language. Saint Petersburg: Peter. 2021:320.
10. Chernihiv T.V. Cheshire smile of the Schrodinger cat. Brain, language and consciousness. Moscow: AST Publishing House. 2021:496.

Информация об авторах

Д.М. Бычков – кандидат филологических наук, доцент.

К.Н. Гущина – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

D.M. Bychkov – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

K.N. Gushchina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 13.05.2023; принята к публикации 17.05.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 13.05.2023; accepted for publication 17.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 24–28.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):24–28.
Научная статья
УДК 81.42

**Идиостилевая специфика прецедентных феноменов
(на материале публицистических текстов НИУ «БелГУ»)**

Татьяна Сергеевна Жигулина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, zhigu.tatyana@yandex.ru

Аннотация. В лингвистической науке проблема функционирования прецедентных феноменов рассматривается с учетом комплексного подхода. На сегодняшний день не существует единой классификации прецедентных феноменов. Традиционно прецедентные тексты рассматриваются учеными с точки зрения когнитивной лингвистики (Ю.Н. Караулов, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, В.Г. Костомаров и др.) и лингвокультурологии (С.Л. Кушнерук, Г.Г. Слышкин, Л.И. Гришаева). Исследование функциональной природы прецедентных феноменов осуществляется на основе классификации Г.Г. Слышкина и позволяет определить скрытые прагматические интенции адресанта. Целью данной статьи является определение роли прецедентных феноменов в формировании идиостилевого пространства публицистического текста. Актуальность темы обусловливается смысловой динамичностью и вариативностью прецедентных феноменов и экстралингвистической детерминированностью текста. Частотное функционирование прецедентных феноменов характерно для текстов газеты «Будни» и охватывает период с 2002 по 2012 год. На основе проведенного анализа выявляется характер речевого воздействия на читателя. Использование прецедентных феноменов в публицистических текстах газет НИУ «БелГУ» выявляет имплицитный характер их функционирования и способствует оценочно-экспрессивному восприятию. С помощью персуазивной функции достигается убеждение при помощи аргументации, источником которой является авторитетный субъект. Наибольшее количество прецедентных феноменов в текстах газеты НИУ «БелГУ» выполняют людическую функцию (игровая), которая актуализирует не только передачу мыслей, но и способ ее выражения с целью создания экспрессивности и живости восприятия. Парольная функция прецедентных феноменов способствует идентификации «своих» и «чужих», поэтому выбор языковых средств направлен на преодоление оппозиции автор – читатель. Коммуникативная задача адресата – раскодировать парольную природу прецедентных единиц. Исследование проблемы прецедентности позволяет выявить стилистические характеристики рассматриваемого феномена.

Ключевые слова: прецедентные феномены, функции прецедентных феноменов, публицистический текст, идиостилевая специфика, НИУ «БелГУ»

Для цитирования: Жигулина Т.С. Идиостилевая специфика прецедентных феноменов (на материале публицистических текстов НИУ «БелГУ») // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 24–28.

Research article

**Idiostyle specificity of precedent phenomena
(based on the material of journalistic texts of the National Research University «BelSU»)**

Tatyana S. Zhigulina

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, zhigu.tatyana@yandex.ru

Abstract. In linguistic science, the problem of the functioning of precedent phenomena is considered taking into account an integrated approach. To date, there is no single classification of precedent

phenomena. Traditionally, precedent texts are considered by scientists from the point of view of cognitive linguistics (Yu.N. Karaulov, D.B. Gudkov, V.V. Krasnykh, V.G. Kostomarov, etc.) and cultural linguistics (S.L. Slyshkin, L.I. Grishaeva). The purpose of this article is to determine the role of precedent phenomena in the formation of the idiosyncrasy space of a journalistic text. The study of the functional nature of precedent phenomena is carried out on the basis of the classification of G. G. Slyshkin and allows you to determine the hidden pragmatic intentions of the addresser. The purpose of this article is to determine the role of precedent phenomena in the formation of the idiosyncrasy space of a journalistic text. The relevance of the topic is determined by the semantic dynamism and variability of precedent phenomena and the extralinguistic determinism of the text. The frequency functioning of precedent phenomena is typical for the texts of the *Budni* newspaper and covers the period from 2002 to 2012. Based on the analysis, the nature of the speech impact on the reader is revealed. The use of precedent phenomena in journalistic texts of the NRU «BelSU» newspapers reveals the implicit nature of their functioning and contributes to evaluative and expressive perception. With the help of the persuasive function, conviction is achieved with the help of argumentation, the source of which is an authoritative subject. The largest number of precedent phenomena in the texts of the NRU «BelSU» newspaper perform a ludic (playing) function, which actualizes not only the transmission of thoughts, but also the way it is expressed in order to create expressiveness and liveliness of perception. The password function of precedent phenomena contributes to the identification of «us» and «them», therefore the choice of language means is aimed at overcoming the opposition between the author and the reader. The communicative task of the addressee is to decode the password nature of the precedent units. The study of the problem of precedence makes it possible to reveal the stylistic characteristics of the phenomenon under consideration.

Keywords: precedent phenomena, functions of precedent phenomena, journalistic text, idiosyncrasy specificity, National Research University «BelSU»

For citation: Zhigulina T.S. Idiosyncrasy specificity of precedent phenomena (based on the material of journalistic texts of the National Research University «BelSU»). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):24–28. (In Russ.).

Многоаспектное исследование феномена прецедентности в современной лингвистической науке обусловлено системой подходов к изучению данной теоретической проблемы. Термин *прецедентные тексты* в научный оборот был введен Ю.Н. Карауловым и рассматривался в следующих направлениях: [1] «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, [2] имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие [3] обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216]. В качестве культурного знака, который в тексте актуализирует «культурную память» [2, с. 121–123], исследует прецедентный текст А.А. Евсюгина. В качестве прецедентного текста Е.А. Баженова рассматривает «потенциально автономный смысловой блок речевого произведения, актуализирующий значимую для автора фоновую информацию и апеллирующий к «культурной памяти» читателя» [7, с. 107].

Следует отметить, что состав прецедентных феноменов динамичен, поскольку под влиянием экстралингвистических факторов происходит когнитивная трансформация: изменение или смена прецедентных текстов и имен. Под прецедентным именем В. В. Красных понимает «лингвокультурологическую единицу, обладающую коннотативной, символической, экспрессивной функциями» [4, с. 57].

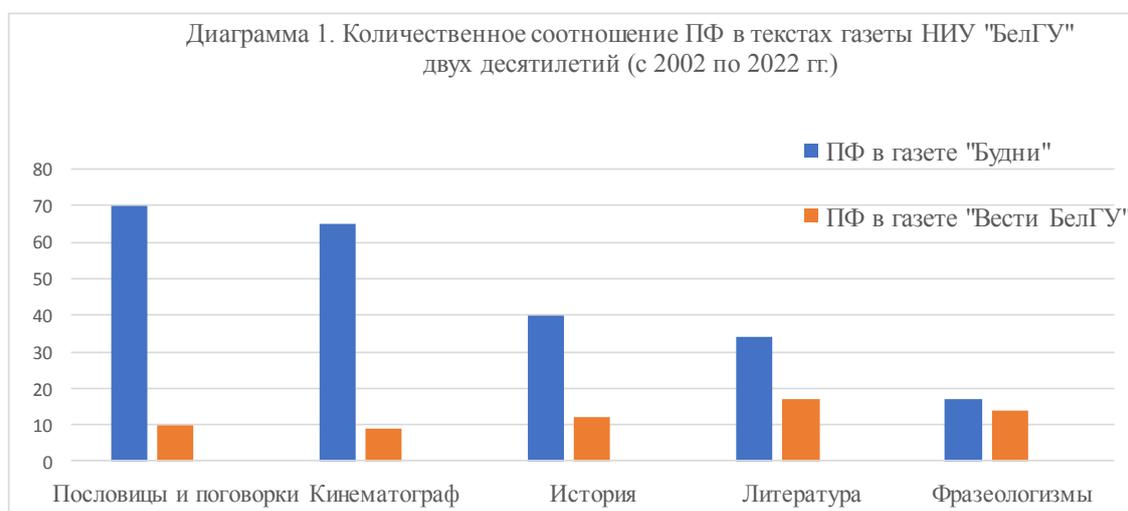
Вслед за А.А. Негрышевым считаем, что воздействие с помощью цитат не ограничивается «эмоционально-оценочным модусом» [5, с. 60] и не противопоставлено информированию, которое является имплицитным способом воздействия. Например, в серии публицистических текстов НИУ «БелГУ», в которых сообщается о достижениях студентов в различных сферах деятельности, интеркстема «...МОЖЕТ СОБСТВЕННЫХ ПЛАТОНОВ И БЫСТРЫХ РАЗУМОМ НЕВТОНОМ РОССИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ РОЖДАТЬ» выполняет оценочно-экспрессивную функцию. При главенствующей позиции номинативно-информативного эффекта, воздействие на адресата не выражено открыто, а имплицитно благодаря прецедентному тексту, источником которого является художественный текст.

Использование прецедентных феноменов в публицистических текстах характерно преимущественно для заголовков, благодаря чему усиливается воздействующий потенциал, который достигается «путем актуализации интертекстуальных связей и художественно-эстетических «ресурсов» сознания» [5, с. 71].

В своем исследовании мы будем придерживаться классификации Г.Г.Слышкина, который отмечает полифункциональную природу прецедентных феноменов (ПФ) и выделяет их основные функции с точки зрения коммуникации: номинативная; персуазивная; людическая и паролльная.

Частотное функционирование ПФ характерно для текстов газеты «Будни» и охватывает период с 2002 по 2012 год. ПФ в текстах газеты «Вести БелГУ» встречаются гораздо реже. Представим соотношение ПФ в публицистических текстах НИУ «БелГУ» разных десятилетий.

В текстах газеты «Будни» самым частотным источником ПФ является сфера «Пословицы и поговорки» (см. рис.). Далее следуют «Кинематограф» и «История». Менее частотными оказались источники сферы «Литература» и «Фразеологизмы». В текстах газеты «Вести БелГУ» самыми частотными источниками ПФ являются сферы «Литература» и «Фразеологизмы». Менее частотными «История», «Кинематограф» и «Пословицы и поговорки».

Количественные показатели частотности той или иной сферы ПФ свидетельствуют об актуализации «коммуникативного сотрудничества», которое возможно в случае, если адресат верно определит закодированную автором информацию.

Стилистический потенциал лексики обуславливает широкий и емкий функционал прецедентных единиц, относящихся к номинативной функции.

Рассмотрим примеры реализации номинативной функции:

Ясли для Рокфеллера (в статье идет речь об открытии «бизнес – инкубатора» в Белгороде). Прецедентное имя «Рокфеллер» используется с целью номинации финансовых перспектив, которые открываются перед студентами;

В помощь Эскулапу. Прецедентное имя «Эскулап» (бог врачевания у древних римлян) выступает номинацией оригинальных идей ученых НИУ «БелГУ»; *Наука по Моцарту*. Прецедентное имя «Моцарт» используется в качестве номинации выдающихся способностей преподавателя; *Геракл из НИУ «БелГУ»*.

С помощью персуазивной функции достигается убеждение в том или ином вопросе благодаря тому, что ПФ восходит к авторитетному мнению: *Поэтому на вопрос «Что отложилось в памяти поседевших детей войны?», наверное, не смогу ответить лучше, чем это сделал Твардовский.*

Прецедентный заголовок «России верные сыны» эксплицирует сообщаемую информацию: в статье речь идет о встрече студентов и ветеранов Великой Отечественной войны.

Наибольшее количество ПФ в текстах газеты НИУ «БелГУ» выполняют людическую функцию (игровая), которая актуализирует не только передачу мыслей, но и способ ее выражения с целью «снижения напряженности общения путем обмена загадками-реминисценциями» [6, с. 25]. По мнению А.А. Негрышева, языковая игра «складывается из таких сущностных компонентов, как эстетизм (удовольствие от <...> необычности) и конвенциональность (знание правил игры)» [5, с. 77]. Благодаря использованию данной функции публицистический текст получает экспрессивность и живость восприятия.

Игровыми средствами в текстах газеты НИУ «БелГУ» порождаются заголовки. Являясь экспрессивными единицами, они привносят в сообщаемую новость юмор, ощущение непринужденности и легкости. Вслед за А.А. Негрышевым мы считаем, что «наличие языковой игры в новостном тексте есть признак скрытых прагматических интенций отправителя информации» [5, с. 78]. В новостной статье «Не в зеркалке счастье» о новом виде искусства (мобилографии) автор подчеркивает, что необязательно иметь дорогостоящий фотоаппарат для получения качественных снимков. Трансформация поговорки *Не в деньгах (только) счастье* выполняет имплицитную функцию мотивации читателя. Эффект мотивации заключается в демонстрации собственных умений использовать доступные средства.

В статье с заголовком «Что нам стоит вуз построить?» информируется о завершении ремонта в одном из корпусов университета. Источником ПФ является песня мастеров «Что нам стоит дом построить?» из советского фильма «На златом крыльце сидели».

Функционирование ПФ демонстрирует порождение комического эффекта: *«Меня могут спросить, зачем так «разгонять» университет? Не резон отдавать наше образовательное пространство всевозможным «рогам и копытам», различным филиалам»*. Прецедентным текстом является роман «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, в котором речь идет о подставной конторе «Рога и копыта», созданной для мошеннических операций. Таким образом, автор статьи ставит под сомнение репутацию образовательных учреждений, которые не являются государственными.

Следующим примером реализации людической функции является ПФ «Его величество студент». В словаре русских синонимов «Его величество» – это «государь, монарх», в контексте создается комический эффект: *«На всех встречах с преподавателями вуза, на ректоратах я не устаю повторять, что главная фигура в университете – это **Его Величество Студент**»*.

Заголовок «Спасите наши уши» является трансформацией названия советского фильма «Спасите наши души»; употребление ПФ в статье медицинской направленности, посвященной проблемам нарушения слуха.

Трансформированный прецедентный заголовок «Миссия выполняема» (сфера-источник «Кинематограф») формирует у читателей позитивный образ университета с помощью эмоционально-психологического воздействия.

Прецедентный текст «Так ли страшен ЕГЭ, как его малюют?» позволяет с помощью языковой игры показать, что уровень сложности затрагиваемой проблемы преувеличен. ПФ «Знание и труд сталь создадут» восходит к пословице «Терпение и труд все перетрут»; в статье повествуется о научном сотруднике университета, который при помощи творческого подхода и ответственности добился научного результата.

Парольная функция ПФ помогает идентифицировать «своих» и «чужих» и является показателем причастности говорящего к определенной группе: общественной, политической или идеологической. Выбор языковых средств направлен на преодоление оппозиции автор – читатель. Коммуникативная задача будет успешной в том случае, если адресат раскодирует парольную природу прецедентных единиц. Например, *«Сессия сессией, а в Титовку по расписанию!»*. В селе Титовка находится база отдыха «Нежеголь НИУ БелГУ», предназначенная для сотрудников и студентов университета. С помощью языковой игры автор зашифровывает новость для «своих» – преподавателей и студентов университета, потенциальных читателей.

Исследование стилистической специфики текстов газет НИУ «БелГУ» показывает, что ПФ употребляются как в неизменном виде (*Рокфеллер, Архимед, Тютчев, «Вставай, страна огромная!..», «Тройственный союз», «Умом Россию не понять*), так и в трансформированной

форме (*Не в зеркалке счастье, «Спортсменка, журналистка и просто красавица», «Следствие ведут... КВНщики»*).

Прецедентные феномены в текстах университетской газеты НИУ «БелГУ» формируют идиостиль периодического издания, являясь средством экспликации коммуникативных установок говорящего, и обусловлены экстралингвистическими факторами.

Список источников

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Москва, 1999. 248 с.
2. Евстюгина А.А. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России. Москва, 2000. С. 121–123.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987. 261 с.
4. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникации // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 1997. № 3.
5. Негрышев А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ : учеб. пос. Владимир: ВГГУ, 2009. 144 с.
6. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография. Волгоград, 2004. С. 339.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М.Н. Кожиной. Монография, 2019. 696 с.

References

1. Gudkov D.B. Precedentnoe imya i problemy precedentnosti. Moscow. 1999:248.
2. Evstyugina A.A. Funkcionirovanie precedentnyh fenomenov v politicheskom diskurse rossijskih SMI. Moscow, 2000:121–123.
3. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. Moscow: Nauka. 1987:261.
4. Krasnyh V.V., Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Bagaeva D.V. Kognitivnaya baza i precedentnye fenomeny v sisteme drugih edinic i kommunikacii. Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 9. Filologiya. 1997;(3).
5. Negryshev A.A. Aspekty rechevogo vozdejstviya v novostyah SMI. Vladimir: VGGU, 2009: 144.
7. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty. Volgograd, 2004:339.
8. Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka / ed. M.N. Kozhina. Moscow, 2019:696.

Информация об авторе

Т.С. Жигулина – аспирант.

Information about the author

T.S. Zhigulina – postgraduate student.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Статья поступила в редакцию 29.03.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 29.03.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication 05.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 29–34.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):29–34.
Научная статья
УДК 811.112

Способы, формы и причины самономинации в интернет-пространстве

Олеся Владимировна Кисель¹, Кирилл Сергеевич Бутов²

^{1,2}Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

¹olesja-kisel@rambler.ru; <http://orcid.org/0000-0001-8503-9948>

²kirillb.04@mail.ru

Аннотация. Стремительные темпы развития информационно-коммуникационных технологий привели к возникновению новых способов обработки информации. Онлайн коммуникация стала неотъемлемой частью человеческого существования. Как и в офлайн коммуникации человеку необходимо презентовать себя, но правила и способы данной номинации проходят по совершенно новым законам и правилам. Интернет – имя: никнейм или ник, является основой процесса самопрезентации. Актуальность исследования заключается в возрастающем интересе к данному способу самопрезентации интернет-пользователей, который требует многоаспектного анализа как в рамках виртуального дискурса, так и в рамках лингвистики в качестве нового антропонимического знака, идентифицирующего личность в интернет-пространстве. Материалом для исследования послужили около 600 никнеймов реальных пользователей. Цель исследования – выявить закономерности самономинации, а также способы и причины выбора того или иного ника. Методы, используемые автором в исследовании, были как общенаучные, так и частнонаучные. Основным методом сбора материала стал опрос Интернет пользователей, с целью выявления причин выбора того или иного никнейма. Систематизация полученного материала основана на семантических аспектах, характерных для данной ономастической группы. На основе созданной классификации были определены две группы причин самономинации: социальные и индивидуальные. Данные группы соотносятся с мотивами имянаречения в офлайн среде. Автор приходит к выводу, что никнейм является полноценной ономастической категорией, а причины, которым руководствуется пользователь при самономинации в интернет-пространстве, схожи с мотивами имянаречения в реальной жизни.

Ключевые слова: никнейм, интернет-имя, коммуникация, оним, самономинация, семантика, ономастка

Для цитирования: Кисель О.В., Бутов К.С. Способы, формы и причины самономинации в интернет-пространстве // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 29–34.

Research article

Ways, forms and reasons for self-nomination in Internet space

Olesya V. Kisel¹, Kirill S. Butov²

^{1,2}Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹olesja-kisel@rambler.ru; <http://orcid.org/0000-0001-8503-9948>

²kirillb.04@mail.ru

Abstract. The rapid pace of development of information and communication technologies has led to the emergence of new ways of processing information. Online communication has become an integral part of human existence. As in offline communication, a person needs to present himself, but the rules and methods of this nomination follow completely new laws and rules. Internet – name: nickname or nickname is the basis of the process of self-presentation. The relevance of the study

lies in the growing interest in this phenomenon, which requires a versatile and multifaceted analysis both within the framework of virtual discourse and as a new anthroponymic sign that identifies a person in the Internet space. The material for the study was about 600 nicknames of real users. The purpose of the study is to identify the patterns of self-nomination, as well as the ways and reasons for choosing one or another nickname. The methods used by the author in the study were both general scientific and private scientific, namely, a survey of Internet users in order to identify the reasons for choosing one or another nickname. The author grouped all the empirical material into several groups. The systematization is based on the semantic aspects characteristic of a given onomastic group. Based on the created classification, two groups of reasons for self-nomination were identified: social and individual. These groups correlate with the motifs of naming in an offline environment. The author comes to the conclusion that the nickname is a full-fledged onomastic category, and the reasons that the user is guided by when self-nominating in the Internet space are similar to the motives for naming in real life. The form of the nickname is not regulated by any laws, and often the information that the nickname contains can only be determined by polling the user.

Keywords: nickname; Internet-name; communication; onym; self-nomination; semantics; onomastics

For citation: Kisel O.V, Butov K.S. Ways, forms and reasons for self-nomination in Internet space. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):29–34. (In Russ.).

Информационные технологии активно развиваются и сейчас, в XXI веке, они являются совершенно новыми способами хранения, передачи и поиска информации. Данные информационно-коммуникационные технологии видоизменяют систему языка на всех уровнях. В активный вокабуляр лингвиста вошли такие понятия как виртуальная языковая личность, самопрезентация личности, Интернет-коммуникация. С появлением новых технологий появились компьютерные среды, позволяющие создавать виртуальные миры, в которых пользователи Интернета могут представлять себя, используя цифровые, а не физические референты. Они по своей сути являются дискурсивными пространствами, где люди активно собираются для общения [4]. Никнейм как новый языковой знак привлекает большое количество ученых-лингвистов [12; 14].

Коммуникация в Интернет пространстве обязывает любого пользователя самоидентифицироваться. Самопрезентация проходит посредством никнейма. Данное явление ограничивается лишь фантазией имядателя. Никнейм может состоять из любых семиотических знаков, однако обязательным условием является то, что через ник пользователь Интернета должен быть узнаваемым [1].

Как отмечают А.И. Дубских, А.В. Бутова и др. «XXI век начался как век самопрезентации, о его наступлении возвестили заранее и восприняли как событие мирового масштаба» [3, с. 107].

Исследователи теорий самопрезентации [7; 8; 10] склонны считать, что человек делает свою идентичность осязаемой, или самореализующейся, ассоциируя себя с материальными объектами и местами. Так, Д. Мик, включает символы и знаки в набор объектов материальной культуры, которые часто относятся к физическим объектам [13].

Самопрезентация как и любая презентация человека невозможна без основного ее компонента – имени. Для Интернет-среды данным именованием является никнейм или ник [6; 2].

Интернет-общение основано на письменном тексте, хотя некоторые среды позволяют общаться с помощью картинок, фото или микрофонов. Это находит свое отражение, например, в труднопроизносимых именах. Так, по нашим наблюдениям и на основе анализа собранного материала были выделены следующие группы никнеймов.

Ники с применением различных знаков и символов:

- наиболее распространенными являются имена, составленные из наборов разных знаков и букв *schgy, GB, Zs Zs, ygs <SGy*.

- с использованием визуальных эффектов: *cLoNehEAd, m_@_d, *** vv* и цифр: *me33, 1²36₅4;*

- не содержащих семантического значения (*dddd, ffgghgf*), которые, однако, по-прежнему выполняют их основную функцию, служат логинами для входа на сайты [11].

- различные фонетические транскрипции, например, *David, Un4GIVEN (непроценный);*

- объединение слов в одно *Я_знаЮ_как*;
- использование нижнего и верхнего регистра *amanDa, niNA, arteK*;
- шуточные названия: *красота ищет зверя, история зубного протеза*;
- имена с ярко выраженной семантической основой: *о мой бог; теперь я знаю Бога*.

Ники, происходящие от имен собственных

Ники, основанные на личных именах, составляют большую часть материала данного исследования, более 31 %. Среди них идентификационные имена, которые происходят в большем количестве от личных имен, используемых человеком в повседневной жизни.

- фамилии: *Butoff, Sarbulat*;
- имена: *Ann, Anhelika*;

Также не редкость, когда используется более одного типа имени для создания своего никнейма. Есть большое количество никнеймов, которые являются соединением имен и фамилий: *OVKiss, ButAV*.

Присвоение имени также содержит дополнительную информацию о носителе, поскольку это было сделано с намерением выразить уважение или отождествить себя с известной личностью. Среди них можно найти:

- спортсменов *Dzyuba*;
- музыкантов *Lenon*;
- актеров *Stillavin*;
- политиков *метод Медицинского*

Ники, созданные из кличек домашних животных

Пользователь включает в никнейм кличку или часть клички своего домашнего питомца: *Simonna* (имя собаки), *bubika77* (имя попугая с номером).

Ники, основанные на географических названиях или названиях астрономических объектов

- *Нереида* (третья луна в системе Нептуна);
- астрономические названия: *Дракон* (человек родился в этот год), *Venera*;
- *MoSkva* относится к месту рождения носителя.

Ники, основанные на названиях произведений, фильмов, брендов, а также имеющих в своем составе имена известных личностей

- фильмы: *Эйфоруиуа, tante* (название французского сериала);
- бренды: *Коля_Coke*;
- названия лекарств: *Fluimucil, СимBalta* (антидепрессант);
- имена авторов и персонажей: *бездомный* (из Мастера и Маргариты); *Донхот; Мэллори* (из фильма «Прирожденные убийцы»); *Лука Брази* (из фильма «Крестный отец»); *мистер Спок* (из теленовеллы «Звездный путь»).

Ники, в состав которых входят нарицательные слова с ярко выраженной коннотацией

Никнеймы, относящиеся к данной группе, указывают на богатую фантазию их создателей. Хотя и не слишком часто, но выбранное имя действительно дает некоторую информацию о носителе. Так, можно выделить следующие подгруппы:

- профессии: *хуДожник, Bürokauffrau*;
- возраст: *33+, Яблочко_45*.

Ники, основанные на физиологических характеристиках пользователя

Среди проанализированных ников чаще встречались те, которые относились к определенному признаку:

- внешность: *Blonde* (цвет волос); *Бородач* (наличие густой бороды); *коррротыш_ка* (противоположность высокой фигуре);
- внутренние характеристики: *Malenkaya woman; Life, Harmonia, ЗеЛеный* (человек-новичок в интернете); *Pa-Nick*.

Довольно часто название предметов входят в состав ников. Таким образом название любимой еды, или напитка могут стать ником: *смородина; кленОвый сиропГ; УЗО* (название алкогольного напитка); *M537A3* (номерной знак автомобиля).

Ники, созданные «под влиянием момента»

Данная группа никнеймов является прекрасным примером возможностей самоидентификации и открытых рамок фантазии имядателя. Например, никнейм *Erfindung* (в переводе

с немецкого изобретение), был создан только потому, что это было первое слово, которое пользователь заметил в словаре.

Из этих данных сразу становится очевидным, что большинство пользователей считают свои личные имена частью своей личности, и они привязаны к ней даже тогда, когда в Интернет пространстве они могут свободно выбирать любое другое имя.

Как показал анализ никнеймов, имятворчество в интернет-пространстве не ограничено никакими лингвистическими законами (нет четкого указания на пол носителя, нет четкого указания на «официальное именование», избытие различных нелингвистических знаков, смешение кириллицы и латиницы). В процессе имянаречения пользователь руководствуется или индивидуальными особенностями, или же социально значимыми реалиями. «В данном случае языковые знаки являются лишь символами для образования нового никнейма. Интернет-пространство предлагает обширное поле для имятворчества. Законы классической ономастической номинации подвергаются изменениям. Никнейм зачастую не поддается анализу, а его информационный потенциал может быть описан лишь с помощью пользователя Интернета, который является его создателем» [5, с. 223].

На основе собранного эмпирического материала (никнеймов пользователей) можно выделить две группы мотивов для имятворчества в Интернет пространстве: социальные и индивидуальные.

Социальные:

На основе кличек домашних животных – 9 % (от общего количества всех ников);

На основе топонимов – 12 % (от общего количества всех ников);

На основе названия объектов – 6 % (от общего количества всех ников);

На основе названий произведений, фильмов, брендов – 8 % (от общего количества всех ников).

Индивидуальные:

На основе личного имени с применением знаков и символов – 31 % (от общего количества всех ников);

На основе различных нарицательных слов – 16 % (от общего количества всех ников);

На основе физиологических характеристик пользователя – 15 % (от общего количества всех ников);

Созданные «под влиянием момента» – 3 % (от общего количества всех ников).

Из этих данных сразу становится очевидным, что большинство пользователей считают свои личные имена частью своей личности, и они привязаны к ней даже тогда, когда в Интернет пространстве они могут свободно выбирать любое другое имя.

Группа социальных основ самономинации в Интернет-пространстве охватывает никнеймы, основной целью которых является привлечение внимания к своей персоне, и зачастую данные ники создаются для определенного сообщества или форума и соотносятся так или иначе с темой беседы или обсуждения.

Приведенная выше классификация ников была основана на мотивации пользователей – причине, по которой человек выбрал определенную форму никнейма, находясь в сети.

Таким образом, никнеймы, которые используются в Интернет-пространстве, могут быть интерпретированы как более сложные, чем обычные, уже существующие и официально используемые личные имена.

Никнеймы являются довольно новой категорией в ономастическом пространстве языка. Данная группа онимов далека от однородности, поэтому ее трудно определить и классифицировать.

Как показал исследовательский материал нашей работы, сейчас мир очень богат и разнообразен в виртуальном пространстве. Есть много ников, отражающих имена живых существ и героев, неодушевленных предметов. Среди них довольно много забавных и грустных, содерательных и бессмысленных на первый взгляд, ников.

Интернет – пространство является той сферой, где ономастические законы в их классической форме не работают, доказательством чего являются формы никнеймов, в которых присутствуют различные знаки и символы [9]. Однако один факт остается неизменным – никнейм это именование личности, которое должно нести информацию о своем создателе. При создании

ника необходимо точно определить, что интернет пользователь хочет сказать о себе, а также для какой цели, и в какой ситуации общения будет использоваться никнейм.

Собранный материал показал, что основы создания ников перекликаются с мотивами имянаречения в офлайн среде. Интернет пользователь также, как и в реальной жизни руководствуется или социальными, или же индивидуальными предпочтениями как при имятворчестве, так и при самоиминации.

Ники, состоящие из имени или фамилии, являются оптимальным вариантом для деловой переписки. Нейтральный ник можно использовать для почты. Ники обычно создаются на основе латинского алфавита. Помимо букв, для него также могут использоваться названия граффити, цифры, символы.

Выбор никнейма влияет на общение между людьми. При создании ника для серьезного и интеллектуального разговора можно использовать даже философские термины. Созвучие и запоминаемость никнеймов могут произвести определенное впечатление на интернет-собеседников. Другими словами, ник тоже играет роль индикатора вкуса человека.

Все эти факты следует учитывать в дальнейших работах, так как различные виды Интернет-имен требуют от исследователей ономастов разработки новых подходов и методов.

Список источников

1. Балкунова А.С., Рянская Э.М. Место никнеймов в ономастике // Вестник НВГУ. 2010. № 3.
2. Бутова А.В. Самопрезентация субъекта в масс-медийном дискурсе // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования : материалы I Национальной научно-практической конференции. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. С. 1134–1136.
3. Дубских А.И., Бутова А.В., Кисель О.В. Механизмы речевого воздействия в массмедийном дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2019. № 6 (139). С. 107–112.
4. Зубарева А.В. Никнейм как особый тип онимов: в поисках интегрального признака // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 4. С. 115–123.
5. Кисель О.В., Дубских А.И., Бутова А.В. Мотивы самопрезентации личности в интернет-пространстве посредством никнейма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 5. С. 222–225.
6. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 42 с.
7. Наумова Т.А. Образ «Я» интернет-зависимых и интернет-независимых социальных агентов в виртуальном пространстве : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль : Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2007.
8. Неяскина Ю.Ю. Трансформация идентичности личности в виртуальном мире: особенности самопрезентации пользователей в сети интернет // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук : сб. науч. ст. XIII ежегодной межрегион. научно-практ. конф. Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, Камчатская региональная ассоциация «Учебно-научный центр», 2013. С. 95–101.
9. Собиров Б.С. Основные антропонимические категории // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2020. № 7. С. 193–197.
10. Яковлева Л.С. Самопрезентация личности в публичном пространстве сети интернет: проблема самоидентификации // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием). Оренбург, 2021. С. 745–747.
11. Bechar-Israeli H. Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat // Journal of Computer-Mediated Communication, 1995. № 1 (2). URL: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x>.
12. Langendonck W. Theory and Typology of Propernames. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2007.
13. Mick David Glen Consumer Research and Semiotics: Exploring the Morphology of Signs, Symbols, and Significance. Journal of Consumer Research, 13 (September) 1986. P. 196–213.
14. Reyhan Yusif Habibli The Role of the Proper Names on the Internet-Communication. Journal of Critical Reviews. 2020. Vol. 7, Iss. 4. P. 906–908.

References

1. Balkunova A.S., Rjanskaja Je. M. Mesto niknejmov v onomastike. Vestnik NVGU. 2010;(3).
2. Butova A.V. Samoprezentacija sub#ekta v mass-medijnom diskurse. Sovremennye problemy i perspektivy razvitija nauki, tehniki i obrazovanija. Materialy I Nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Tehn. Un-ty named after G.I. Nosov Publ. 2020:1134–1136.
3. Dubskih A.I., Butova A.V., Kisel' O.V. Mehanizmy rechevogo vozdejstvija v massmedial'nom diskurse. Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019;6(139):107–112.
4. Zubareva A.V. Niknejm kak osobyj tip onimov: v poiskah integral'nogo priznaka. Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2018;(4):115–123.
5. Kisel' O.V., Dubskih A.I., Butova A.V. Motivy samoprezentacii lichnosti v internet-prostranstve posredstvom niknejma. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2019;12(5):222–225.
- 6 Lutovinova O.V. Jazykovaja lichnost' v virtual'nom diskurse. Volgograd. 2013:42.
7. Naumova T.A. Obraz "Ja" internet-zavisimyh i internet-nezavisimyh social'nyh agentov v virtual'nom prostranstve avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psihologicheskikh nauk. Jaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P.G. Demidova. Jaroslavl'. 2007.
8. Nejaskina Ju.Ju. Transformacija identichnosti lichnosti v virtual'nom mire: osobennosti samoprezentacii pol'zovatelej v seti internet. Teorija i praktika sovremennyh gumanitarnyh i estestvennyh nauk. Kamchatka State universitet named after Vitus Bering, Kamchatka regional association «Uchebno-nauchnyj centr». 2013:95–101.
9. Sobirov B.S. Osnovnye antroponimicheskie kategorii. Vestnik Tadžikskogo nacional'nogo universiteta. Serija filologicheskikh nauk. 2020;(7):193–197.
10. Jakovleva L.S. Samoprezentacija lichnosti v publicnom prostranstve seti internet: problema samoidentifikacii. Social'no-gumanitarnye innovacii: strategii fundamental'nyh i prikladnyh nauchnyh issledovanij. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem). Orenburg. 2021:745–747.

Информация об авторах

О.В. Кисель – кандидат филологических наук;

К.С. Бутов – студент Института строительства, архитектуры и искусства.

Information about the authors

O.V. Kisel – Candidate of Philological Sciences;

K.S. Butov – student of the Institute of Construction, Architecture and Art.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 35–45.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):35–45.
Научная статья
УДК 81'26

**Авторитетное мнение как один из способов реализации
инфлюативной функции речи и средства его манифестации**

Елена Евгеньевна Молчанова

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, molchanova1968@inbox.ru

Аннотация. В статье речь рассматривается в аспекте ее влияния на принимающую сторону, то есть в плане воплощения инфлюативной (воздействующей) функции. Вследствие этого внимание акцентируется на одном из способов реализации названной функции – апелляции к авторитетному мнению. Прослеживается соотношение понятий «авторитет», «авторитетность» в связи с анализом коммуникативной категории авторитетности. Устанавливается корреляция инфлюативной функции речи и понятия авторитетности. Осмысливается становление мнения авторитетным и факторы данного процесса, ведущим среди которых считается интеллектуально-нравственный уровень личности. Констатируется ведущая роль конкретной личности в ее речевой манифестации. Выявляется взаимосвязь обращения к авторитетному мнению и приведения прецедентных феноменов, что обусловлено воздействующей функцией таковых. С учетом позиции представления авторитетного мнения относительно основного текста сопоставляются понятия «метатекст», «интертекст», «прецедентный текст», доказывається важность интертекстуальности в преподнесении авторитетного мнения. Рассматриваются способы включения авторитетного мнения, или виды интертекстуальности: цитата, упоминание, эпиграф, аллюзия, реминисценция, пародирование, пересказ чужого текста; подчеркивается ведущая роль цитаты. Обращается внимание на когерентность инфлюативной функции речи и модуса текста, что детерминировано персуазивностью как одной из составляющих модуса.

Ключевые слова: Человек говорящий, инфлюативная функция речи, неманипулятивное речевое воздействие, коммуникативная категория авторитетности, авторитет, авторитетность, прецедентные феномены, интертекстуальность

Для цитирования: Молчанова Е.Е. Авторитетное мнение как один из способов реализации инфлюативной функции речи и средства его манифестации // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 35–45.

Research article

**Authoritative opinion as a way of realizing
influential function of speech and means of manifestation**

Elena E. Molchanova

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, molchanova1968@inbox.ru

Abstract. In the article speech is considered in the aspect of its influence on the receiving party, i.e. in terms of the embodiment of the influential (influencing) function. As a consequence, attention is focused on one of the ways of realization of the named function – appeal to the authoritative opinion. The correlation between the notions of «authority» and «authoritativeness» is traced in connection with the analysis of the communicative category of authority. The correlation of influential function of speech and the concept of authority is established. The authoritative opinion formation and the factors of this process, the leading among which is considered to be the intellectual and moral level of personality, are comprehended. The leading role of a particular person

in its speech manifestation is stated. The authoritative opinion and precedent phenomena are interconnected, which is conditioned by their influential function. Taking into account the position of authoritative opinion in relation to the main text, the notions of «metatext», «intertext», «precedent text» are compared, the importance of intertextuality in the presentation of authoritative opinion is proved. We consider the ways of inclusion of authoritative opinion, or types of intertextuality: quotation, mentioning, epigraph, allusion, reminiscence, parody, retelling of another's text; the leading role of quotation is emphasized. Attention is drawn to the coherence of the inflective function of speech and the modus of the text, which is determined by persuasiveness as one of the components of modus.

Keywords: Person speaking, Influential function of speech, non-manipulative speech influence, communicative category of authority, authority, authority, precedent phenomena, intertextuality

For citation: Molchanova E.E. Authoritative opinion as a way of realizing influential function of speech and means of manifestation. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):35–45. (In Russ.).

Обращение к заявленной проблеме обусловлено, во-первых, непреходящим интересом к Человеку говорящему – языковой личности, рядовой и известной, а также главному продукту, создаваемому им – тексту; во-вторых, наметившейся акцентацией внимания на авторитетном мнении как одном из проявлений Человека говорящего и использованием значимой точки зрения в качестве средства воплощения инфлюативной функции речи, связью авторитетного мнения с феноменом прецедентности, формами представления названного мнения. Вопрос принадлежности инфлюативной функции языку или речи до сих пор вызывает споры, мы разделяем мнение о том, что *словесные единицы обретают силу именно в речи*, когда создается предложение-высказывание, и выстраивается некое множество таковых, ситуативно обусловленных. Инфлюативная функция речи считается психологами первичной [33, с. 118]. Возможно, это объясняется со стремлением получить ответ для понимания интересующего, волнующего. Суть инфлюативной (воздействующей/персуазивной) функции заключается в том, что «она направлена на формирование оценочных установок» [28, с. 37]. Как отмечает один из авторитетных специалистов, «человек говорит не только для того, чтобы выразить мысль. Человек говорит также, чтобы подействовать на других» [6, с. 147]. Анализ источников показывает, что большинство специалистов связывают названную функцию исключительно с манипуляцией, что, как известно, манифестирует негативную интенцию. Однако *воздействие может быть положительно заряженным, когда адресат рассматривается равным адресанту субъектом, вследствие чего он самостоятельно, осознанно меняет мнение, принимает определенные решения*: подлинно дидактическим, аргументирующим, эстетическим, причем эти разновидности часто взаимодействуют. Именно такое позитивное влияние реализуется, на наш взгляд, в книге Д. Рубиной «Больно только когда смеюсь». Учитывая, что чтение – это тоже диалогические отношения, т.е. оно предполагает взаимонаправленность, взаимоотражение сторон. При искренне благожелательной установке каждая способна понять другую, причины, сформировавшие определенную точку зрения даже в случае расхождения позиций.

Диалогичность как фундаментальное свойство человека, речевое взаимодействие с целью реализации нужд, потребностей, желаний как конкретное проявление названного свойства делают коммуникацию актуальной вне времени. Неманипулятивное речевое воздействие, присущее подлинному диалогу, ориентировано на осознанное, далеко не всегда скорое изменение взглядов, а значит, оценок относительно чего/кого-либо и, с высокой степенью вероятности, поведения. Одним из способов реализации инфлюативной функции считается апелляция к авторитетному мнению. Это предполагает наличие авторитета у инициатора воздействия и понимание того, что он, скорее всего, получит признание у адресата. Понятие «авторитет» дефинируется, в частности, как «общепризнанное неформальное влияние какого-либо лица или организации в различных сферах общественной жизни, основанное на знаниях, нравственных достоинствах, опыте ... выражается в способности лица или группы лиц направить, не прибегая к принуждению, поступки или мысли другого человека» [47, с. 11]. Представляется логичным говорить о том, что суть авторитета – это личность, чьи речевые и неречевые поступки вызывают доверие, служат системой координат для оценки собственных и чужих действий, для понимания верности/неверности таковых. Что касается понятия «авторитетность», то его толкование приводится в минимальном количестве источников.

Так, к примеру, оно отсутствует в «Философском энциклопедическом словаре»; «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой переадресуют к трактовке понятия «авторитетный». Еще один лексикографический ресурс определяет понятие крайне узко: «Признанная обществом осведомленность, компетентность кого-нибудь в каких-нибудь вопросах» [44, с. 11]. Широкое толкование находим в специализированном издании: «способность иметь определенный вес среди других людей, быть для них источником идей, пользоваться их уважением и признанием» [40, с. 5].

Как дискурсивная/коммуникативная, категория авторитетности выделена и описана относительно недавно [4; 19] и трактуется следующим образом: «способность текста оказывать воздействие на его реципиента, усиливать коммуникативную позицию автора сообщения, повышать его авторитет» [4, с. 4]. Приведенные позиции, во-первых, однозначно указывают на непосредственную взаимосвязь инфлюативной (персуазивной/воздействующей) функции и понятие авторитетности; во-вторых, позволяя говорить о том, что *суть авторитета – это личность, чьи речевые и неречевые поступки вызывают доверие, служат системой координат для оценки собственных и чужих действий и понимания того, как действовать дальше. При этом условии текст может реализовать авторитетность*. Обретение авторитетов неразрывно связано с формированием личности вообще и дискурсивной – особенно. Становясь личностью, человек обретает культурный багаж определенного объема, состава и качества, что определяется степенью добротности нравственной составляющей. Итак, качество культурного багажа влияет на речевое/коммуникативное поведение, обуславливает идиолект, идиостиль, отражается в речевом паспорте и паспорте. Не менее важным оказывается то, что *содержимое культурного багажа выявляет высокую значимость определенных личностей, их реализаций (в самом разном формате), других явлений, т.е. оценку, которая, собственно, и обуславливает авторитетность для конкретной личности других людей и сделанного им, иных явлений*. Представляется логичным говорить следующее: культурный багаж – это продукт социального влияния и личностных усилий, следовательно – это всегда выбор (за исключением некоторых случаев).

Поскольку апелляция к авторитетному мнению оказывается одним из наиболее частотных средств выразительности и воздействия в анализируемой книге, необходимо говорить о следующем. Основания для наделения конкретной личности авторитетом, а созданного ею – авторитетностью всегда индивидуальны и одновременно чаще всего социально одобрены, а даваемая оценка является «символическим капиталом». В таком случае любое высказывание или его фрагмент обретают «определенную «стоимость» на «рынке» лингвистических действий» [20, с. 14]. Серьезным фактором установления «стоимости» является авторитетность источника сообщения. *Его авторство, обстоятельства представления* (книга, журнал, газета, пресс-конференция, разговор и т.д., и т.п.) *обуславливают наше отношение к слову*.

Маркерами коммуникативной авторитетности считаются следующие элементы: 1) определенные слова и словосочетания, принятые для использования в текстах конкретных стилей (согласно приказу, на основании изложенного и т.п.); 2) фразовые (вводные конструкции), например: «Как говорил Киса Воробьянинов – «Торг здесь неуместен» [37, с. 340]; 3) текстовые (нарратив, дающий основание сделать вывод о доверии; в качестве примеров выступают многочисленные рассказы о встречах с самыми разными людьми, в том числе и известными; в тексте выступают в роли комментарийного материала к содержанию представленных в книге интервью); 4) интертекстовые (ссылка на прецедентный текст, который находит конкретное воплощение посредством аллюзий, реминисценций, цитат), например: «Выдающийся художник Эжен Делакруа говорил: «Время не щадит то, что сделано без затраты времени» [37, с. 72]; 5) интонационные и фонетические, служащие подтверждением знания определенных явлений и людей, связанных с ними, либо выражающие стремление подражать произносительной манере авторитетного лица; 6) невербальные знаки: корона, гербовая печать, подпись, логотип фирмы и т.п.

Средства указания авторитетности дифференцируют на 1) маркеры авторитетности источника и 2) сообщения. Первые из них прямо либо косвенно указывают на авторитетного автора, вторые цитируют авторитетные тексты [20, с. 15]. Чаще всего маркеры обеих групп

выступают интегрировано, например:

«У художника нет личной жизни, он прячет ее, заставляя нас обращаться к его книгам, если нам взбретет вдруг искать истинный источник его чувств. Все его изыскания в области секса, социологии, религии и т.д. – лишь ширма, за ней же только и всего – человек, страдающий нестерпимо оттого, что нет в мире места нежности». Это написал замечательный писатель Лоренс Даррел в романе «Жюстин» [37, с. 345].

Автор текста, в свою очередь ставший для кого-то авторитетом, не только отдельная личность, но и представитель той или иной социальной группы, в связи с чем выделяют *маркеры авторитетности* 1) *конкретного* и 2) *обобщенного*, коллегиального отправителя, например: Лев Толстой однажды нашел в столе какой-то лист бумаги, написанный от руки ... прочитал и сказал: «... а ведь хорошо написано. Кто автор?» И с удивлением обнаружил, что автор – он сам [37, с. 90].

Так что мы, полководцы слов и фраз, наоборот, в более выгодном положении: у нас, помимо груза собственной жизни, есть еще дополнительный вес», разрешенный небесной таможей [37, с. 56].

Изложенное дает основания говорить о том, что апелляция к авторитетному мнению реализуется прежде всего приведением прецедентных феноменов, в связи с чем представляется необходимым рассмотреть понятия «прецедент», «прецедентность» и собственно «прецедентный феномен». В культурно-языковом контексте прецедент – это «определенный комплекс, значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума [42, с. 30]. Он создается не только путем «обращения к прошлому опыту/знанию, но и способом актуального обретения слушателем нового, неизвестного, но оригинального, нестандартного представления какой-либо сущности, явления, события, факта» [11, с. 260]. Прецедентность – «известность, хрестоматийность, востребованность, значимость, эмоциональная и познавательная ценность, реинтерпретируемость» [19, с. 216]. Что касается термина «прецедентный феномен» (ПФ), считаем необходимым заметить следующее. Определение, данное Ю.Н. Карауловым относительно прецедентного текста (ПТ – см. далее), минимально видоизменив, лингвисты распространяют на все многообразие явлений, которые квалифицируют как прецедентные: «... 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»), 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [39, с. 16].

ПФ выполняют следующие функции:

1) *персуазивную* (прагматическую – в других источниках, *прим. автора*), которая подчеркивает значимость ПФ: ведь именно авторитетность феномена, его эталонность позволяют языковой личности апеллировать к нему... для убеждения собеседника в своей точке зрения;

2) *экономии речевых средств* (компрессия, заложенная в конкретном феномене, позволяет компактно сказать о чем-то или ком-то);

3) *выражения мыслей в оригинальной форме* (эстетической – в других источниках, *прим. автора*);

4) *эвфемизации* (если автору по какой-либо причине необходимо избежать прямой номинации); в таком случае говорящий «перекладывает» ответственность за сказанное на автора цитируемого текста, на культурную группу, считающую данный текст прецедентным, на адресата, извлекающего смысл из высказывания;

5) *экспрессивно-декоративную и людическую функции*: апеллируя к ПФ как средству выразительности, коммуникант переводит свое сообщение в игровую тональность, при этом цитата придает двуплановость сообщению, становится фоном, на который накладывается актуальное сообщение;

6) *парольную*, выявляющую принадлежность к одному и тому же сообществу [16, с. 27–28].

В зависимости от степени распространенности разграничивают следующие уровни прецедентных феноменов: 1) *автопрецедентный* – отражение в сознании индивида некоторых фрагментов окружающего мира, обладающих особым познавательным, аксиологическим значением для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды» [13, с. 103], 2) *социумно-прецедентный* –

известное среднему представителю того или иного социума, 3) *национально-прецедентный* – известное среднему представителю того или иного национально-культурного сообщества и 4) *универсально-прецедентный* – известное многим современным людям [13, с. 103; 24, с. 174].

Апеллируя к ПФ каждого уровня, автор предстает в качестве ЯЛ 1) как индивидуума, обладающая собственным сознанием и объемом памяти (1 уровень); 2) ЯЛ как члена определенного социума, обладающая общими с ним знаниями, представлениями и ценностями (2 уровень); 3) ЯЛ как члена определенного национально-культурного сообщества, владеющая определенным набором «культурных предметов» и их символов (3 уровень); 4) ЯЛ в качестве представителя рода человеческого, обладающая общими для всех людей знаниями и представлениями [35, с. 97]. Согласно наблюдениям специалистов, весомые показатели идиостиля связаны с авто- и социумно-прецедентными уровнями [9, с. 125].

В зависимости от источника прецедентности ПФ подразделяются на 1) *прецедентные тексты (ПТ)*, 2) *прецедентные высказывания (ПВ)*, 3) *прецедентные имена (ПИ)*, куда входят разнообразные наименования; 4) *прецедентные ситуации и события (ПС)* [26, с. 171].

ПТ изначально квалифицируются как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер ... и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [19, с. 216]. Следовательно, тексты обретают высокую степень культурной ценности. Именно приведенная дефиниция легла в основу определения ПФ. В связи с выделением прецедентных высказываний (ПВ) и необходимости их отграничения от ПТ трактовка последних подвергается уточнению: «законченный продукт речемыслительной деятельности, полипредикативная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [24, с. 172].

ПВ – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самостоятельная единица, которая может быть или не быть предикативной» [26, с. 175]. В качестве ПВ могут выступать: а) цитаты из текстов разного характера (Карету мне, карету!); б) поговорки (непредикативные сочетания), в) фразеологизмы (по поводу последних двух – спорное мнение). ПВ часто воспроизводятся в речи носителей одного лингвокультурного сообщества. Заметим: *универсальные высказывания*, коими являются большая часть афоризмов, пословицы, в теории ПФ относятся к ПВ.

ПИ – индивидуальное имя, восходящее к широко известному тексту, относящемуся чаще всего к числу прецедентных, или к ситуации, известной носителям языка [23]. ПИ выступает в качестве своеобразного символа определенного качества, характера, ситуации. Согласно одной из наиболее полных классификаций, имена собственные подразделяются на: 1) *антропонимы*; 2) *зоонимы*; 3) *фитонимы*; 4) *топонимы*; 5) *космонимы*; 6) *астронимы*; 7) *фалеронимы (награды)*; 8) *хрононимы* (названия исторических периодов, событий); 9) *документонимы*; 10) *теонимы*; 11) *демонимы* (имена духов); 12) *хрематонимы* (индивидуальные имена неодушевленных предметов); 13) *фиктонимы* (имена в художественных произведениях) [41, с. 17]. Исследователи считают, что в качестве источников прецедентности особенно часто выступают *онимы* следующих групп: 1) *антропонимы* (в том числе и фиктонимы – прим. автора); 2) *топонимы*; 3) *названия художественных и иных произведений* (хрематонимы по А.В. Суперанской – прим. автора); 4) *хрононимы* [31, с. 85–90].

ПС называют те, «к которым обращаются авторы современных текстов в поисках источников для аналогии, способа нетривиальной оценки современных событий или инструмента для моделирования действительности» [31, с. 107]. Актуализируется посредством ПВ и ПИ, при упоминании которых в памяти адресата возникает обозначаемое положение дел (Адам и Ева, В.И. Ленин). Источниками ПС выступают как реальные, так и вымышленные события (сотворение мира, октябрьская революция).

В зависимости от способа реализации ПФ бывают 1) *вербальными* – текст, высказывания, имена (в т.ч. названия) и 2) *невербальными* – произведения живописи, архитектуры, скульптуры, музыкальные произведения, события прошлого и т.д. [26, с. 171]. Представляется важным заметить, что невербальные ПФ тем не менее словесно обозначаются с целью их фиксации и опознавания.

Анализ текста на предмет выявления особенностей реализации инфлюативной функции посредством апелляции к авторитетному мнению требует соотношения трактовок терминов «метатекст», «интертекст», «прецедентный текст».

Термин «метатекст» трактуется, в частности, следующим образом: «высказывания о самом высказывании (исходном тексте), образующее так называемый второй текст с вербализованным прагматическим содержанием» [46, с. 311–312], под которым понимается интерпретация автором основного текста (Там же). Таким образом, нити метатекста «проясняют «семантический узор» основного текста ...» [8, с. 421]. По мнению Жерара Женнета, французского литературоведа, метатекст является совокупностью элементов, которые, в частности, привлекают к нему внимание [17, с. 513]. Итак, это текст о тексте.

Согласно одному из подходов, существует *пять групп метатекстов*: 1) *вводящие* (предисловия и послесловия); 2) *описывающие* (аннотации, резюме и т.п., акцентирующие внимание на важнейших особенностях); 3) *анализирующие*; 4) *комментирующие*; 5) *пародийные*, а основными его функциями считаются следующие: *анализ, комментирование, описание, презентация прототекста* [14, с. 56].

Термин «интертекст» дефинируется как «вся совокупность текстов, отразившаяся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением (в случае аллюзии) или включается в него (как в случае цитаты), а *интертекстуальность* понимается как «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст» [36, с. 49]. *С позиции прагматики интертекстуальность представляет собою «способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой, выражая авторский замысел»* [49, с. 14]. Таким образом, это текст в тексте.

Интертекстуально наполненная речь обращена к текстам прошлого, пусть даже совсем недавнего, в связи с чем ее понимание невозможно без обращения к прецедентным текстам, послужившим для нее источниками или моделями. Прецедентным для конкретной личности текст становится благодаря образованию и воспитанию и входит одной из многих составных частей в *культурный багаж* (п. 1.1.). *Одним из самых серьезных приемов, способствующих обретению текстом статуса «прецедентный», является интертекстуальность*. Следовательно, считаем возможной представить такую цепочку:

- 1) текст, воспринимаемый конкретной языковой/дискурсивной личностью;
- 2) оценка его как прецедентного (влияние образования и воспитания, в том числе самовоспитания);
- 3) интертекстуальность как способ закрепления в качестве такового навсегда/надолго/на небольшой срок;
- 4) интертекст.

ПТ, ставший интертекстом, может: 1) содержаться как в метатексте, так и прототексте; 2) выступать средством представления авторитетного мнения.

Об интертекстуальности свидетельствует наличие в тексте маркированных следов других текстов в виде цитат, аллюзий, вводных рассказов, цитатных включений [2, с. 53]. В связи с этим дифференцируют следующие виды интертекстуальных включений: 1) цитаты; 2) упоминание (то, что именуется ПИ; *прим. автора*); 3) эпитафии (цитаты в др. источниках – *прим. автора*); 4) аллюзии (косвенная цитата в др. источниках – *прим. автора*); 5) реминисценции (косвенная цитата в др. источниках – *прим. автора*); 6) пародирование другого текста; 7) пересказ чужого текста, включенный в новый; 8) «точечные цитаты» – то, что именуется ПИ; *прим. автора*) [47, с. 25–36].

Необходимо заметить, что представленная классификация не является единственной; как и многое другое в теории интертекстуальности, особенно трактовки терминов, она вызывает споры. С учетом сказанного обращаем внимание на следующие моменты:

1. Цитатным может быть и заглавие.
2. *Наряду с пересказом чужого текста* (см. п. 7 в приведенной классификации) может использоваться *текст-«вкрапление» в форме нарратива о личном опыте (в жанре «воспоминание»)*, когда автор рассказывает о своем либо об опыте третьих лиц, связанных с ними, о высказываниях этих людей. В соответствии с этим рассказчик предстает как а) участник (модус «я делал») и является автором нарративного воспоминания; б) свидетель (модус «я

видел») и является автором мемуарного нарратива; в) реципиент (модус «я слышал»/я читал») и является автором нарратива-пересказа [5, с. 37].

Цитата считается ведущей формой представления чужого текста. «Любой текст строится как мозаика цитаций [26, с. 99], поскольку «... основу нашей языковой деятельности составляет гигантский фонд цитат, восходящий ко всему нашему языковому опыту» [10, с. 107]. Логичным представляется тот факт, что цитату именуют «эмблематической формой интертекстуальности», а в качестве канонической функции называют авторитетность [36, с. 52].

Разграничивают узкое и широкое понимание цитаты. В узком смысле цитата дефинируется как «выдержка из устного или письменного текста, требующая если не абсолютной точности, то минимальных изменений содержания, характеризующаяся смысловой завершенностью, графическим обозначением (кавычки, курсив, другой типографский способ) и ссылкой на используемый источник/автора» [7, с. 9]. Представленное определение отсылает к трактовке авторитетности, поскольку называемый источник обладает определенным авторитетом и заслуживает доверия. В широком смысле цитата – это любое включение фрагмента чужой речи в авторский текст.

Упоминание – отсылка к концепту ПЦ, основанная на воспроизведении единицы, являющейся именем данного концепта. В роли таковой выступает заглавие текста или имя автора (широкое понимание цитаты).

Эпиграф – фраза (часто цитата из самых разных источников), находящаяся в сильной позиции – перед текстом или его частью, посредством которой автор поясняет замысел, идею, направляет внимание адресата в заданном направлении, выражает оценку представляемого.

Аллюзия – «стилистическая фигура, содержащая явное указание, аналогию, или отчетливый намек на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закрепленный в текстовой культуре или разговорной речи» [43].

Реминисценция – стилистический прием, представляющий собою «напоминание отдельных элементов художественной литературы, исторических и культурных событий, имен выдающихся людей, осуществляемое посредством настолько трансформированной конструкции, что отсылка к тексту-первоисточнику оказывается затруднительной» [17, с. 45]. Ее считают одним из приемов эзопова языка, интеллектуальной игрой.

Пародирование как обращение к исходному тексту с последующим его преобразованием придает первому комический характер. Примером может служить песня из мультфильма «Пластилиновая ворона», за основу текста которой взята басня И. А. Крылова «Ворона и лисица».

Пересказ чужого текста: был оговорен ранее.

Точечные цитаты – приведение имен персонажей литературных произведений или мифологических героев, которые помогают понять образ или реального человека.

Все изложенное позволяет говорить о том, что инфлюативная функция речи, реализующаяся в апелляции к авторитетному мнению, в виде обращения к прецедентным феноменам, ставшим интертекстами, максимально выявляет модус текста. Под ним подразумевается «выражение отношения говорящего к действительности, к содержанию речи, к собеседнику, к самому себе, к обстановке и форме речи, вплоть до эмоционально-экспрессивной оценки сообщаемого» [1, с. 13]. Ш. Балли, введший в оборот термин и метафорически назвав его «душой предложения», без которой оно не может состояться, отмечает: предложение обязательно выражает оценку, чувство, волю мыслящего субъекта [3, с. 44]. Чаще всего в качестве составляющих категории называют подкатегории модальности, оценочности, эмотивности, эвиденциальности, аппроксимации (приблизительности), отрицания, персуазивности [21, с. 92–100]. Приведенные положения крайне важны для рассмотрения воплощения апелляции к авторитетному мнению в конкретном тексте.

Список источников

1. Арама Б.Е., Шахнарович А.М. Интонация и модальность. Москва – Тамбов : Институт языкознания РАН, 1997. 112 с.
2. Арнольд И.В. Проблемы интертекстуальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1992. № 4. С. 53–61.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва : URSS, 2001. 416 с.

4. Болдырева А.А. Категория авторитетности в научном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 162 с.
5. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Москва : КомКнига, 2005. 320 с.
6. Вандриес Ж. Язык: лингвистическое введение в историю: пер. с франц. Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 2004. 410 с.
7. Варченко В.В. Цитатная речь в медиа-тексте. Москва : URSS, 2007. 235 с.
8. Вежбицка А. Метатексты в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1978. Вып. 8. С. 402–421.
9. Воронцова И.А. Прецедентность как маркер авторского стиля // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 123–129.
10. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: лингвистика, языкового существования. Москва : Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.
11. Голубева Н.А. Деривационная активность концепта «прецедент» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 259–264.
12. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Москва : Изд-во МГУ, 1999. 149 с.
13. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва : Гнозис, 2003. 288 с.
14. Гурочкина А.Г. Метоязыки, метокоммуникация, метатекст (к объему содержания понятий) // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. Москва : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 22–30.
15. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. Москва : АСТ, 2005. Т. 1. А-Л. 1168 с.
16. Завьялова Г.А. Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 185 с.
17. Заводникова Е.Л. Современные трактовки метатекста и метаперевода // Вестник Пермского университета. Социально-экономические науки. Лингвистика и перевод. Иностранные языки и связи с общественностью. 2016. № 2. С. 512–516.
18. Золотухина Е.Н. Интертекстуальность в современном русском языке // Наш язык. 2008. № 5. С. 44–46.
19. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Наука, 1987. 261 с.
20. Кашкин В.Б. Авторитетность как коммуникативная категория // Известия ВГПУ. 2007. С. 12–18.
21. Кобрин О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90–100.
22. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73–76.
23. Красных В.В. Коммуникативный акт и его структура // Функциональные исследования : сб. статей по лингвистике. Москва : Изд-во МГУ, 1997. Вып. 4. С. 34–39.
24. Красных В.В. Лингвокогнитивный подход к коммуникации // Язык, сознание, коммуникация. 2000. № 13. С. 5–11.
25. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Москва : Гнозис, 2002. 284 с.
26. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. Москва : Гнозис, 2003. 375 с.
27. Крестева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 1. С. 97–124.
28. Москвин В.П. Стилистика русского языка: теоретический курс. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 640 с.
29. Москвин В.П. Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 168 с.
30. Нахимова Е.А. Прецедентное имя Буратино в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. С. 105–112.

31. Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2011. 276 с.
32. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. Москва : Флинта : Наука, 2003. 320 с.
33. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). Москва : Мысль, 1974. 487 с.
34. Проскурин Б.М. Викторианство как социокультурный прецедент // Феномен прецедентности и преемственность культур: [коллект. моногр. / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова]. Воронеж, Воронежский государственный университет, 2004. С. 213–227.
35. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. РКИ. Москва : Наука : Флинта, 2004. 224 с.
36. Пьеге-Гро Н. введение в теорию интертекстуальности: пер. с франц.; общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
37. Рубина Д. Больно только когда смеюсь. Москва : Эксмо, 2010. 384 с.
38. Русский язык: энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Большая российская энциклопедия, 1997. 704 с.
39. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь (СРКП) / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. Москва : Гнозис, 2004. Вып. 1. 318 с.
40. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Минск : Харвест, 1998. 799 с.
41. Суперанская А.В. Теоретические основы ономастики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ленинград, 1974. 48 с.
42. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Москва : Наука, 1991. 214 с.
43. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Азъ, 1994. 907 с.
44. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков; под ред. Н. Ф. Татъянченко. Москва : Альта-Пресс, 2005. 1207 с.
45. Турунен Н. Метатекст как глобальная система и вопросы конструирования текста в пособиях по развитию речи // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1999. С. 310–320.
46. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57, № 5. С. 25–38.
47. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. Москва : Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
48. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы : сб. науч. ст. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов, 2007. С. 11–26.

References

1. Arama B.E., Shakhnarovich A.M. Intonaciya i modal'nost'. Moscow – Tambov: Institut yazykoznanija RAN, 1997:112.
2. Arnol'd I.V. Problemy intertekstual'nosti // Vestnik sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2, 1992;(4):53–61.
3. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka. Moscow: URSS, 2001:416.
4. Boldyreva A.A. Kategoriya avtoritetnosti v nauchnom diskurse: dis. kand. filol. nauk. Voronezh. 2006:162.
5. Borisova I.N. Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika. Moscow: KoMKniga. 2005:320.
6. Vandries Z.H. Yazyk: lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu: per. s franc. Moscow: Gos. soc. Ekon. Publ. 2004:410.
7. Varchenko V.V. Citatnaya rech' v media-tekste. Moscow: URSS. 2007:235.
8. Vezhbicka A. Metateksty v tekste. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moscow. 1978;(8):402–421.

9. Voroncova I.A. Precedentnost' kak marker avtorskogo stilya. Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020;2(21):123–129.
10. Gasparov B.M. Yazyk, pamyat', obraz: lingvistika, yazykovogo sushchestvovaniya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 1996:351.
11. Golubeva N.A. Derivacionnaya aktivnost' koncepta «precedent». Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2008;(5):259–264.
12. Gudkov D.B. Precedentnoe imya i problemy precedentnosti. Moscow: MSU Publ. 1999:149.
13. Gudkov D.B. Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii. Moscow: Gnozis. 2003:288.
14. Gurochkina A.G. Metoyazyki, metokommunikaciya, metatekst (k ob"emu sodержaniya ponyatij). Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. V. Issledovanie poznavatel'nykh processov v yazyke. Moscow: In-t yazykoznanija RAN; Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin Publ. 2009:22–30.
15. Efremova T.F. Sovremennyy tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Moscow: AST, 2005;1 (A–L):1168.
16. Zav'yalova G.A. Osobennosti funkcionirovaniya precedentnykh fenomenov v detektivnom diskruse (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov): dis. kand. filol. nauk. Kemerovo. 2014:185.
17. Zavodnikova E.L. Sovremennye traktovki metateksta i metaperevoda. Vestnik Permskogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie nauki. Lingvistika i perevod. Inostrannye yazyki i svyazi s obshchestvennost'yu. 2016;(2):512–516.
18. Zolotukhina E.N. Intertekstual'nost' v sovremennom russkom yazyke. Nash yazyk. 2008;(5):44–46.
19. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. Moscow: Nauka. 1987:261.
20. Kashkin V.B. Avtoritetnost' kak kommunikativnaya kategoriya. Izvestiya VGPU. 2007:12–18.
21. Kobrina O.A. Modusnye kategorii kak sposoby vyrazheniya sub"ektivnogo otnosheniya che-loveka k vyskazyvaniyu. Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2006;(2):90–100.
22. Kostomarov V.G., Burvikova N.D. Kak teksty stanovyatsya precedentnymi. Rus. yazyk za rubezhom. 1994;(1):73–76.
23. Krasnykh V.V. Kommunikativnyj akt i ego struktura. Funkcional'nye issledovaniya: sb. statej po lingvistike. Moscow: MSU Publ. 1997;(4):34–39.
24. Krasnykh V.V. Lingvokognitivnyj podkhod k kommunikacii. Yazyk, soznanie, kommunikaciya. 2000;(13):5–11.
25. Krasnykh V.V. Ehtnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. Moscow: Gnozis. 2002:284.
26. Krasnykh V.V. «SvoJ» sredi «chuzhiKH»: mif ili real'nost'. Moscow: Gnozis. 2003:375.
27. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog, roman. Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya. 1995;(1):97–124.
28. Moskvina V.P. Stilistika russkogo yazyka: teoreticheskij kurs. Rostov-on-Don: Feniks. 2006:640.
29. Moskvina V.P. Intertekstual'nost'. Ponyatijnyj apparat. Figury, zhanry, stili. Knizhnyj dom «LIBROKOM». 2013:168.
30. Nakhimova E.A. Precedentnoe imya Buratino v sovremennykh SMI. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2007;(52):105–112.
31. Nakhimova E.A. Precedentnye onimy v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikacii: teor-iya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 2011:276.
32. Nelyubin L.L. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. 3rd ed. Moscow: Flinta:Nauka, 2003:320.
33. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsikhologii). Moscow: Mysl'. 1974:487.
34. Proskurin B.M. Viktorianstvo kak sociokul'turnyj precedent. Fenomen precedentnosti i preemstvennost' kul'tur: [kollekt. monogr. / pod obshch. red. L.I. Grishaevoy, M.K. Popovoj, V.T. Ti-tova.– Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2004:213–227.
35. Prokhorov Yu.E. Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs. RKI. Moscow: Nauka: Flinta, 2004:224.
36. P'ege-Gro N. vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti: per. s franc. Obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. Moscow: LKI Publ., 2008:240.
37. Rubina D. Bol'no tol'ko kogda smeyus'. Moscow: Ehksmo, 2010:384.
38. Russkij yazyk: ehnciklopediya. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya. 1997:704.

39. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologicheskij slovar' (SRKP): vyp. pervyj / I.S. Brilyova, N.P. Vol'skaya, D.B. Gudkov, I.V. Zakharenko, V.V. Krasnykh. Moscow: Gnozis, 2004:318.
40. Slovar' prakticheskogo psikhologa / S.Yu. Golovin. Minsk: Kharvest. 1998:799.
41. Superanskaya A.V. Teoreticheskie osnovy onomastiki. Leningrad. 1974:48.
42. Teliya V.N. Metaforizatsiya i ee rol' v yazykovoj kartine mira. Chelovecheskij faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ehkspressivnosti. Moscow: Nauka. 1991:214.
43. Tolkovij slovar' russkogo yazyka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 2nd ed. Moscow: Az", 1994:907.
44. Tolkovij slovar' sovremennogo russkogo yazyka / ed. N.F. Tat'yanchenko. Moscow: Al'ta-Press, 2005:1207.
45. Turunen N. Metatekst kak global'naya sistema i voprosy konstruirovaniya teksta v posobiyakh po razvitiyu rechi. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Perm'. 1999:310–320.
46. Fateeva N.A. Tipologiya intertekstual'nykh ehlementov i svyazej v khudozhestvennoj rechi. Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 1998;57(5):25–38.
47. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar' / S.S. Averincev, Eh.A. Arab-Ogly, L.F. Il'ichev i dr. 2nd ed. Moscow: Sov. ehnciklopediya, 1989:815.
48. Chernyavskaya V E. Otkrytyj tekst i otkrytyj diskurs intertekstual'nost' – diskursivnost' – intrerdiskursivnost'. Lingvistika teksta i diskursivnyj analiz: tradicii i perspektivy. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet ehkonomiki i finansov. 2007:11–26.

Информация об авторе

Е.Е. Молчанова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры современного русского языка.

Information about the authors

E.E. Molchanova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern Russian Language.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 23.04.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 46–50.

Humanitarian Researches. 2023;2(86):46–50.

Научная статья

УДК 81-2

**Техническое знание: понятийно-категориальная
и семиотико-вербальная субстанциональность**

Дарья Ильинична Новоселецкая¹

Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко, Краснодар, Россия, din-fio@mail.ru

Аннотация. Актуальность данной работы заключается в рассмотрении специфики технического знания в аспекте его понятийно-категориального и языкового статуса. Гипотеза работы: техническое знание, вербализованное средствами технического языка для специальных целей, представляет собой понятийно-категориальную ингредиентность, сформированную терминами конкретного понятийного и категориального уровня. Терминологический кластер «Техника и технологии» представляет собой системное объединение тематико-гносеологических модулей в единый комплекс соответствующих научных и научно-производственных сфер.

Цель исследования – выявить и описать понятийно-категориальную структурированность терминологического кластера, отражающую гносеологическую основу технического знания. Цели соответствуют следующие задачи: выявить специфику репрезентации технического и технологического знания; рассмотреть процессуальность их вербализации с точки зрения понятийно-категориальной основы технического знания. Научная значимость исследования заключается в представлении структуры и содержания технического знания с помощью вербально-категориального анализа специальных технико-технологических единиц терминологического кластера; научная новизна – в интерпретации технических терминов как специализированных информационных квантов технического и технологического знания. Практическая ценность исследования заключается в применении полученных результатов анализа при различных видах терминоведческих исследований, в практике преподавания теории технического термина и т.д.

Ключевые слова: технический термин, вербализация, терминологический кластер, техническое знание, понятийно-категориальный статус, информационный квант, репрезентация, тематико-гносеологических модуль

Для цитирования: Новоселецкая Д.И. Техническое знание: понятийно-категориальная и семиотико-вербальная субстанциональность // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 46–50.

Research article

**Technical knowledge: conceptual-categorical
and semiotic-verbal substantiality**

Daria I. Novoseletskaia

Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S.M. Shtemenko, Krasnodar, Russia, din-fio@mail.ru

Abstract. The relevance of this article is to consider the specificity of technical knowledge in the aspect of its conceptual and categorical and linguistic status. Research hypothesis: technical knowledge, verbalized by means of technical language for special purposes, is a conceptual and categorical ingredient, formed by terms of specific conceptual and categorical level. Terminological cluster "Technique and technology" is a systemic unification of thematic and cognitive modules into a single complex of relevant scientific and scientific-production spheres.

© Новоселецкая Д.И., 2023

The aim of the research is to identify and describe the conceptual and categorical structuring of the terminological cluster, reflecting the epistemological basis of technical knowledge. The objectives correspond to the following tasks: to identify the specificity of representation of technical and technological knowledge; to consider the processuality of their verbalization in terms of conceptual and categorical basis of technical knowledge. The scientific relevance of the research lies in the representation of the structure and content of technical knowledge through verbal and categorical analysis of special technical and technological units of the terminological cluster; scientific innovation – in the interpretation of technical terms as specialized information quanta of technical and technological knowledge. The practical value of the research lies in the application of the obtained results of the analysis in various types of terminological research, in the practice of teaching the theory of technical terms, etc.

Keywords: technical term, verbalization, terminological cluster, technical knowledge, conceptual-categorical status, information quantum, representation, thematic-gnosiological module

For citation: Novoseletskaia D.I. Technical knowledge: conceptual-categorical and semiotic-verbal substantiality. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):46–50. (In Russ.).

Техническое знание в настоящее время выступает основной интеллектуальной «силой», способствующей прогрессу и стремительному развитию все новых и новых гносеологических областей. В этом отношении его понятийно-категориальная и языковая субстанциональность характеризуются особыми признаками и свойствами.

Термином «понятие» в науке обозначаются различные по своему уровню формы знания: любое отвлечение (абстракция), в том числе в виде словесно выраженного, но аналитически не расчлененного общего представления об объектах определенного класса; мысленное отображение класса объектов в форме аналитически расчлененной совокупности основных, общих, существенных признаков, вместе необходимых и достаточных для выделения данного класса объектов из множества других предметов познания; конкретное, всестороннее, целостное воспроизведение какого-либо предмета [4, с. 101–117].

Специфика понятий технического знания обуславливается в первую очередь спецификой предмета репрезентации – технических объектов и технологических процессов. Сравнение объектов технического знания с объектами иного вида знания показывает их определенную общность, распространяющуюся, в частности, на такие черты, как наличие субстратно-субстанционального и атрибутивного уровней, структурности, системности, организованности и другие.

Объектом представления для собственно технических понятий является техника как совокупность орудий человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и непроизводственных видов деятельности. К данному классу понятий относятся понятия различных устройств (машин, аппаратов, приборов, приспособлений и так далее), а также их систем и комплексов [8, с. 15].

Объектом представления технологических понятий выступает технология как совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояний, свойств, формы сырья, материалов и полуфабрикатов, применяемых в процессе производства для получения готовой продукции. К этому роду понятий относятся понятия различных технологических операций, приемов, процессов (механическая обработка, обработка резанием, обработка давлением, термическая обработка, сборка и так далее).

Итак, формирование любой системы научно-технической терминологии начинается с установления и создания ее категориально-понятийной базы. Термин является именем научного или технического понятия, поэтому деривация научно-технических терминов зависит от системы конкретных понятий данной гносеологической сферы. По нашим наблюдениям, важнейшими категориями и понятиями научно-технической сферы выступают следующие: *технический объект; машина; механизм; технологический процесс; свойство; качество; стойкость; движение; процесс; действие; превращение; материя; устройство; система; структура; конструкция; орудие; инструмент; прибор; аппарат; информация; время; вещество; пространство; знак; лицо (по профессии; по функции); энергия; комплекс; количество, документ(ы)*. Категориальный аппарат технических наук отражает их специфику –

они устанавливают законы искусственной природы, анализируя многообразные процессы создания и функционирования техники.

Понятия технического знания, как и все другие понятия науки, развиваются. Исследователи отмечают, что не только вводятся в науку новые понятия технического знания на основе обобщения, осмысления практики создания и эксплуатации новых технических объектов и технологических процессов; не только открываются в естествознании новые явления, процессы, законы природы. Развитие понятий технического знания включает в себя углубление, обогащение, уточнение содержания соответствующих понятий. Особую роль в этих процессах играет постепенное приближение содержания понятий технического знания к совокупности признаков, вместе необходимых и достаточных для выделения технических объектов и процессов определенного рода из всего множества объектов познания. Только посредством таких полных, зрелых понятий, в конечном итоге, может быть реализована главная задача теории (в том числе технической) – «дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях»... [9, с. 59].

Развитие понятий технического знания состоит также (и это особенно характерно для современного этапа технического познания) в переходе от интуитивно мыслимого – на основе общих представлений содержания к логически устанавливаемому – на основе определений содержания понятий технического знания. Итоги этого развития иллюстрируют многочисленные государственные стандарты на техническую терминологию [Там же].

По нашим наблюдениям, категориально-понятийный корпус предметной области «Техника и технологии» репрезентируется такими фундаментальными понятийно-тематическими блоками: 1) предмет; 2) процесс; 3) процесс и его результат; 4) явление; 5) свойство; 6) область знания; 7) механизм/устройство; 8) признак; 9) технический объект; 10) деталь/элемент и др.

Организация и выражение технического знания происходит посредством его категоризации и вербализации. Вербализацией называют словесное обозначение знакового материала или действий с этим материалом [6, с. 128]. Другими словами, вербализация – способность определения в речевом общении событий и явлений внешнего и внутреннего мира индивида, способность находить слова и выражения, адекватно описывающие мыслимые состояния и ситуации [5, с. 46–51].

Большое значение для исследования данной проблемы имеют психологические аспекты процессов мышления и сознания. В каждый данный момент осознается (т.е. активизируется, «высвечивается») ограниченное количество информации, поэтому значительная ее часть находится в блоке памяти, содержимое которого не активно. Отсюда знания извлекаются, когда возникает необходимость передать их другим людям. Извлечение опыта из памяти сопряжено с переводом в вербальную (языковую) форму того, что изначально имело (полностью или частично) неязыковой (доязыковой) статус. Ведь мышление, как полагают многие современные ученые, пользуется не обычным звуковым языком, находящимся в распоряжении того или иного этноса, а особым кодом – «языком» мозга, или «языком» мысли. Есть все основания признать, что вербализация представляет собой перекодирование результатов работы мышления средствами конкретного этнического звукового языка [10, с. 171].

Термин «схема», часто используемый в работах по когнитивной лингвистике, был предложен психологом Ф. Бартлеттом еще в 1932 г. В настоящее время в близком значении используются термины «фрейм», «сценарий», «скрипт» и др. Адресат подводит содержание воспринятого сообщения под некую стереотипную схему и «достаивает» в уме то, о чем не было сказано. Опираясь на соответствующий фрейм, говорящий структурирует передаваемое сообщение большого объема, разбивая его на звенья оптимального для передачи размера. Фреймовый подход является одним из эффективных методов семантического представления слов, предложений и текстов.

Обработанные средствами языка когнитивные структуры и отдельные элементы опыта в совокупности составляют языковую картину мира. Исходя из этого, можно рассматривать язык не только как систему лексических, грамматических и фонологических единиц, не только как систему правил коммуникативного поведения в определенном этнокультурном и социальном контексте, но и как систему вербализованных знаний о мире [7, с. 83]. Эти положения применимы и к технической картине мира, формируемой единицами особого, технического, языка, языка для специальных целей.

Технический термин выступает элементарным информационным квантом, когнитивной единицей, обеспечивающей формирование терминологического кластера как суперинформативного сложного системного образования. Функционально технический термин «выражает и называет определенное понятие или конкретный предмет в научно-технической области, а также служит средством коммуникации в специальной научно-технической сфере, средством описания научных концепций, научно-технических явлений и технического устройства, средством познания и научно-технического поиска» [1, с. 9].

Обладает ценнейшим потенциалом мысль В.М. Лейчика о том, что «современный этап развития терминоведения характеризуется тем, что на первый план выходит когнитивная функция термина. Когнитивная функция определяет термин как итог длительного процесса познания сущности предметов и явлений объективной действительности и внутренней жизни человека, как вербализацию специального концепта, который первоначально может быть не просто мысленным объектом, но даже проявлением чувственного познания (на этом факте базируется возможность создания терминов-метафор и метонимий)» [7, с. 71].

Доминантными модулями, актуальными для дальнейшего развития современных высокотехнологичных отраслей науки и промышленности, являются компьютерные, военные и космические технологии, содержащие специфические научные результаты соответствующих областей знания, полученные в процессах познавательной деятельности субъектов науки этих и различных смежных дисциплин. Каждый технический термин, таким образом, выступает вербализованной информационной единицей многопрофильной технической сферы.

Описывая язык как систему, современные лингвисты сначала устанавливают отношение каждого элемента языка (например, слова) к другим таким же элементам данной системы. Это отношение составляет так называемое «относительное значение» данного элемента, а конкретно – его значимость, ценность. Впоследствии определяется, к какому явлению внешнего мира, вне языка, относится этот элемент нашим сознанием.

Взаимосвязь терминоведения с семиотикой дает возможность интерпретировать современный технический термин в этом аспекте как «единицу специализированной знаковой, кодовой системы, выполняющей двойную функцию: номинации и когнитивного «кодирования» номинируемого понятия» [3, с. 175].

Производные знаки образуются в результате трансформации плана содержания и (или) плана выражения элементарного знака. Этот процесс происходит как в первичных, так и во вторичных моделирующих системах. Сложные знаки образуются в результате соединения простых знаков, при этом возникает не сумма значений, а качественно новое значение. В зависимости от уровневой структуры семиотической системы знаки первого порядка, соединяясь, образуют знаки второго порядка, те в свою очередь образуют знаки третьего порядка и т.д.

Знакообразование имеет лавинообразный характер. В перспективе знаки и смыслы не столько сменяют друг друга, сколько накапливаются, тем самым, способствуя возрастанию семиотического континуума. Таким образом, увеличивается словарный фонд языка, усложняется грамматическая система, изменяется и нарастает семантика символа и т.д. [2, с. 23].

Техническое знание репрезентируется специализированными знаками языка – единицами языка для специальных целей, то есть техническими терминами. По мнению А.Ю. Нестерова, через технику человек осознает себя, развивается, социализируется, включается в пространство культуры. Семиотика техники – это онтологическая модель, обеспечивающая ясность и последовательность не только выражения процессов становления техники как таковой (в системе гносеологических знаков), но и посвященных технике дискуссий (в системах коммуникативных знаков) [8, с. 15].

Список источников

1. Андрианова Н.С. Военная и научно-техническая терминология французского происхождения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. Казань, 2009. 18 с.
2. Ахохова Е.А. Семиотика и лингвистика: Конспект лекций. учеб. пос. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2007. 44 с.
3. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Флинта : Наука, 2014. 251 с.

4. Войшвилло Е.К. Понятие. Москва : Изд-во Московского университета, 1967. С. 101–117.
5. Ильин Г.Л. О вербализации современного образования // Вестник практической психологии образования. 2011. Т. 8, № 3 (28). С. 46–51.
6. Краткий психологический словарь / Абраменкова В.В., Аванесов В.С., Агеев В.С. и др.; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Москва : Политиздат, 1985. 431 с.
7. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд. Москва : Наука, 2009. 256 с.
8. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания: монография. Самара : Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.
9. Стуль Я.Е., Суханов К.Н. Понятия технического знания и их развитие. // Философские вопросы технического знания : сб. ст. АН СССР, Институт философии. Москва : Наука, 1984. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6200> (дата обращения: 06.07.2022).
10. Сусов И.П. Введение в языкознание : учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей. Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. 382 с.

References

1. Andrianova N.S. Voennaya i nauchno-texnicheskaya terminologiya francuzskogo proisxozhdeniya v sovremenном russkom yazy`ke. Kazan`. 2009:18.
2. Akhokhova E.A. Semiotika i lingvistika: Konspekt lekcij. NaI`chik: Poligrafservis i T, 2007:44.
3. Buyanova L.Yu. Terminologicheskaya derivaciya v yazy`ke nauki: kognitivnost`, semiotichnost`, funkcional`nost`. 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka. 2014:251.
4. Vojshvillo E.K. Ponyatie. Moscow: Moskow university Publ. 1967:101–117.
5. Il`in G.L. O verbalizacii sovremennogo obrazovaniya. Vestnik prakticheskoy psixologii obrazovaniya, 2011;8(3(28)):46–51.
6. Kratkij psixologicheskij slovar` / Abramenkova V.V., Avanesov V.S., Ageev V.S. i dr.]; ed. A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. Moscow: Politizdat. 1985:431.
7. Lejchik V.M. Terminovedenie: predmet, metody`, struktura. 4th ed. Moscow: Nauka. 2009:256.
8. Nesterov A.Yu. Semioticheskie osnovaniya texniki i texnicheskogo soznaniya: monografiya. – Samara: Izdatel`stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii. 2017:155.
9. Stul` Ya.E., Suxanov K.N. Ponyatiya texnicheskogo znaniya i ix razvitie. Filosofskie voprosy` texnicheskogo znaniya: sbornik statej. AN SSSR, Institut filosofii. Moscow: Nauka, 1984. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6200> (date of access: 06.07.2022).
10. Susov I.P. Vvedenie v yazy`koznanie. Moscow: AST: Vostok-Zapad. 2007:382.

Информация об авторе

Д.И. Новоселецкая – кандидат педагогических наук, доцент, докторант

Information about the author

D.I. Novoseletskaia – Candidate of Pedagogical Sciences, docent, doctoral student

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 20.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 20.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 51–57.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):51–57.
Научная статья
УДК 81'42

Смысловые вариации коррупционного дискурса

Елена Григорьевна Озерова¹, Екатерина Ивановна Симоненко²

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

²Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

¹ozerova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6159-113X/>; SPIN-code: 4318-6270.

²kejt9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0772-6264/>; SPIN-code: 1297-7879.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы языковой специфики коррупционного дискурса, предлагаются определения терминов «коррупционный дискурс» и «коррупционный текст». В результате анализа речевой деятельности коммуникантов коррупционного дискурса выявлено взаимодействие таких понятий, как «коммуникативная стратегия» и «дискурс», которые актуализируют вербальные стратегии коммуникативной ситуации. Коррупционный дискурс представляет многовекторную систему, функционирование которой обусловлено прагматической пресуппозицией, актуализирующей когнитивные процессы, фоновые знания и коммуникативные стратегии с целью успешности речепорождения в конкретной ситуации нарушения норм права. Актуальность исследования коррупционного дискурса обусловлена многовекторным взаимодействием научных направлений: юриспруденция, экономика, социология и лингвистика. Продуктом коррупционного дискурса является коррупционный текст, под которым мы понимаем такое речевое произведение, которое концептуально обусловлено совершением незаконного действия и коммуникативно направлено на решение вопросов уклонения от юридической ответственности или получения выгоды. Коррупционный текст выступает в качестве особого речевого жанра, который, являясь единицей речевого общения, репрезентирует архитектуру высказывания. Диалогичность формы представлена беседой, инициатором которой является взяточник, то есть лицо, давшее взятку, позиция которого репрезентирована языковыми средствами. Специфика коррупционного дискурса состоит в том, что коммуникативно-событийные факторы действительности актуализируют коммуникативное воздействие побуждения к осуществлению такой речевой ситуации, которая при фиксации речевого взаимодействия реализуется в коррупционном тексте. Осмысление ситуации речевого взаимодействия происходит посредством анализа языковых маркеров коррупционного дискурса. Коррупционный текст представляет речевую деятельность, которая порождается совершением незаконного действия и актуализирует речевую ситуацию «Коррупция», формирующую смысловую целостность речевых средств и обладающую прагматическими установками.

Ключевые слова: коррупционный дискурс, коррупционный текст, коммуникативная стратегия, прагматическая пресуппозиция

Для цитирования: Озерова Е.Г., Симоненко Е.И. Смысловые вариации коррупционного дискурса // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 51–57.

Research article

Sense variations in corruption discourse

Elena G. Ozerova¹, Ekaterina I. Symonenko²

¹Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

²Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilina, Belgorod, Russia

¹ozerova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6159-113X/>; SPIN-code: 4318-6270.

²kejt9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0772-6264/>; SPIN-code: 1297-7879.

Abstract. The paper dwells on the issues of the linguistic specifics of the corruption discourse, offers definitions of the terms "corruption discourse" and "corruption text". As a result of the speech activity analysis the communicants of the corruption discourse, the interaction of such concepts as "communication strategy" and "discourse" were identified, which actualize the verbal strategies of the communicative situation. Corruption discourse is a multi-vector system, the functioning of which is caused by a pragmatic presupposition that actualizes cognitive processes, background knowledge and communication strategies to successful speech production in a specific situation of violation of the rule of law. The relevance of the study of corruption discourse is due to the multi-vector interaction of scientific areas: jurisprudence, economics, sociology and linguistics. The product of corrupt discourse is a corrupt text, by which we mean a speech work that is conceptually conditioned by the commission of an illegal act and communicatively aimed at solving issues of evading legal responsibility or obtaining benefits. The corruption text acts as a special speech genre, which, being a unit of speech communication, represents the architectonics of the utterance. The dialogical nature of the form is represented by a conversation initiated by the bribe-giver, that is, the person who gave the bribe, whose position is represented by linguistic means. The specificity of the corruption discourse lies in the fact that the communicative-event factors of reality actualize the communicative impact of the urge to implement such a speech situation, which, when the speech interaction is fixed, is realized in the corruption text. Understanding the situation of speech interaction occurs through the analysis of linguistic markers of corruption discourse. The corruption text represents speech activity, which is generated by the commission of an illegal action and actualizes the speech situation "Corruption", which forms the semantic integrity of speech means and has pragmatic attitudes.

Keywords: corruption discourse, corruption text, communication strategy, pragmatic presupposition

For citation: Ozerova E.G., Symonenko E.I. Sense variations in corruption discourse. *Gumani-tarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):51–57. (In Russ.).

Введение

Актуальность исследования коррупционного дискурса обусловлена взаимосвязью таких разновекторных научных направлений, как юриспруденция (Е.И. Галяшина [3], В.О. Лобовиков [7]), экономика (Л.А. Жигун, Е.М. Феоктистова), социология (М.Н. Макарова, О.А. Никифорова), лингвистика (Т.В. Варлакова [2], С.В. Доронина [4], Д.Л. Карпов [6], И.А. Стернин [10]). В статье предпринята попытка смысловой интерпретации коррупционного дискурса и, как следствие, закрепление его дефиниции, включающей, помимо языковых особенностей, значимые экстралингвистические факторы.

Согласно толковому словарю лексема *коррупция* [от лат. *corruptus* – грабеж, разорение] имеет следующую дефиницию: подкупность, продажность государственных чиновников, общественных деятелей, политиков. О масштабности данного явления говорит тот факт, что Генеральная Ассамблея ООН с 2004 года учредила международный день борьбы с коррупцией – 9 декабря.

В настоящее время коррупция, отмечает Е.И. Галяшина, «затрагивает все стороны жизни общества, пронизывает властные институты» [3, с. 2]. К коррупционным преступлениям, продолжает автор, также относится взяточничество – должностное преступление, заключающееся в получении взятки. Следует отметить, что данная лексема зафиксирована нами в тексте Библии: «взятки берут у тебя, чтобы проливать кровь» (Иезекииль 22:12), «вы враги правого, берете взятки» (Амос 5:12). Культурологическая закреплённость исследуемого социального явления представлена следующими афористическими номинациями: «взятки гладки», «падок до взяток, как муха до меда», «не по чину берешь» (Н.В. Гоголь), «взятка уничтожает преграды и сокращает расстояния, она делает сердце чиновника доступным для обывательских невзгод» (М.Е. Салтыков-Щедрин). Прецедентная фиксированность обусловлена исторической важностью противостояния данному социальному факту (Аристотель, Цицерон, Петр I). Следовательно, социокультурные и коммуникативные аспекты определяют актуальность исследования смыслового содержания коррупционного дискурса.

Материалы и результаты исследования

Специфика функционирования коррупционного дискурса обусловлена фоновыми знаниями, мотивацией создания коммуникативной ситуации, которая, как правило, отражает деятельность коммуникантов, порождающую коррупционную стратегию общения. Следовательно,

речевая деятельность такой коммуникации актуализирована намерением одного из участников общения незаконно использовать должностное положение вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды либо инициировать нарушение закона должностным лицом в корыстных целях.

Так, по преступлениям, связанным с получением и дачей взятки, участниками событийного континуума коррупционного дискурса являются должностное лицо и взяткодатель, то есть лицо, давшее взятку.

Обратимся к тексту (фонограмма разговора).

Фрагмент № 1

M1 – ... Что, может, не будем писать ...?

M2 – Ну как не писать?

M1 – Ну так, не писать и все. Домой надо уже ехать, ребенок ... и так ехал долго. (Замученные). Да не пиши, не порти без толку тетрадку.

M2 – Ну как это не портить?

M1 – Сколько? Говорите.

M2 – Кого?

M1 – Ну чтоб ты поехал без вот таких бумаг, командир.

*M2 – А? ... я говорил. Я – должностное лицо. **Дача взятки** – это уголовное преступление, кстати, это, как сказать, и если я возьму взятку ... меня посадят за это.*

*M1 – А я вам в руки не буду **давать**, я в бардачок **положу**. Ну что вы, смысл, вот это вот щас напишите, кому оно надо, кому это интересно? Ну похвалят вас на работе ...*

M2 – Это моя работа.

В представленном фрагменте реализовано побуждение. Адресант побуждения – лицо, обозначенное M1, адресат – лицо, обозначенное M2. Средства выражения побуждения – «вводное слово + инфинитив» («Что, может, **не будем писать ...?**»), «императив + «не»» («Да **не пиши**, не порти без толку тетрадку»).

Содержание побуждения: лицо M1 побуждает лицо M2 отказаться от совершения действия, обозначенного как «писать», то есть отказаться от исполнения должностных обязанностей («Да **не пиши**, не порти без толку тетрадку»), как установлено из анализа пресуппозиции.

В пресуппозиции высказывания находится информация о том, что лицо M1 нарушило правила дорожного движения, пытается избежать наказания, в связи с этим из представленного фрагмента эксплицируется намерение данного лица побудить лицо M2 к решению ситуации незаконным путем.

Сема «незаконность» актуализируется в высказываниях «Я – должностное лицо. **Дача взятки** – это уголовное **преступление**» в репликах лица M2. Также в тексте имеются вербальные репрезентанты ситуации передачи объекта («дача взятки»). В анализируемом фрагменте отсутствуют вербальные репрезентанты, характеризующие передаваемый объект, поэтому установлено, что лицо M1 предлагает лицу M2 решить сложившуюся ситуацию (нарушение правил дорожного движения) путем совершения незаконного действия (отказаться от выполнения должностных обязанностей) при условии передачи ему какого-либо объекта.

В анализируемом фрагменте лицо M1 проявляет заинтересованность в исполнении каузируемого действия – совершение незаконных действий, проявляет полное понимание комментариев собеседника относительно последствий «дачи взятки» («А я вам в руки не буду **давать**, я в бардачок **положу**. Ну что вы, смысл вот это, вот щас напишите, кому оно надо, кому это интересно?»): **давать** – передавать из рук в руки; вручать. Заставлять брать; **положить** – поместить что-либо где-либо, куда-либо.

Адресант предлагает передать лицу M2 некий объект с целью разрешения неблагоприятной для него ситуации и достижения желаемого («Ну чтоб ты поехал без вот таких бумаг»), при этом эксплицирована зависимость исполнения каузируемого действия от выбора и желания адресата (M2). В разговоре отмечена ориентация лица M1 на иерархию отношений снизу вверх, реакция лица M2 на каузируемое действие – игнорирование, разъяснение выбранной позиции.

Таким образом, в данном фрагменте выявлено побуждение к выполнению незаконных действий при условии передачи какого-либо объекта («дача взятки»).

Анализ речевой деятельности выявляет взаимодействие важных для дискурсивного анализа понятий: «коммуникативная стратегия» и «дискурс», который является «центральным моментом человеческой жизни в языке» [5, с. 230] и демонстрирует вербальные стратегии коммуникативной ситуации.

Фрагмент № 2

М3 – Порешали?

М1 – Ну да, почти.

М3 – ...

М1 – Ну можно ... страховка.

*М3 - ... Не надо, **не пиши**.*

М2 – Как не писать?

М3 – Разобрались и поехали.

*М1 – **На рубль** ...*

М3 – Тебе что, он помешает или что?

М1 – ... Начальник.

В представленном фрагменте реализовано побуждение. Адресант побуждения – лицо, обозначенное М3, адресат – лицо, обозначенное М2. Средства выражения побуждения – «императив + «не»» («... Не надо, **не пиши**»).

Содержание побуждения: лицо М3 побуждает лицо М2 отказаться от совершения действия, обозначенного как «писать». На основе анализа пресуппозиции установлено, что лицо М3 побуждает лицо М2 отказаться от исполнения должностных обязанностей с целью разрешения негативной для лица М1 ситуации.

Лицо М3 проявляет заинтересованность в исполнении каузируемого действия – совершение незаконных действий лицом М2, при этом установлена зависимость исполнения каузируемого действия от выбора и желания адресата (М2). В разговоре отмечена ориентация лица М3 на иерархию отношений снизу-вверх, реакция лица М2 на каузируемое действие – отказ («Как не писать?»). Лицо М2 использует риторическое высказывание как средство выражения усиленного утверждения о невозможности исполнения предлагаемого действия.

Таким образом, в данном фрагменте выявлено побуждение к выполнению незаконного действия. В процессе лингвистического анализа было установлено, что в данном фрагменте имеется побуждение, адресантом которого является лицо М1, адресатом – лицо М2. Средства выражения побуждения – императивная конструкция с частицей «на» («На рубль ...»). В тексте анализируемого фрагмента имеются вербальные репрезентанты ситуации передачи объекта и вербальные репрезентанты, характеризующие передаваемый объект – «На рубль ...»:

на – частица. *Разг.* Возьми, бери;

рубль – 1. Основная денежная единица России, равная 100 копейкам;

рубль – 2. *собир.* О деньгах вообще.

Содержание побуждения: на основе компонентного анализа выделенных слов и анализа пресуппозиции установлено, что лицо М1 предлагает лицу М2 принять деньги в обмен на совершение незаконного действия, обозначенного как «не пиши», с целью разрешения негативной ситуации («Разобрались и поехали»). При этом лицо М1 проявляет заинтересованность в исполнении каузируемого действия – совершение незаконных действий, отмечена зависимость исполнения каузируемого действия от желания адресата, реакция лица М2 на каузируемое действие – игнорирование.

Специфика коррупционного дискурса проявляется в речевой деятельности коммуникантов, их языковом поведении. Совершение незаконных действий – та деятельность, которая порождает инициирование М1 коммуникативной стратегии коррупционного дискурса. Продуктом коррупционного дискурса является коррупционный текст, под которым мы понимаем такое речевое произведение, которое концептуально обусловлено совершением незаконного действия и коммуникативно направлено на решение вопросов уклонения от юридической ответственности или получения выгоды.

Коррупционный текст представляет речевую деятельность, которая порождается совершением незаконного действия и актуализирует речевую ситуацию «Коррупция», формирующую смысловую целостность речевых средств и обладающую прагматическими установками

(Дача взятки – это уголовное преступление, кстати, это, как сказать, и если я возьму взятку ... меня посадят за это.

М1 – А я вам в руки не буду давать, я в бардачок положу).

Коррупционный текст выступает в качестве особого речевого жанра, который, являясь единицей речевого общения, репрезентирует «форму и стиль построения диалогически организованного высказывания» [1, с. 44]. Диалогичность формы представлена беседой, инициатором которой является взятокодатель, то есть лицо, давшее взятку, позиция которого репрезентирована языковыми средствами: 1) *Да не пиши, не порти без толку тетрадку*, 2) *на рубль*, 3) *порешали*. Рассматривая изменение лексического значения слова «решить», Д.Л. Карпов приходит к следующему выводу: «постоянное повторение слова «решать» и слов, образованных от него, указывает на особую функциональность этого слова как средства сокрытия прямого смысла высказывания» и «может указывать на обозначение противоправных коррупционных действий» [6, с. 51].

Языковые средства анализируемой речевой ситуации относятся к разговорному стилю, поскольку используются стилистически маркированные формы – жаргонизмы (*на рубль – тысяча, деньги*), экспрессивно окрашенные формы (*без толку – безрезультатно, напрасно*). Специфика коррупционного дискурса состоит в том, что коммуникативно-событийные факторы действительности актуализируют коммуникативное воздействие побуждения к осуществлению такой речевой ситуации, которая при фиксации речевого взаимодействия реализуется в коррупционном тексте.

Следует отметить, что осмысление ситуации речевого взаимодействия происходит посредством анализа языковых маркеров коррупционного дискурса. Исследовав данную проблему, И.А. Стернин выделяет следующие направления коррупционных языковых маркеров: «маркеры испрашивания преимущества (взятки) и маркеры предложения преимущества (взятки)» [10, с. 213].

В приведенных примерах коррупционного дискурса реализуется второе направление – маркеры предложения преимущества. Инициатором речевой ситуации является коммуникант, который нарушил правила дорожного движения – совершение незаконного действия, поскольку «коммуниканты мыслят в пределах заданного собственными интенциями дискурсивно-смыслового пространства, порождающего криминалистически значимое высказывание» [9, с. 141].

Заключение

Синтез диалогического и языкового наполнения во взаимодействии с экстралингвистическими факторами формирует пространство коррупционного дискурса. В «настоящее время исследование процессов языкового общения осуществляется с опорой на прагматическую пресуппозицию» [8, с. 135], которая «ориентирована не на предложение, и даже не на высказывание, а на коммуникантов» и «когнитивно предшествует высказыванию» [8, с. 135].

Следовательно, фоновые знания актуализируют коммуникативную стратегию целесообразности высказывания и вербально эксплицируют коммуникативную ситуацию коррупционного дискурса.

Таким образом, коррупционный дискурс представляет сложную систему, целесообразность функционирования которой определяется прагматической пресуппозицией, актуализирующей когнитивные процессы, фоновые знания и коммуникативные стратегии с целью успешности реального речепроизводства в конкретной ситуации нарушения норм права.

Список источников

1. Алефиренко Н.Ф. Речевой жанр, дискурс и культура // Жанры речи. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Державина, 2007. С. 44–55.
2. Варлакова Т.В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы // Научный вестник Омской академии МВД России, 2013. № 4. С. 33–36.
3. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции // Вестник университета О.Е. Кутафина. 2016. № 8. С. 6–14.

4. Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся!»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 245–249.

5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва : Гнозис, 2004. 390 с.

6. Карпов Д.Л. «Все нормально решим»: слова с потенциальным коррупционным значением // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 2, № 1. С. 48–52.

7. Лобовиков В.О. Аристотель о коррупции вообще и проблема коррупции фундаментальных научных исследований в особенности: естественное право и формальная этика // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сборник трудов по итогам Второй Всерос. науч. конф. Екатеринбург : Институт философии и права УрО РАН, 2016. С. 79–89.

8. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. Москва: Гнозис, 2003. 280 с.

9. Озерова Е.Г., Дмитраков А.М., Симоненко Е.И. Коррупционный дискурс как предмет лингвокриминалистического анализа // Белгородские криминалистические чтения. Сборник научных трудов. Белгород : Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина, 2019. С. 140–146.

10. Стернин И.А. Языковые маркеры коррупционного дискурса // Психолингвистика и лексикография : сб. науч. тр. / науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж, 2017. С. 210–213.

References

1. Alefirenko N.F. Rechevoj zhanr, diskurs i kul'tura. Zhanry` rechi. Saratov: Saratovskij nacional'ny`j issledovatel'skij gosudarstvenny`j universitet imeni N.G. Derzhavina. 2007:44–55.

2. Varlakova T.V. Speech provocation as an object of forensic linguistic expertise. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2013;(4):33–36.

3. Galyashina E.I. Sudebnaya lingvisticheskaya e`kspertiza korrupcionnogo diskursa: predmet, zadachi i kompetencii. Vestnik universiteta O.E. Kutafina. 2016;(8):6–14.

4. Doronina S.V. "Commander! Maybe we'll agree!": techniques of discursive analysis in the linguistic expertise of texts on anti-corruption cases. Political linguistics. 2015;(3):245–249.

5. Karasik V.I. Yazy`kovej krug: lichnost`, koncepty`, diskurs. Moscow: Gnozis. 2004:390.

6. Karpov D.L. «Vsyo normal'no reshim»: slova s potencial'ny`m korrupcionny`m znacheniem. Social'ny`e i gumanitarny`e znaniya. Yaroslavl`. 2016;2(1):48–52.

7. Lobovikov V.O. Aristotle on corruption in General and the problem of corruption in fundamental scientific research in particular: natural law and formal ethics. Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption. Proceedings of the Second all-Russian scientific conference. Yekaterinburg: Institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 2016:79–89.

8. Makarov M.L. Osnovy` teorii diskursa. Moscow: Gnozis, 2003:280.

9. Ozerova E.G., Dmitrakov A.M., Simonenko E.I. Korrupcionny`j diskurs kak predmet lingvokriminalisticheskogo analiza. Belgorodskie kriminalisticheskie chteniya. Sbornik nauchny`x trudov. Belgorod: Belgorodskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii im. I.D. Putilina. 2019:140–146.

10. Sternin I.A. Yazy`kovy`e markery` korrupcionnogo diskursa. Psixolingvistika i leksikografiya / ed. A.V. Rudakov. Voronezh. 2017:210–213.

Информация об авторах

Е.Г. Озерова – профессор кафедры русского языка и русской литературы, доктор филологических наук, доцент;

Е.И. Симоненко – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики.

Information about the authors

E.G. Ozerova – Professor of Russian Language and Literature Department, Doctor of Philology, Associate Professor;

E.I. Simonenko – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Criminology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 02.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 58–64.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):58–64.
Научная статья
УДК 003.86+811.133.1

**Пунктуационно-графические средства передачи «музыкальности»
в переводах поэтических произведений Поля Верлена**

Марина Ильинична Свешникова¹, Елена Игоревна Сернова²

^{1,2}Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

¹mveshnikva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5630-9267>

²eis67@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме пунктуационно-графической организации стихотворного текста и возможностям передачи поэтических средств оформления в переводе. Анализируются произведения Поля Верлена и их переводы с французского языка на русский. Показано, что стихотворные тексты поэта были оформлены по отступающим от синтаксических и пунктуационных норм правилам, так как они относятся к поэтическому дискурсу, особым средством организации которого служит авторская пунктуация, придающая контексту «музыкальный» образ, основанный не только на звуковых созвучиях, но и на мелодических соответствиях. Графически-пунктуационное оформление стихов Поля Верлена соответствует авторской интонационной схеме, включенной в ритмическую систему поэтического языка автора. Перевод поэтических произведений Поля Верлена требует многочисленных преобразований ввиду значительных расхождений в системах французского и русского языков.

Ключевые слова: стихотворный текст, поэтический язык, перевод, графика текста, «музыкальность» пунктуации, ритмическая система

Для цитирования: Свешникова М.И., Сернова Е.И. Пунктуационно-графические средства передачи «музыкальности» в переводах поэтических произведений Поля Верлена // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 58–64.

Research article

**Punctuation and graphic means in the transfert of "musicality"
in translations of poetical works by Paul Verlaine**

Marina I. Sveshnikova¹, Elena I. Sernova²

^{1,2}Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

¹mveshnikva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5630-9267>

²eis67@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of punctuation and graphic organization of a poetic text and the possibilities of transferring poetic means of design in translation. The works of Paul Verlaine and their translations from French into Russian are analyzed. It is shown that the poetic texts of the poet were designed according to rules deviating from syntactic and punctuation norms, since they relate to poetic discourse. A special means of its organizing is the author's punctuation, which gives to the context a "musical" image based not only on sound consonances, but also on melodic correspondences. The graphic and punctuation design of Paul Verlaine's poems corresponds to the author's intonation scheme included in the rhythmic system of the author's poetic language. The translation of the poetic works of Paul Verlaine requires numerous transformations due to significant discrepancies in the systems of French and Russian languages.

Keywords: poetic text, poetic language, translation, text graphics, "musicality" of punctuation, rhythmic system

For citation: Sveshnikova M. I., Sernova E. I. Punctuation and graphic means in the transfert of "musicality" in translations of poetical works by Paul Verlaine. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches* 2023;(2):58–64. (in Russ.).

Поль Верлен, пожалуй, один из самых переводимых поэтов XIX века в России. Лирические произведения Верлена считаются вершиной поэтического слога. Его эксперименты со звучанием стихотворной речи предопределили развитие не только французской поэзии, но, во многом, и европейской. Сам поэт стремился добиться утонченной музыкальности своих текстов, его представление о поэзии как о музыке речи широко известны. С новыми ритмами его произведений рождалась неповторимая мелодика его стихов [14]. Поэт сам писал в своем программном стихотворении «Искусство поэзии»: «De la musique avant toute chose» – «О музыке на первом месте!» (пер. В. Брюсова) [3, с. 194–195].

Однако, музыкальность речи – это не совсем музыка в ее обычном понимании, хотя она, несомненно, – самое чувственное из искусств, выражающее с наибольшей силой (в сравнении с другими искусствами) чувства человека и максимально воздействующее на его психику, в том числе на ее глубинные подсознательные пласты [9, с. 314]. Произведениям Верлена присуща некая «музыкальность», как особая ритмо-преобразующая поэтический контекст интонация, свойственная только его голосу, не совпадающая с грамматической интонацией, и возникающая вне языка, то есть во внутренней (недискурсивной) речи [12, с. 82]. Такая отражающая мелодию стиха экспрессия интонационной организации стихотворной речи создается ритмом (общей его упорядоченностью) и метром, или размером (т.е. воспроизводимой схемой ритмического строения текста) и разделением текста на строфы [9, с. 181–182].

Ритмическая система [13, с. 28] поэтического языка Поля Верлена включает множество компонентов: звуковые повторы, рифмы (как внешние, так и внутренние), непарные метры, параллелизмы в горизонтальной и вертикальной плоскостях и др. И если мы говорим об особой музыкальной интонации верленовских стихов, нельзя забывать о специфической пунктуации в его произведениях. Мы называем такую пунктуацию «музыкальной», так как она не только подчеркивает ритм текста, но и несет свои дополнительные экспрессивные оттенки, связанные, прежде всего, с эмоциональным контекстом. Пунктуационная организация в таком варианте охватывает все уровни текста, проявляясь не только в знаках препинания, но и в графическом оформлении в целом: разбивка на строки, строфы, начало строки, шрифты, пропуски и пробелы и пр. Роль пунктуации здесь скорее «конституирующая» [7, с. 244], то есть объединяющая, связывающая все компоненты поэтического текста в единое целое, в понятные блоки, смысловые группы, фразы, синтагмы. При анализе художественного текста обнаруживается способность пунктуации выводить «на поверхность текста глубинные, затекстовые связи и отношения» [7, с. 249].

Эстетическая функция языка обычно связана с такой организацией текста, которая в чем-то обновляет, преобразует привычное словоупотребление и тем самым нарушает автоматизм повседневной речи. В результате преобразуется ее звуковая организация (явления ритма, рифмы, аллитерации, звукозаписи). В силу разнообразных связей между всеми сегментами и уровнями текста преобразование его отдельного компонента отзывается на характеристике целого [9, с. 247]. Для примера рассмотрим фрагмент стихотворения П. Верлена «Toute grâce et toutes nuances...». Разрыв ритмической и синтаксической группы (отмечено в тексте) представляет не просто конец строки и остановку для паузы, этим приемом поэт выражает сомнение, возможность для читателя акцентироваться на характеристике героини. При этом «музыка стиха» не прерывается, 8-стопный размер сохраняет свое размеренное звучание.

L'intelligence vient chez elle
En aide à l'âme noble; elle est
Pure autant que spirituelle:
Ce qu'elle a dit, il le fallait! [3, с. 92]

Такая «полу-пауза» в переводе Ф. Сологуба не сохранилась. Перенос акцентирует внимание читателя совсем на другом качестве героини.

Душе высокой в помощь разум
Приходит, чтобы нас пленить
Умом и чистотою разом:
Что скажет, так тому и быть! [3, с. 93]

Интонационный рисунок стихотворного текста предполагает ритмический баланс, усиленный смысловым содержанием. Это особым образом организованное чередование слоговых групп и пауз (остановок), не всегда совпадающих с синтаксисом. Фраза, которая обрывается стиховой паузой, интонационно звучит особым образом. Но и фраза, которая заканчивается двойной паузой – стиховой и синтаксической, их совпадением (наиболее частый случай) – тоже звучит иначе, чем не имеющая стиховой паузы [10, с. 11]. Неожиданные остановки, паузы или повторы несут свою смысловую нагрузку, чтобы привлечь внимание читателя к тексту, удержать его. Несмотря на то, что стих должен, прежде всего, иметь звуковой образ, построчное расположение текста создает свою интонацию, зачастую намеренно искажая традиционное членение речи, что требует особых паузальных остановок, «бессмысленных» с точки зрения построения высказывания. Эти паузы, действительно, кажутся бессмысленными, особенно в поэтическом произведении на французском языке, где, ввиду силлабической системы стихосложения, упорядоченность ритмических групп очень важна в стихотворной речи, но эти паузы выполняют вполне осмысленную роль: они меняют интонацию и мелодику речи. И этот прием очень часто используется Полем Верленом для решения самых разнообразных задач. Важно отметить, что в ритмической системе поэта такие средства организации стихотворной речи, прежде всего, находят свое выражение в письменном варианте текста с особым пунктуационно-графическим рисунком.

Пунктуация – маркирование сугубо письменной речи. Ее присутствие в поэтических текстах значима для передачи дополнительных скрытых смыслов. Изменение обычного синтаксиса, традиционной строки обозначается дополнительными пунктуационными маркерами и значительно меняет поэтический контекст. Например, в стихотворении «На траве» многочисленные тире, запятые служат для обозначения разговора нескольких человек одновременно. Неоднократное прерывание строки (отмечены в тексте) имитирует прерывистую речь подвыпивших участников «завтрака на траве». При этом 8-стопный размер четко распадается на 2-, 4-, 6-стопные единства, что поддерживает ритм и мелодичность речи в большинстве строк, и дополнительно подчеркивается графическими и пунктуационными средствами.

Sur l'herbe

L'abbé divague. – Et toi, marquis,
Tu mets de travers ta perruque.
– Ce vieux vin de Chypre est exquis
Moins, Camargo, que votre nuque.

– Ma flamme... – Do, mi, sol, la, si.
– L'abbé, ta noirceur se dévoile.
– Que je, meure, Mesdames, si
Je ne vous décroche une étoile.

– Je voudrais être petit chien!
– Embrassons nos bergères, l'une
Après l'autre. – Messieurs, eh bien?
– Do, mi, sol. – Hé! bonsoir la Lune! [3, с. 74]

Отмеченные в тексте неожиданные концовки строк, невозможные с точки зрения французской интонации, имитируют остановки, прерывания обычной речи, когда собеседники уже не слушают друг друга, настолько их захватывают эмоции. Все неожиданные переходы и паузы создают картину игривой беседы, быстрой смены ритма.

Переводимое произведение должно сохранять своеобразный рисунок оригинального текста. Сравним переводы, выполненные И. Булатовским и А. Ревичем. Контекст сохранен, представлен тот же «завтрак на траве», популярный в эту эпоху. Однако пьяная болтовня и поведение собеседников уже переходят границы.

На траве

– Аббат в бреду. – Маркиз давно
 Парик свой задрал на затылок.
 – Камарго пьянит как вино,
 От кипрского не так я пылок.

– Огонь мой... – До, ми, соль, ля, си.
 Аббат, вечно ты мрачен спьяну!
 – Знаешь, только попроси,
 Я звезду с небес достану!

– Собачкой быть – вот это да!
 – Расцелуем пастушек: эта,
 И другая. – Так что, господа?
 – До, ми, соль. – Эй, Луна, дай света!
Пер. И. Булатовского [4, с. 147]

На траве

– Маркиз! – бубнит аббат сквозь смех, –
 Парик ваш где-то на затылке.
 – Ах, Камарго, вы слаще всех,
 Хмельней того вина в бутылке!

– Люблю безмерно... – До, ре, ми...
 – Аббат, она уже без юбки!
 – Звезду достану, черт возьми,
 Для вас, о милые голубки!

– Хочу собачкой стать... да, да!
 – Целуй пастушек наших смело!
 – Привет, луна! Давай сюда!
 – До, ре, ми, фа... – Друзья! За дело!
Пер. А. Ревича [5, с. 77]

Несмотря на то что и в поэтической сфере знаки препинания призваны оформлять определенные синтаксические конструкции, пунктуация в стихотворных произведениях служит целям выделения наиболее значимых частей поэтического текста и репрезентирует коммуникативную организацию высказывания и текста в целом [8, с. 151]. Считается, что французский тип пунктуации, является более гибким, свободным, в связи с чем, допускается ее варьирование, широко используемое различными авторами [1]. Так, в стихотворении «Осенняя песня» П. Верлена разноstopные строки, оформленные с разным началом, с разрывом ритмических групп создают удивительное «музыкальное» созвучие благодаря повторяемости гласных звуков и четкому балансу стоп: 1-, 2-, 4-, 5-я строки по 4 стопы, 3-я и 6-я – по три стопы.

Chanson d'automne

Les sanglots longs
 Des violons
 De l'automne
 Blessent mon cœur
 D'une langueur
 Monotone.

Tout suffocant
 Et blême, quand
 Sonne l'heure,
 Je me souviens
 Des jours anciens
 Et je pleure;

Et je m'en vais
 Au vent mauvais
 Qui m'emporte
 Deçà, delà
 Pareil à la
 Feuille morte [11, с. 50].

Не все переводы этого стихотворения сохраняют тот же ритмический рисунок. Переводы произведений Поля Верлена, выполненные В. Брюсовым, считаются классикой. В них чувствуется стремление передать «музыкальность» лирики поэта. Однако совместить ритмически слог оригинала и содержание не всегда удается: в переводе В. Брюсова строки увеличены на несколько слогов, что нарушает мелодику речи. При этом, несмотря на достаточно ограниченное количество пунктуационных средств в оригинале, использование знаков препинания

в переводном тексте гораздо шире и следует уже авторской мысли переводчика. В переводе А. Гелескула видна попытка сохранить структуру оригинального текста, однако и здесь некоторые строки превышают исходное количество слогов, и появляются многочисленные тире, подчеркивающие межстиховые паузы.

Осенняя песня

Долгие песни
Скрипки осенней,
Зов неотвязный,
Сердце мне ранят,
Думы туманят,
Однообразно.

Сплю, холодею,
Вздвогнув, бледнею
С боем полночи.
Вспомнится что-то.
Все без отчета
Выплачут очи.

Выйду я в поле.
Ветер на воле
Мечется, смелый.
Схватит он, бросит,
Словно уносит
Лист пожелтый.

Пер. В. Брюсова [2, с. 108]

Осенняя песня

Издалека
Льется тоска
Скрипки осенней –
И, не дыша,
Стынет душа
В оцепененье.

Час прозвенит –
И леденит
Отзвук угрозы,
А помяну
В сердце весну –
Катятся слезы.

И до утра
Злые ветра
В жалобном вое
Кружат меня,
Словно гоня
С палой листвою.

Пер. А. Гелескула [5, с. 64–65]

Понятно, что перевод поэтического текста, особенно такого «музыкального», как стихотворение Поля Верлена, невозможен с точки зрения соблюдения всех исходных параметров. В цитируемом тексте ритмическая система организована благодаря мелодике стихотворной строки, которая, подобно музыкальной мелодии, основана не только на звуковых созвучиях, но и на ритмическом повторе слоговых групп, усиленном пунктуационно-графическим оформлением произведения. Передать все эти особенности на другой язык (который еще и существенно отличается от языка оригинала и в плане фонетики, и в плане синтаксиса) практически невозможно. Так, в переводе Н. Минского текст утрачивает и графическое оформление, и звуковые созвучия, а в переводе Н. Вышинского к внешним изменениям добавляются и стилистические сдвиги, что дополнительно лишает текст музыкально-эстетической привлекательности.

Осенняя песня

Осенний стон –
Протяжный звон,
Звук похоронный –
В душе больной
Звучит струной
Неугомонной.

Томлюсь в бреду.
Бледнея, жду
Ударов ночи.
Твержу привет
Снам прежних лет.
И плачут очи

Осенняя песнь

Тянуч, тягуч
Рыданий ключ –
Уныла осень...

В висках гудит,
Щемит в груди,
Протяжно просит:

«Ты так страдал,
Что бледен стал,
Когда час пробил.

Напрасен плач:
Ты – свой палач,

Под бурей злой
Мчусь в мир былой,
Невозвратимый,
В путь без следа,
Туда, сюда,
Как лист гонимый.

Пер. Н. Минского [3, с. 49]

Всю жизнь угробил!»

Пойду – тонуть –
В глухую жуть.
Пусть ветер носит –

Взвывает ввысь,
Бросает вниз, –
И насмерть косит!

Пер. Н. Вышинского [6, с. 71]

Данное стихотворение Поля Верлена переводилось на русский язык многократно. Мы процитировали только часть из этих переводов. И во всех можно констатировать значительные изменения и в плане мелодики, и в плане графически-пунктуационного оформления.

Перевод стихотворного текста связан с необходимостью найти эквивалентные средства для передачи всех нюансов значений или близких к ним, чтобы адресат получил такое же коммуникативное воздействие, как и от оригинального текста. В случае с переводом произведений Поля Верлена, переводчики сталкиваются с трудностями авторской организации текста, нацеленной на воспроизведение «музыки стиха», выраженной созвучиями, дополнительными рифмами, самой структурой текста, оформленной пунктуационно так, чтобы максимально передать его «музыкальность». Вербальное выражение содержания, реорганизация текста согласно правилам русского языка, а также авторское восприятие переводчика зачастую приводят к тому, что тончайшие смысловые нюансы, переданные через авторское использование графического и пунктуационного построения текста, иногда ускользают от восприятия.

Список источников

1. Андросова Ф.С. Экспрессивное использование пунктуации в художественном тексте (на материале французского языка) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 70.
2. Верлен П. Собрание стихов / пер. с франц. и биограф. очерк В. Брюсова. Минск : Харвест, Москва : АСТ, 2001. 224 с.
3. Верлен П. Избранная лирика / пер. с фр.; сост., вступ. ст., ком. М. Яснова. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 320 с.
4. Верлен Поль. Сатурнийские стихи. Галантные празднества. Песни без слов : пер. с франц., послесл. И. Булатовского. Санкт-Петербург: Гиперион; Гуманитарная Академия, 2001. 317 с.
5. Верлен Поль, Рембо Артю, Малларме Стефан. Стихотворения, проза : пер. с франц. Москва: «РИПОЛ КЛАССИК», 1998. 736 с.
6. Вышинский Н.В. Из мировой поэзии: подлинные тексты с параллельным переводом на русский язык / сост. и автор пер. на рус. яз. Н.В. Вышинский. Москва: Астрель: АСТ, 2005. 382 с.
7. Кольцова Л.М. Текстовая пунктуация и ее содержательные свойства. Cuadernos de Rusística Española, 2004. № 1. С. 243–253.
8. Кольцова Л.М. Пунктуация поэтического текста в номинативно-прагматическом и коммуникативном аспекте. Cuadernos de Rusística Española. 2010. № 6. С. 149–156.
9. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : Курс лекций. Москва : Издательский центр «Академия», 2004. 432 с.
10. Невзглядова Е.В. О стихе. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2005. 272 с.
11. Поль Верлен. Стихотворения: на французском языке / под ред. Г.С. Васильевой. Москва: Прогресс, 1977. 318 с.
12. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
13. Федотов О.И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2-х кн. Кн. 1: Метрика и ритмика. Москва : Флинта : Наука, 2002. 360 с.

14. Paul Verlaine. Poésies (сборник) Paul Verlaine Издательство: L'Aventurine : 2001. Язык: Французский. 252 с. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001565205-paul-verlaine-posies-sbornik-paul-verlaine>.

References

1. Androsova F.S. Ekspressivnoe ispol'zovanie punktuacii v hudozhestvennom tekste (na materiale francuzskogo yazyka). Politematicheskij setевой elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2011.
2. Verlaine P. Sobranie stihov. Per. s franc. i biograf. ocherk V. Bryusova. Minsk: Harvest, Moscow: AST. 2001:224.
3. Verlaine P. Izbrannaya lirika. Per. s fr.: Sost., vstup. st., kom. M. Yasnova. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. 2011:320.
4. Verlaine Paul. Saturnijskie stihy. Galantnye prazdnestva. Pesni bez slov. Per. s franc., poslesl. I. Bulatovskogo. Saint Petersburg: Giperion; Gumanitarnaya Akademiya. 2001:317.
5. Verlaine Paul, Rimbeau Arthur, Mallarmé Stéfane. Stihotvoreniya, proza. Per. s franc. Moscow: «RIPOL KLASSIK». 1998:736.
6. Vyshinskij N.V. Iz mirovoj poezii: podlinnye teksty s paralel'nym perevodom na russkij yazyk. sost. i avtor per. na rus. yaz. N.V. Vyshinskij. Moscow: Astrel': AST. 2005:382.
7. Kol'cova L.M. Tekstovaya punktuaciya i ee sodержatel'nye svojstva. Cuadernos de Rusfstica Espaiola. 2004;(1):243–253.
8. Kol'cova L.M. Punktuaciya poeticheskogo teksta v nominativno-pragmaticheskom i kommunikativnom aspekte. *Cuadernos de Rusística Española*. 2010;(6):149–156.
9. Mechkovskaya N.B. Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura: Kurs lekcij. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya». 2004:432.
10. Nevzglyadova E.V. O stihe. Saint Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005:272.
11. Paul Verlaine. Stihotvoreniya: na francuzskom yazyke. Pod redakciej G.S. Vasil'evoj. Moscow: Progress, 1977:318.
12. Poetika: slov. aktual. terminov i ponyatij / gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada. 2008:358.
13. Fedotov O.I. Osnovy russkogo stihoslozheniya. Teoriya i istoriya russkogo stiha: V 2-h kn. Kn. 1: Metrika i ritmika. Moscow: Flinta: Nauka. 2002:360.
14. Paul Verlaine. Poésies (sbornik) Paul Verlaine Izdatel'stvo: L'Aventurine: 2001. Yazyk: Francuzskij. 252 p. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001565205-paul-verlaine-posies-sbornik-paul-verlaine>.

Информация об авторах

М.И. Свешникова – кандидат педагогических наук, доцент;

Е.И. Сернова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about authors

M.I. Sveshnikova – Candidate of science (Pedagogics), Associate Professor;

E.I. Sernova – Candidate of science (Philology), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 30.03.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 65–70.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):65–70.
 Научная статья
 УДК 811.111

Императивные речевые жанры в англоязычном ветхозаветном дискурсе

Елена Николаевна Шеховцева¹, Галина Николаевна Шатохина²

^{1,2}Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹elen-gorbachyova@yandex.ru

²galyaos@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению языкового выражения императивных жанров англоязычного ветхозаветного дискурса. Исследуются такие речевые жанры, как приказ, запрет и просьба, служащие средством реализации функционально-семантической категории императивности. Материалом исследования послужили тексты Ветхого Завета из Библии короля Якова. Результаты исследования показали, что выделенные жанры выражаются с помощью перформативных глаголов (прямой эксплицитный способ манифестации императивности), повелительных предложений (прямой имплицитный способ объективации императивности), модального глагола “shalt” (косвенный эксплицитный способ манифестации императивности). Для приказа и запрета характерна коммуникативная направленность каузируемого действия «сверху-вниз» (основным субъектом их выступает Бог). Каузируемые действия в случае просьбы могут быть направлены «снизу-вверх» (при обращении людей разного социального статуса к Господу Богу) или «сверху-вниз» (при обращении библейских персонажей, занимающих высокое социальное положение или имеющих доминирующий коммуникативный статус, к своим подчиненным).

Ключевые слова: императивность, императивный жанр, речевой жанр, приказ, запрет, просьба

Для цитирования: Шеховцева Е.Н., Шатохина Г.Н. Императивные речевые жанры в англоязычном ветхозаветном дискурсе // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 65–70.

Research article

Imperative speech genres in the English Old Testament discourse

Elena N. Shekhovtseva¹, Galina N. Shatokhina²

^{1,2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹elen-gorbachyova@yandex.ru

²galyaos@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic expression of the imperative genres of the English Old Testament discourse. Such speech genres as the order, the prohibition and the request, which serve as a means of implementing the functional-semantic category of imperativeness, are studied. The material of the study was the texts of the Old Testament from the King James Bible. The results of the study showed that the given genres are expressed with the help of performative verbs (direct explicit way of manifesting imperativeness), imperative sentences (direct implicit way of objectifying imperativeness), the modal verb “shalt” (indirect explicit way of manifesting imperativeness). The order and the prohibition are characterized by the communicative direction of the causative action “from up downward” (God is their main addresser). The request can be characterized by the communicative direction of the causative action “from down upward” (when people of different social status turn to the Lord God) or “from up downward” (when biblical characters who occupy a high social position or have a dominant communicative status address their subordinates).

Keywords: imperative, imperative genre, speech genre, order, prohibition, request

For citation: Shekhovtseva E. N., Shatokhina G. N. Imperative speech genres in the English Old Testament discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):65–70. (In Russ.).

Ветхий Завет представляет собой изложение нравственного закона, который направлен на упорядочение внешней жизни человека [13]. Данный закон объективирован в ветхозаветном дискурсе в виде императивных речевых жанров, служащие средством реализации функционально-семантической категории императивности, которая объединяет в своем содержании инвариантные значения побуждения и волеизъявления и предполагает их прямое и косвенное выражение с помощью языковых средств эксплицитной и имплицитной манифестации [5, с. 62; 12]. Т.В. Шмелева признает императивные речевые жанры наиболее важными по сравнению с выделяемыми ею информативными, оценочными и этикетными жанрами, исходя из того, что «самое важное в речи фиксируется в грамматике», а императивные жанры располагают специализированной формой глагола (формой повелительного наклонения) и, кроме того, используют ряд транспонированных форм и конструкций, неимперативных по своей природе [14, с. 84].

Коммуникативная цель императивных речевых жанров заключается в предписании (прескрипции) поведения либо результатов поведения человека, которому они адресуются [2, с. 6]. Основу императивных жанров составляет директивный речевой акт, реализуемый в ситуации побуждения, где адресант служит источником побуждения, а адресат – исполнителем потенциального действия [1, с. 10]. К императивным жанрам относят просьбу, совет, предложение, требование, приказ, поручение, распоряжение, мольбу и др. [2; 10; 14]. В текстах Ветхого Завета находят объективацию императивные жанры «приказ», «запрет», «просьба». Рассмотрим их жанровые характеристики и способы их выражения в англоязычном ветхозаветном дискурсе на материале текстов Ветхого Завета из Библии короля Якова (King James Version, 1611) [15].

Императивный речевой жанр «приказ». Речевой жанр приказа имеет своей целью классическое побуждение, направленное на адресата, который должен стать исполнителем побуждаемого действия [14]. Основным отличительным признаком приказа является наличие у говорящего права побуждать адресата к выполнению каких-либо действий, что отражено в семантической формуле приказа, выведенной А. Вежбицкой: «<...> знаю, что ты это сделаешь, потому что знаешь, что ты обязан делать то, что я хочу, чтобы ты сделал» [3, с. 73]. Прагматическая специфика жанра «приказ» состоит в том, что он может быть реализован только по отношению к тем собеседникам, которые, по мнению говорящего, по каким-либо причинам обязаны выполнять его приказы. В.Е. Иосифова уточняет, что при осуществлении приказа в официальной сфере адресант должен обладать административным правом приказывать, а в неофициальной – моральным авторитетом [7].

Субъектом приказа в Ветхом Завете выступает прежде всего Бог, обладающий высоким авторитетом в силу своего особого онтологического статуса, а именно являясь «и Сущим, и Бытием, и Превышающим бытие» [4, с. 50]. Приказы, выражаемые Богом, соответствуют категорическому императиву И. Канта, представляя собой нравственные нормы, безусловно обязательные для соблюдения [8; 11]. Каузируемые действия в случае приказа адресованы либо всем людям как созданиям Божиим, либо конкретным личностям, на которых Бог возлагает определенную ответственность или наказание. Действия, каузируемые Богом, носят экзистенциальный характер (пример 1) либо представляют собой конкретные действия, которые будут иметь последствия экзистенциального характера (пример 2):

(1) *And God blessed them, and God said unto them, Be fruitful, and multiply, and replenish the earth, and subdue it: and have dominion over the fish of the sea, and over the fowl of the air, and over every living thing that moveth upon the earth (Genesis 1:28). / И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.* В данном примере побуждение Бога направлено на определение бытийного статуса человека: в шестой день сотворения мира Бог повелевает человеку наполнить своим могуществом землю.

(2) *And God said unto Jacob, Arise, go up to Bethel, and dwell there: and make there an altar unto God, that appeared unto thee when thou fleddest from the face of Esau thy brother (Genesis 35: 1). / Бог сказал Иакову: встань, пойди в Вефиль и живи там, и устрой там жертвенник Богу, явившемуся тебе, когда ты бежал от лица Исава, брата твоего.* В приведенном примере Бог дает конкретные указания Иакову, ветхозаветному персонажу, который по велению

Божьему переходит в Вефиль, где получает имя Израиль и становится родоначальником 12 колен Израилевых. Таким образом, каузируемые действия конкретного характера привели к последствиям, имеющим большое значение для еврейского народа.

Субъектами приказа в ветхозаветном дискурсе наряду с Богом являются библейские герои, занимающие высокое социальное положение либо обладающие доминирующим коммуникативным статусом. Приказы, выражаемые ими, соответствуют гипотетическим императивам И. Канта, будучи правилами, которые устанавливаются человеком для достижения конкретной цели в процессе труда или повседневных дел [8; 11]. В нижеследующем примере приказ Иакова обращен к его домашним и направлен на то, чтобы они отказались от идолов и очистили себя извне и изнутри:

(3) *Then Jacob said unto his household, and to all that were with him, Put away the strange gods that are among you, and be clean, and change your garments* (Genesis 35: 2). / *И сказал Иаков дому своему и всем бывшим с ним: бросьте богов чужих, находящихся у вас, и очиститесь, и перемените одежды ваши.*

Приказ в ветхозаветных текстах выражается прямо или косвенно. Прямым эксплицитным средством его объективации является перформативный глагол "to command", который однозначно и дифференцированно определяет характер директивного иллюкутивного намерения говорящего:

(4) *Now therefore, my son, obey my voice according to that which I command thee* (Genesis 27: 8). / *Теперь, сын мой, послушайся слов моих в том, что я прикажу тебе.*

Распространенным способом выражения приказа в Ветхом Завете являются повелительные предложения. Мы относим их к прямому имплицитному способу манифестации императивности, исходя из утверждения Е. И. Беляевой о том, что директивная иллюкутивная сила выражена в повелительном предложении грамматически и закреплена за ним в языковой системе, однако для ее конкретной интерпретации необходимо учитывать все аспекты коммуникативной ситуации [1, с. 26].

(5) *And God spake unto Noah, saying, Go forth of the ark, thou, and thy wife, and thy sons, and thy sons' wives with thee* (Genesis 8: 15, 16). / *И сказал Бог Ною: выйди из ковчега ты и жена твоя, и сыновья твои, и жены сынов твоих с тобою.*

Что касается косвенного способа выражения приказа, то оно заключается в использовании языковых средств, значение которых не имеет семы побуждения, но она распознается благодаря компонентам прагматической ситуации побуждения [1, с. 27]. Здесь выделяются только эксплицитные средства, что объясняется спецификой инъюнктивного речевого акта, составляющего его прагматическую основу: чтобы адресат правильно его истолковал и выполнил каузируемое действие, приказ не допускает косвенной имплицитной формы манифестации. Эксплицитным средством объективации косвенной императивности является модальный глагол "shalt", имеющий значение побуждения или волеизъявления (устаревший способ выражения приказа или инструкции [16]):

(6) *And God said unto Abraham, Thou shalt keep my covenant therefore, thou, and thy seed after thee in their generations* (Genesis 17: 9). / *И сказал Бог Аврааму: ты же соблюди завет Мой, ты и потомки твои после тебя в роды их.*

Императивный речевой жанр «запрет». Коммуникативная цель запрета заключается в прекращении некоторого действия, происходящего в момент речи, или предотвращении будущего действия. Адресант запрета имеет более высокий статус, нежели у адресата, или играет более важную коммуникативную роль по сравнению с ним, что дает ему право выражать свое побуждение [9, с. 6]. Запрет является прохибитивным соответствием приказа, поэтому, как и в случае с последним, адресант запрета должен обладать административным или моральным правом осуществлять это действие (в текстах Ветхого Завета таким правом обладает Господь Бог, а также другие библейские герои – отцы семейств, цари, фараоны). Отличие запрета от приказа состоит в том, что побуждение при запрете спровоцировано собеседником и реализуется как отрицательная реакция на его намерение совершить действие. Запрет предполагает обязательное прекращение или неисполнение запланированного адресатом действия [6, с. 279]. Применительно к религиозному дискурсу запрет следует рассматривать как побуждение к несовершению поступка, нарушающего Закон Божий в целом или какие-либо нормы морали в частности.

Одним из средств выражения запрета в ветхозаветных текстах является повелительное предложение с глаголом в отрицательной форме (средство прямой имплицитной манифестации императивности):

(7) *O my soul, **come not** thou into their secret; unto their assembly, mine honour, be not thou united: for in their anger they slew a man, and in their selfwill they digged down a wall* (Genesis 49: 6). / ...в совет их да не виидет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя, ибо они во гневе своем убили мужа и по прихоти своей перерезали жилы тельца.

Еще одним средством выражения запрета в Ветхом Завете является модальный глагол “shalt” в отрицательной форме (средство косвенной эксплицитной манифестации императивности):

(8) *And God said unto Abraham, As for Sarai thy wife, thou **shalt not call** her name Sarai, but Sarah shall her name be* (Genesis 17: 15). / И сказал Бог Аврааму: Сару, жену твою, не называй Сарою, но да будет ей имя: Сарра.

Семь из Десяти ветхозаветных Заповедей также выражены с помощью модального глагола “shalt” в отрицательной форме, представляя собой запрет:

(9) *Thou **shalt not make** unto thee any graven image... / He сотвори себе кумира и никакого изображения...; Thou **shalt not take** the name of the LORD thy God in vain... / He произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно...; Thou **shalt not kill**. / Не убий; Thou **shalt not commit adultery**. / Не прелюбодействуй <...> (Exodus 20).*

Следует обратить внимание на актуализацию в Ветхом Завете запрета на такое психологическое состояние, как страх:

(10) *And the LORD appeared unto him the same night, and said, I am the God of Abraham thy father: fear not, for I am with thee, and will bless thee, and multiply thy seed for my servant Abraham's sake* (Genesis 26: 24). / И в ту ночь явился ему Господь и сказал: Я Бог Авраама, отца твоего; не бойся, ибо Я с тобою; и благословлю тебя и умножу потомство твое, ради [отца твоего] Авраама, раба Моего.

Императивный речевой жанр «просьба». Для жанра просьбы нерелевантны статусные характеристики адресанта и адресата. Просьба не предполагает обязательного осуществления каузируемого действия адресатом, и стремление говорящего побудить адресата к действию основано на внутреннем личном мотиве. В связи с этим можно утверждать, что просьба соответствует гипотетическому императиву И. Канта. В ветхозаветных текстах субъектами просьбы в основном являются люди разного социального статуса, обращающиеся к Господу Богу (коммуникативная направленность речевого действия «снизу-вверх»):

(11) *And he said, O LORD God of my master Abraham, I pray thee, send me good speed this day, and shew kindness unto my master Abraham* (Genesis 24: 12). / ...и сказал: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли ее сегодня навстречу мне и сотвори милость с господином моим Авраамом.

Противоположное направление действия просьбы – «сверху-вниз» – характеризует обращения библейских персонажей, занимающих высокое социальное положение или имеющих доминирующий коммуникативный статус, к своим подчиненным:

(12) *And Abraham said unto his eldest servant of his house, that ruled over all that he had, Put, I pray thee, thy hand under my thigh* (Genesis 24: 2). / И сказал Авраам рабу своему, старшему в доме его, управлявшему всем, что у него было: положи руку твою под стегно мое.

Просьба может сопровождаться аргументацией, в которой говорящий раскрывает ее причины и мотивы, чтобы убедить адресата в том, что у него имеется насущная потребность в ней. Излагая мотив просьбы, говорящий возлагает на адресата обязательство выполнить ее:

(13) *Deliver me, I pray thee, from the hand of my brother, from the hand of Esau: for I fear him, lest he will come and smite me, and the mother with the children* (Genesis 32: 11). / Избавь меня от руки брата моего, от руки Исава, ибо я боюсь его, чтобы он, придя, не убил меня и матери с детьми.

Одним из способов выражения просьбы и мольбы – ее дискурсивного варианта – в ветхозаветных текстах является сочетание повелительных предложений (прямой имплицитный способ) с перформативной фразой “I pray thee” (прямой эксплицитный способ):

(14) *And Jacob asked him, and said, Tell me, I pray thee, thy name. And he said, Wherefore is it that thou dost ask after my name? And he blessed him there* (Genesis 32: 29). / Спросил и Иаков,

говоря: скажи имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там.

Еще одним средством выражения просьбы (мольбы) в ветхозаветных текстах являются повелительные предложения, включающие в себя конструкцию “Complex Object” с глаголом “to let” (прямой имплицитный способ):

(15) *And the servant ran to meet her, and said, **Let me, I pray thee, drink a little water of thy pitcher** (Genesis 24: 17). / И побежал раб навстречу ей и сказал: дай мне испить немного воды из кувшина твоего.*

Итак, в англоязычном ветхозаветном дискурсе находят выражение императивные жанры «приказ», «запрет» и «просьба». Приказ объективируется с помощью средств прямой эксплицитной и имплицитной императивности (перформативный глагол “to command” и повелительные предложения соответственно), а также с помощью средства косвенной эксплицитной императивности, а именно модального глагола “shalt”. Запрет выражается с помощью средства прямой имплицитной манифестации императивности – повелительного предложения с глаголом в отрицательной форме, а также средства косвенной эксплицитной императивности – модального глагола “shalt” в отрицательной форме. Основным средством выражения просьбы является повелительное предложение (прямой имплицитный способ манифестации императивности), в ряде случаев сочетающееся с перформативной фразой «I pray thee» (прямой эксплицитный способ манифестации императивности). Для приказа и запрета релевантны статусные характеристики адресанта и адресата, поскольку они имеют коммуникативную направленность «сверху-вниз»; для просьбы статусные характеристики не имеют значения.

Список источников

1. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.
2. Бирюлин Л.А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 1992. 41 с.
3. Вежбицка А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. Москва: Лабиринт, 2007. С. 68–80.
4. Гагинский А.М. Онтологический статус Бога у Свт. Григория Богослова // Историко-философский ежегодник. 2011. № 2010. С. 33–52.
5. Горбачева Е.Н. Категория императивности в разных видах дискурса с позиций перформативной прагмалингвистики // Язык в межкультурном пространстве XXI века: взгляды и научные исследования, перспективы развития : мат-лы Междунар. научно-практ. конф. Астрахань, 2021. С. 62–70.
6. Иосифова В.Е. Побудительные высказывания, выражающие запрещение // Преподаватель XXI век. 2010. № 3 (2). С. 278–283.
7. Иосифова В.Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2012. 456 с.
8. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Москва: Мысль / под ред. В. С. Степина, 2001. URL: <http://dic.academic.ru>.
9. Руссинова Т.В. Особенности функционирования запрета (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 24 с.
10. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
11. Философская энциклопедия : в 5 т. (1960–1970 гг.). Москва : Советская энциклопедия. Под ред. Ф.В. Константинова. URL: <http://dic.academic.ru>.
12. Шатохина Г.Н. Выражение косвенной имплицитной императивности в ветхозаветных текстах // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 8 (36) DOI 10.18454/RULB.2022.36.15. EDN НКБСОЗ.
13. Шиманский Г.И. Конспект по нравственному богословию. URL: <http://www.azbyka.ru>.
14. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. Москва : Лабиринт, 2007. С. 81–89.
15. King James Bible Online. URL: <http://www.kingjamesbibleonline.org>.
16. Oxford Advanced Learner’s Dictionaries. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

References

1. Belyayeva Ye.I. Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: Angliyskiy yazyk. Voronezh: Izd-vo VGU. 1992:168.
2. Biryulin L.A. Teoreticheskiye aspekty semantiko-pragmaticheskogo opisaniya imperativnykh vyskazyvaniy v russkom yazyke. Saint Petersburg. 1992:41.
3. Vezhbitska A. Rechevyye zhanry [v svete teorii elementarnykh smyslovykh yedinit]. Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya. Moscow: Labirint. 2007:68-80.
4. Gaginskiy A.M. Ontologicheskiy status Boga u Svt. Grigoriya Bogoslova. Istoriko-filosofskiy yezhegodnik. 2011;(2012):33–52.
5. Gorbacheva Ye.N. Kategoriya imperativnosti v raznykh vidakh diskursa s pozitsiy performativnoy pragmalingvistiki. Yazyk v mezkul'turnom prostranstve XXI veka: vzglyady i nauchnyye issledovaniya, perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Astrakhan. 2021:62–70.
6. Iosifova V.Ye. Pobuditel'nyye vyskazyvaniya, vyrazhayushchiye zapreshcheniye. Prepodavatel' XXI vek. 2010;3(2):278–283.
7. Iosifova V.Ye. Russkiy imperativ v grammaticheskoy sisteme i v razgovornoj rechi. Moscow. 2012:456.
8. Novaya filosofskaya entsiklopediya: in 4 vol. Moscow: Mysl'. Ed. by V.S. Stepin. 2001. URL: <http://dic.academic.ru>.
9. Russinova T.V. Osobennosti funktsionirovaniya zapreta (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov). Saratov. 2006:24.
10. Fedosyuk M.Yu. Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov. Voprosy yazykoznaneya. 1997;(5):102–120.
11. Filosofskaya entsiklopediya (1960–1970). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. Ed. by F.V. Konstantinov]. URL: <http://dic.academic.ru>.
12. Shatokhina G.N. Vyrazheniye kosvennoy implitsitnoy imperativnosti v vetkhozavetnykh tekstakh. Russian Linguistic Bulletin, 2022;8(36). DOI 10.18454/RULB.2022.36.15. EDN HKBSOZ.
13. Shimanskiy G.I. Konspekt po npravstvennomu bogosloviyu. URL: <http://www.azbyka.ru>.
14. Shmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra. Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya. Moscow: Labirint. 2007:81–89.
15. King James Bible Online. URL: <http://www.kingjamesbibleonline.org>.
16. Oxford Advanced Learner's Dictionaries. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

Информация об авторах

Е.Н. Шеховцева – доктор филологических наук;

Г.Н. Шатохина – начальник Управления по международной деятельности.

Information about the authors

E.N. Shekhovtseva – Doctor of Philological Sciences.

G.N. Shatokhina – Head of the Department for International Activities.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 02.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 71–76.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):71–76.
Научная статья
УДК 8.81-11.114.2

Обособленные полупредикативные члены предложения в художественном тексте

Анна Александровна Логачева¹, Нелли Леонидовна Ермакова²

^{1,2}Орловский государственный университет, Орел, Россия

¹logacheva-anna1980@mail.ru

²nelli.ermakova.1984@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является описание структурно-семантических особенностей обособленных членов предложения, в частности, причастных оборотов. На материале языка художественной литературы показано, какое место занимают конструкции с причастным оборотом в системе простого и сложного предложений. С помощью метода наблюдения установлено, что структурное своеобразие и синкретичная семантика позволяют отнести эти структуры к полупредикативным единицам, передающим множественные смыслы в авторском тексте. Предложения с обособленными членами в художественном тексте выражают определительное значение, которое в некоторых случаях дополняется обстоятельственными отношениями (причины, уступки и др.). Это способствует более глубокому выражению авторского замысла и созданию особого художественного языка.

Ключевые слова: предложение, обособленные члены предложения, причастный оборот, художественное произведение

Для цитирования: Логачева А.А., Ермакова Н.Л. Обособленные полупредикативные члены предложения в художественном тексте // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 71–76.

Research article

Separate semi-predicative members of a sentence in a artistic text

Anna A. Logacheva¹, Nelli L. Ermakova²

^{1,2}Oryol State University, Orel, Russia

¹logacheva-anna1980@mail.ru

²nelli.ermakova.1984@mail.ru

Abstract. The article describes the structural and semantic features of isolated members of the sentence, in particular, participial phrases. Using the material of the language of fiction, it is shown what place constructions with participial phrases occupy in the system of simple and complex sentences. Structural originality and syncretic semantics make it possible to attribute these structures to semi-predicative units that convey multiple meanings in the author's text. Sentences with separate members in a literary text express a definitive meaning, which in some cases is supplemented by circumstantial relations (reasons, concessions, etc.). This contributes to a deeper expression of the author's idea and the creation of a special artistic language.

Keywords: sentence, isolated members of a sentence, participial turnover, work of art

For citation: Logacheva A.A., Ermakova N.L. Separate semi-predicative members of a sentence in a artistic text. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):71–76. (In Russ.).

Традиционно в синтаксисе современного русского языка принято выделять предложения простые и сложные. Каждый из этих структурно-семантических типов предложений имеет определенную классификацию. Так, в составе простого предложения выделяются односоставные

и двусоставные предложения. В системе сложного предложения различаются сложносочиненные, сложноподчиненные, сложные бессоюзные предложения и многокомпонентные сложные предложения. Промежуточное положение между простыми и сложными конструкциями занимают осложненные предложения.

В русском языке осложненными считаются конструкции:

- 1) предложения с однородными членами;
- 2) предложения с обособленными членами;
- 3) предложения с вводными и вставными компонентами;
- 4) предложения с обращениями [1, с. 387].

Обособление как структурно-семантическая категория синтаксиса описано в трудах многих ученых.

Обособление – это ритмико-интонационное и смысловое выделение в составе простого предложения словоформы или группы словоформ (конструкции, оборота) [5, с. 329].

Обособляться могут прилагательные, причастия, деепричастия и т.д. Они могут быть, как мы отметили выше, одиночными или с зависимыми словами. Если в предложении можно выделить организованную группу словоформ, то эта часть предложения квалифицируется как *оборот*. Оборот получает синтаксическое наименование по морфолого-семантическим качествам главного слова (прилагательного, причастия, деепричастия). Обороты вносят дополнительную информацию в предложение, обогащают описание и повествование. Особенно ярко это выражено в художественном тексте, который изобилует эмоционально-выразительными средствами.

В представленной научной работе наши интересы сосредоточены на описании структурно-семантических особенностей причастного оборота в языке художественной литературы. Язык художественной литературы – это речевая реализация авторского замысла, это искусство слова и создание художественного образа.

О связи литературного языка и языка художественной литературы писал еще В. В. Виноградов. Он указывал на связь общезыковых категорий со своеобразными категориями литературно-художественной речи [3, с. 68]. В конце XX века предметом споров ученых были понятия «язык художественной литературы» и «литературный язык» [4, с. 13].

Итак, мы видим, что изучение языка художественной литературы имеет глубокие традиции (А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Б.В. Томашевский, В.П. Григорьев и др.). Сегодня исследования в этой области продолжаются, поскольку многие вопросы остаются нерешенными.

В частности, рассмотрим особенности функционирования причастного оборота в художественном тексте.

Что такое причастный оборот? Причастный оборот – это полупредикативная синтаксическая единица, включающая стержневое причастие и его распространители [1, с. 435]. Причастный оборот может занимать любое место в предложении.

Материал проведенного исследования показал, что в художественной речи встречаются синтаксические конструкции, в которых причастный оборот занимает любую позицию в предложении: в начале, в середине и в конце. Кроме того, причастный оборот выражает основное определительное значение, однако может синкретично совмещать различные значения.

С помощью шкалы переходности, предложенной В. В. Бабайцевой, мы показали структурно-семантические особенности предложений с причастным оборотом.

На шкале переходности, предложенной В. В. Бабайцевой, предложения с причастными и адъективными оборотами занимают промежуточное положение (звено **АБ**). Точка **А** – это простые предложения, точка **Б** – сложные предложения. Периферийные зоны образуют конструкции с разной степенью предикативности. К звену **АБ** мы отнесли предложения с ослабленной полупредикативностью оборота, в звене **аБ** – предложения с максимальной степенью предикативности придаточного предложения.

Рассмотрим звено **АБ**.

Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою (А.С. Пушкин).

Причастный оборот находится в середине предложения. По структуре это простое предложение, в котором причастный оборот относится к субстантивному члену (*Егоровна*) и одновременно ориентирован на сказуемое (*сделалась*).

В приведенном примере выражены определительные отношения, причастный оборот содержит дополнительную семантику о субъекте действия. Таким образом авторы художественных текстов обогащают описание внешности и поступков героев, событий и повествования в целом.

Отметим, что причастные обороты встречаются не только в языке прозы, но и в поэтических произведениях. Поэтические произведения отличаются особой структурой, для них характерны ритмическая упорядоченность, соблюдение ритма, размера, использование рифмы и т.д.

Об особенностях поэтического текста писал Ю.М. Лотман. По его мнению, поэтический текст является знаковой системой, которую читателю необходимо расшифровать (Ю.М. Лотман).

Художественные тексты являются отражением авторского мировосприятия и русской культуры. Но в то же время художественные тексты иллюстрируют фонетические, лексические и грамматические особенности языка. Наиболее ярко это проявляется в языке лирики, так как лирический текст подчиняется законам стихосложения и стремится к выражению экспрессии:

*И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул (А.С. Пушкин).*

В составе причастного оборота действительное причастие настоящего времени. Здесь можно выделить определительные отношения: автор дает характеристику *углю*.

Однако в некоторых случаях причастные обороты имеют синкретичную семантику.

*И знакомому совету
Я доверчиво внимал
И, обвеянный мечтами,
Забываться начинал (И.А. Бунин).*

В этих поэтических строках причастный оборот совмещает определительные отношения и значение причины: *збываться начинал [почему?] потому что был обвеянный мечтами*.

Итак, причастный оборот, имеющий основную определительную семантику, может выражать обстоятельные отношения.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова (А.С. Пушкин).

В этом примере определительная семантика причастного оборота синкретично переплетается с уступительным значением: *Судьи не удостоились получить от него ни единого приветливого слова, [хотя] надеялись на его благодарность*.

На шкале переходности слева от точки **АБ** располагается звено **Аб**. **Аб** – это конструкции с препозитивным причастным оборотом:

Люблю до дыр зачитанные книги (М. Матусовский).

По структуре это простое односоставное предложение, в котором причастный оборот не обособляется, поскольку находится перед определяемым словом.

Такие примеры встречаются в художественных текстах, однако в них выражены только определительные отношения:

За столом рылся в книгах приехавший недавно из станицы счетовод (М. Шолохов).

В приведенном примере дополняется информация о подлежащем (*счетовод*). Причастный оборот выступает в роли распространенного определения и служит для характеристики деятеля (одушевленное существительное). В некоторых случаях неодушевленное существительное выступает как субъект действия:

Оставшиеся на корню хлеба сгорали и высыпались (Л.Н. Толстой).

Препозитивный причастный оборот характеризует субъект действия и выражает определенные отношения. Однородные сказуемые осложняют синтаксическую структуру предложения.

Иногда однородные сказуемые описывают ситуации, темпоральный план которых не совпадает:

Привлеченные светом бабочки прилетели и кружились около фонарей (С.Т. Аксаков).

Однородные сказуемые выражены глаголами разных видов: *прилетели* (совершенный вид) и *кружились* (несовершенный вид).

Предложения, входящие в звено **Аб**, по своей структуре являются простыми односоставными или двусоставными. Определяемое слово в них занимает постпозицию по отношению к причастному обороту, поэтому не отделяется запятой. Причастный оборот является определением.

Таким образом, точка **Аб** включает простые предложения, осложненные причастными оборотами, находящимися в препозиции по отношению к главному слову. Полупредикативность причастного оборота в таких синтаксических конструкциях ослаблена, поскольку по структуре они «близки» простому предложению.

Рассмотрим звено **аБ**.

Подъехав к господскому дому, он увидел белое платье, мелькающее между деревьями сада (А.С. Пушкин).

Предложения такой структуры обладают максимальной степенью предикативности и на шкале переходности занимают положение (**аБ**), которое позволяет их соотносить со сложными конструкциями. В конструкциях типа **аБ** причастный оборот находится в постпозиции по отношению к главному слову, поэтому обособляется:

Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом (А.С. Пушкин).

Причастный оборот занимает позицию определения и является определением. Отметим, что атрибутивное значение причастного оборота связано прежде всего со страдательным причастием настоящего времени.

Как нами было отмечено выше, определительная семантика причастных оборотов может осложняться обстоятельственными значениями. В звене типа **аБ** такие примеры нами были отмечены:

Я долго рассматривал монету, пораженный тонкостью и красотой ее чеканки (К.Г. Паустовский).

В этом предложении причастный оборот связан не с существительным, а со сказуемым и обстоятельством: **Пораженный тонкостью и красотой ее чеканки, я рассматривал** (как?) **долго**.

Приведем другие примеры.

Солнце тускло блестело, скрытое испарениями (А. Грин).

Здесь определительное значение причастного оборота осложнено обстоятельственным значением образа действия: **Скрытое испарениями, солнце блестело** (как?) **тускло**.

Итак, предложения типа **аБ** структурно оформлены как простые предложения, осложненные причастными оборотами. Однако в их составе больше предикативных сем, чем в предложениях звена **Аб**, поэтому их можно заменить придаточным предложением:

Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всем молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находящегося в то время в Петербурге (А.С. Пушкин).

Причастный оборот находится во второй части сложносочиненного предложения. Вторую предикативную часть этого предложения можно трансформировать в сложноподчиненное предложение с придаточным определительным: ... **Егоровна увидела необходимость уведомить обо всем молодого Дубровского, который служил в одном из гвардейских пехотных полков и находился в то время в Петербурге**.

Причастный оборот, находящийся в составе предложений типа **аБ**, обладает потенциальной предикативностью, т.е. может заменяться придаточным предложением. В результате трансформации мы получаем сложноподчиненное предложение с придаточным определительным. Поэтому такие конструкции на шкале переходности мы располагаем рядом со звеном **Б**.

Поведем итоги. Шкала переходности показывает структурные и семантические особенности предложений с причастными оборотами. Полярные звенья содержат максимальный набор признаков: в звене **А** содержатся признаки простого предложения, в звене **Б** – сложного. Промежуточные звенья, обозначенные нами как **Аб**, **АБ**, **аБ**, имеют разную степень предикативности в зависимости от положения на шкале переходности.

Отметим, что иногда в предложении может быть несколько причастных оборотов синкретично совмещающих определительное и обстоятельственное значения:

Освещенный последними красками умирающего заката, покрытый чудовищной шапкой сернистого дыма, насквозь пронизанного жаром раскаленного железа, Везувий, как казалось [почему?], сию минуту начнет извергаться... (В. Катаев).

В приведенном примере три причастных оборота: два первых причастных оборота дают характеристику слову *Везувий*, а третий причастный оборот относится к слову *дыма*.

Таким образом, в языке художественной литературы встречаются предложения с обособленными членами, в частности, с причастными оборотами. Обособленные члены предложения содержат дополнительную информацию: поясняют или уточняют сведения о субъекте действия. В исследуемом материале обособленные члены различаются по степени предикативности. В центре шкалы переходности мы показали конструкции, которые занимают промежуточное положение между простыми и сложными предложениями. Полупредикативные члены предложения содержат потенциальную предикативность, что обуславливает возможность замены их придаточным предложением в составе сложноподчиненной конструкции.

Остальные конструкции на шкале переходности не имеют предикативных сем, поэтому их невозможно трансформировать в сложноподчиненное предложение.

Отметим, что предложения с обособленными членами в художественном тексте выражают определительное значение, которое в некоторых случаях дополняется обстоятельственными отношениями (причины, уступки и др.). Это способствует более глубокому выражению авторского замысла и созданию особого художественного языка.

Список источников

1. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке : монография. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2011. 496 с.
2. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис. 4-е изд., испр. Москва : Высшая школа, 2003. 416 с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. Москва : Гос. изд-во худ. литературы, 1959. 656 с.
4. Григорьев В.П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. Москва: Наука, 1993. 175 с.
5. Касаткин Л.Л. Краткий справочник по современному русскому языку. Москва : Высшая школа, 2006. 407 с.
6. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1996. 848 с.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / под ред. Л.А. Чешко. 7-е изд. Москва : Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. 512 с.
8. Потебня А.А. Теоретическая поэтика / сост. А. Б. Муратов. Москва: Высшая школа, 1990. 344 с.
9. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. Москва : Высш. шк., 1990. 176 с.
10. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика / под ред. Л.Н. Шипова. Москва: Аспект Пресс, 2002. 334 с.

References

1. Babajceva V. V. Sistema chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazy`ke. Moscow: FLINTA: Nauka. 2011:496.
2. Valgina N. S. Sovremenny`j russkij yazy`k: Sintaksis. 4th ed. Moscow: Vysshaya shkola. 2003:416.
3. Vinogradov V. V. O yazy`ke xudozhestvennoj literatury`. Moscow: Gos. izd-vo худ. literatury`. 1959:656.

4. Grigor'ev V.P. Iz proshlogo lingvisticheskoy poe'tiki i interlingvistiki. Moscow: Nauka. 1993:175.
5. Kasatkin L.L. Kratkij spravochnik po sovremennomu russkomu yazy'ku. Moscow: Vysshaya shkola. 2006:407.
6. Lotman Yu.M. O poe'tax i poe'zii. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. 1996:848.
7. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii / ed. L.A. Cheshko. 7th ed. Moscow: Gos. uchebno-ped. izd-vo Ministerstva prosveshheniya RSFSR. 1956:512.
8. Potebnya A.A. Teoreticheskaya poe'tika / sost. A.B. Muratov. Moscow: Vysshaya shkola. 1990:344.
9. Priyatkina A.F. Russkij yazy'k: Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya. Moscow: Vyssh. shk. 1990:176.
10. Tomashevskij B.V. Teoriya literatury`. Poe'tika / ed. L.N. Shipov. Moscow: Aspekt Press. 2002:334.

Информация об авторах

А.А. Логачева – кандидат филологических наук;
Н.Л. Ермакова – кандидат филологических наук.

Information about the authors

A.A. Logacheva – Candidate of Philological Sciences;
N.L. Ermakova – Candidate of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.04.2023; одобрена после рецензирования 02.06.2023; принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 30.04.2023; approved after reviewing 02.06.2023; accepted for publication 10.06.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 77–87.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):77–87.
Научная статья
УДК 81

Лингвистические особенности вербализации компонента «чужой» в дискурсе М. Ле Пен

Френкель Ирина Анатольевна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, frenkel-mif@rambler.ru

Аннотация. Данное исследование, проведенное в рамках гендерной политологии, ставит своей задачей проведение практического анализа лексико-семантических, стилистических и синтаксических средств вербализации компонента «чужой» дихотомии «свой – чужой», а также гендерного аспекта дискурса М. Ле Пен с целью выявления коммуникативных стратегий, применяемых политиком для достижения эмоционального воздействия на аудиторию. Анализ проводится на примере вступительной речи М. Ле Пен, произнесенной по случаю летней Универсиады «Национального фронта» 18 сентября 2022 г. Исследование показывает, что используемые языковые средства являются также эффективным механизмом делегитимации политического противника и позволяют трактовать их как проявление признаков, традиционно приписываемых мужскому политическому дискурсу.

Ключевые слова: политическая коммуникация, гендерная политология, борьба за власть, противник, «чужой», дискредитация, референтное наполнение, семантика, лексическое значение, отрицательная оценка, метафора, фигуры речи

Для цитирования: Френкель И.А. Лингвистические особенности вербализации компонента «чужой» в дискурсе М. Ле Пен // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 77–87.

Research article

Linguistic features of the verbalization of the "alien" component in M. Le Pen's discourse

Irina A. Frenkel

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, frenkel-mif@rambler.ru

Abstract. This study, conducted within the framework of gender political science, aims to conduct a practical analysis of the lexico-semantic, stylistic and syntactic means of verbalization of the "alien" component of the "alien or foe" dichotomy, as well as the gender aspect of M. Le Pen's discourse in order to identify communication strategies, used by a politician to achieve an emotional impact on the audience. The analysis is carried out on the example of the opening speech of M. Le Pen, delivered on the occasion of the Summer Universiade of the "National Front" on September 18, 2022) [20]. The study shows that the used linguistic means can become an effective mechanism of delegating a political opponent and can be interpreted as the manifestation of signs traditionally attributed to male political discourse.

Keywords: political communication, gender political science, struggle for power, adversary, "alien", discrediting, referential content, semantics, lexical meaning, negative evaluation, metaphor, figures of speech

For citation: Frenkel I.A. Linguistic features of the verbalization of the "alien", component in the discourse of M. Le Pen. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2023;2(86):77–87 (In Russ.).

Первые исследования, направленные на изучение гендерных различий в языке, появились еще в прошлом столетии. Смена научной парадигмы, распространение постмодернистских идей и феминистских течений способствовали формированию нового научного направления – гендерологии, стимулом для развития которой послужило предположение о необходимости разграничения биологической и социальной составляющих при изучении вопросов, связанных с трактовкой понятия *пол* в различных областях знаний. В настоящее время объектом изучения одного из активно развивающихся направлений – гендерной лингвистики, является выявление и анализ средств вербализации гендерного компонента на материале различных языковых уровней.

В связи с активизацией социальной роли женщин, занимающих в современном обществе различные государственные должности, политика перестает рассматриваться исключительно как мужское поле деятельности, что делает актуальным изучение проблемы гендера, осуществляемого в рамках гендерной политологии, рассматриваемой как субдисциплина в «политической науке», изучающая «политическую обусловленность гендерных процессов [12].

Несмотря на существующую до настоящего времени неоднозначность толкования понятия *политический дискурс*, достаточно распространенным считается мнение, согласно которому борьба за власть является основной его стратегией, инструментом, предназначенным для манипуляции общественным мнением, с целью внушения социуму и его гражданам необходимости принятия «политически правильных» решений, оценок, действий, «выгодных для тех», кто стремится к обретению власти [5].

Исследователи, анализирующие гендерные особенности мужского и женского политического дискурса, отмечают наличие в них различных тактик, стратегий поведения и общения. К речевым особенностям мужской речи относятся, например, следующие: уверенность, жесткость, агрессивность, способность отстоять свое мнение, проявить инициативу, свободно и комфортно ощущать себя в процессе публичных выступлений [10; 14]. Речи женщин-политиков в большей степени свойственны дипломатичность, компромиссность, уступчивость, т.е. собственные установки поведенческого и психологического планов [11]; частотность эвфемизмов [1], свидетельствующих о нерешительности и недоверии [18, с. 83]; высокая степень насыщенности стилистическими приемами, частотность лексем, выражающих чувственное и эмоциональное восприятие действительности. Так, отмечается, например, что для дискурса М. Ле Пен, характерным является использование тропов, риторических приемов убеждения, иронии. Ее речь в целом, отличается грамотностью, искренностью, толерантностью, честностью, проявлением желания «быть ближе к народу» [4].

С другой стороны исследователи констатируют факт наличия у ряда женщин-политиков (например, экс-госсекретарь США Кондолиза Райс) сочетаемости феминных и маскулинных черт дискурса, к которым относятся: отсутствие эмоционального подтекста, последовательность и логичность структуры, имитация маскулинных моделей коммуникации, проявляющаяся в использовании агрессивных высказываний, в том числе, уничижительного характера, прерывание собеседника во время дебатов, использование разного рода конструкций, демонстрирующих уверенность в собственной правоте, способность оппонировать противнику [1].

Задачей данного исследования является анализ указанной выше речи М. Ле Пен с целью выявления лексических, стилистических и синтаксических средств вербализации семантического компонента «чужой», специфики реализации гендерного аспекта.

В связи с тем, что прерогативой политической коммуникации является осуществление борьбы за власть, реализуемая в данном дискурсе оппозиция «свой» – «чужой» считается (наряду с метафорами «верх – низ», «жизнь – смерть», «зима – лето», «ночь – день») одной из наиболее актуальных, относится к константамами архитипического плана и символизирует универсальную картину мира [9; 13].

В анализируемом выступлении М. Ле Пен, как и в целом в политическом дискурсе, данная дихотомия является основополагающей, соответственно, структурирует весь текст, определяет референтов и их объем, использование стилистически маркированных единиц, относящихся к различным языковым уровням, модальная направленность которых коррелирует с компонентами указанной оппозиции. Аксиологически окрашенное референтное наполнение дихотомии, («свой» – «хорошо», «чужой» – «плохо»), вербализует идеологическую направленность оратора, идентифицирует «своих» и «чужих» в его когнитивной картине мира и «создает век-

торы ориентации в политической картине мира», конструируемые и транслируемые руководством населению [16] страны.

Соответственно, компонент «свой», включающий сторонников «Народного фронта», поддерживающих партию и ее руководство, характеризуется высокой степенью открытости и экспрессивности благодаря частотности разнообразных по своей семантике положительно маркированных лексем, вербализующих непосредственно переживаемые чувства и эмоции, что, как было сказано выше, в целом свойственно женскому политическому дискурсу, например, лексические единицы:

- содержащие в своей семантической структуре рациональную положительную оценку, выражающие благодарность и гордость за проделанную совместную работу: «*féliciter*», «*être fier*», «*être honoré*», «*être heureux*»:

«*Je voulais vous en féliciter, mais surtout au-delà, je voulais vous dire combien je suis fière de vous, honorée de vous avoir conduits dans cette magnifique aventure, heureuse de combattre avec vous*».

- характеризующиеся наличием стилистической окраски, например, образные сравнения, передающие радость от одержанной победы: «*Ces moments, avouons-le, sont des «instants d'éternité » comme le premier regard d'une mère sur son enfant, comme le paysage qui coupe le souffle, comme l'oiseau magnifique qu'on ne veut pas voir s'envoler*».

В семиотическом плане в анализируемом отрывке употребляются как лексем, характеризующиеся референциальной неточностью, в целом свойственной политическому дискурсу [8, с. 125], например: «*un pouvoir politique*», «*barons régionaux*», «*la dictature de groupes extrémisés*», так и языковые единицы, указывающие на конкретные понятия и на определенных действующих политиков.

Семантическое наполнение категории «чужой» характеризуется в значительной степени референциальной определенностью, широкой вариативностью, ярко выраженной отрицательной модальностью, отсутствием табуирования и основывается, как заявляет политик, на фактологическом анализе: «*Cette observation relève d'une analyse factuelle*». В категорию оппонентов входят высшие органы Франции, Европейского Союза, правящая партия, финансовые круги, система в целом, подвергаемая традиционной критике и противопоставляемая «Народному фронту» и населению страны. Данный факт доказывается как наличием лексемы *système*, м. («...le 19 juin 2022 ... le système a craqué devant la poussée nationale ...»), (являющейся достаточно частотной в и предыдущих выступлениях политика), так и близких ей по значению языковых единиц *conjoncturel*, *structurel*, показывающих системность негативных политических событий: «*Nous n'en voyons que les premiers effets car cette crise n'est pas seulement conjoncturelle mais structurelle*».

Как и в целом в политическом дискурсе, анализируемая речь характеризуется частотностью коннотативно окрашенной лексики, трактуемой исследователями, например, как «политические аффективы» [15, с. 291–294], [17, с. 115] прагматическая цель которых заключается в воспроизводстве ярких образных ассоциаций, способных вызывать сильные эмоции, реакции, оценки, эффективно и наглядно презентовать сложные политические процессы и реалии.

В связи с тем, что основой стратегии политика является дискредитация оппонента, его задачей становится критическое осмысление значимой социальной проблематики, в тематическом плане в выступлении затрагиваются насущные вопросы, касающиеся энергетического, экономического и социального кризисов, в связи с чем, генетическая метафора *crise*, *f.* относится к категории частотных.

Негативная прагматическая составляющая, имеющая, в том числе, и аргументированный характер, направленная в адрес оппонентов, затрагивает целый ряд аспектов, к которым относятся:

а) этическая сторона деятельности законодательной власти, обвиняемой:

- в лживости пропагандируемых моральных ценностей (*valeurs fausses*), трусости, (*un législateur pusillanime et fuyant*) и, по словам оратора, «демократической непристойности» (*cette inconvenance démocratique*). Стилистический эффект указанных словосочетаний основывается на нарушении лексико-семантической сочетаемости входящих в них лексем, характеризующихся противоположным направлением коннотации.

- в махинациях, что выражается благодаря использованию языковых единиц, обладающих отрицательной коннотацией, наличием в их семантике эмоционально-оценочного компонента и внутренней формы, переводящей понятие «политическая власть» в финансовую сферу (*un pouvoir politique combinard et calculateur*):

«Il est malheureux que ce soit le peuple Français qui ait été obligé d'infliger cette *cinglante leçon de démocratie à un législateur pusillanime et fuyant, à un pouvoir politique combinard et calculateur* qui a toujours refusé de se saisir de la question de la représentativité alors même que la révolte des Gilets jaunes l'avait mise en évidence; *cette inconvenance démocratique* qui perdure au Sénat».

б) нелегитимный характер деятельности Парламента, превращение его в искусственно созданный конституционный институт, характеризующийся несправедливым распределением партийного представительства, что выражается лексемами, объединенными общей семой «привативность»: «... le caractère de *moins en moins légitime* d'institutions devenues presque *factices*»; «*l'injustice insupportable* de voir des millions de Français être privés d'une représentation parlementaire».

Акцентуация идеи подчинения метрополиям и крупной местной олигархии вербализуется благодаря использованию существительного *injonction*, f. передающего идею принуждения и метафоры уничижительного характера «*barons régionaux*»:

«Même au Sénat ... les intérêts de nos campagnes cèdent devant les *logiques de centralisation*, devant les *intérêts des grandes métropoles*, devant les *injonctions de barons régionaux*».

Глава государства, также как и его сторонники (*M. Darmanin, M. Dupont-Morreti, M. Ndiaye*) и представители европейской элиты (*Mme Von der Leyen*) выступают как значимые компоненты категории «чужой», которые, в отличие от указанных выше языковых структур, представляют собой пример конкретной референции. Симптоматичным является отсутствие в речи официального названия высшей государственной должности – президент, заменяемого повсеместно именем и фамилией – *Emmanuel Macron*. Направленная на него отрицательная характеристика также касается, нечистоплотности государственной политики, проводимой в отношении французов, и выражается языковыми единицами, лексическое значение которых объединено общей семой привативности. Например, пенсионная реформа, квалифицируемая как: уловка, нецелесообразная, несправедливая, традиционно антисоциальное мероприятие, приносящая французам страдания:

«Les Français ne sont pas dupes de ces peu *glorieuses dérobades* et Emmanuel Macron ne pourra pas très longtemps échapper à ses responsabilités»; «C'est là *une inutile provocation anti-sociale* dont Emmanuel Macron est coutumier»; «C'est pourquoi nous nous opposerons à la réforme d'Emmanuel Macron qui est *inoportune, injuste...*».

Для достижения дискредитирующего эффекта и дегуманизации противника в указанной речи, как и в политическом дискурсе в целом, широко используется потенциал метафоры, благодаря которой происходит концептуализация нового фрагмента действительности по аналогии с уже сложившейся системой понятий. Ассоциации, основанные на ключевых метафорах, позволяют применить знания и опыт, приобретенные в отдельной области, для решения проблем в другой сфере [6, с. 125].

Так, к средствам вербализации идеи пагубности государственной политики Франции и Евросоюза в целом, широко используется концепт «война». Как и в предвыборных речах, в том числе, и во время гонки за президентское кресло в 2017, политическая деятельность метафорически передается через ассоциацию с военными действиями. Милитарная терминология относится к категории значимых «в репрезентации базовых социальных моделей метафоризации» [2]. Образуемые ею переносные значения широко применяются для характеристики разнообразных сфер нематериального мира, образуя «устойчивые концептуальные метафорические модели», используемые в различных видах дискурса и в значительной степени в политической коммуникации, что объясняется постоянными столкновениями противоположных сторон. Таким образом, в сознании адресата происходит замена традиционного когнитивного сценария проведения военных действий на новый [2].

Несмотря на то, что в дискурсе Марин Ле Пен военная терминология и в целом метафора «война», являются традиционными, в анализируемой речи языковая единица «война» не относится к категории частотной, но используемая милитарная лексика в полной мере соответствует семантическому наполнению компонентов «чужой».

Идея вредности проводимой политики, провоцирующей, с т.з. оратора, разлом в государстве, вербализуется языковыми единицами, «эксплицитно» [7], выражающими отрицательную модальность, объединенными общей семой «разрушение» и употребляемыми в контекстах, касающихся всех ветвей власти:

- главы государства, что выражается лексемами: «*divisions*», «*diviser*», «*déconstruction*», «*démolition*» и метафорой «*fracture, f*»:

«C'est pourquoi nous nous opposerons à la réforme d'Emmanuel Macron qui est ... propre à susciter d'inutiles divisions»; «Emmanuel Macron ne fera rien pour réparer les fractures qui divisent notre pays et font souffrir nos compatriotes»; «Mais comment ne pas être sévère face à une entreprise de déconstruction de notre pays, une politique de démolition»;

- официальных лиц, занимающих государственные должности в правительстве Э. Макрона, деятельность которых негативно сказывается на функционировании различных сфер французского общества (полиции, дипломатии, уголовном праве, образовании) и обозначается отрицательно маркированной лексикой: «*la disparition*», «*le démantèlement*», «*la politique pénale irresponsable*», «*les aberrations*»:

«...la disparition de la police judiciaire que M. Darmanin propose, le démantèlement de notre diplomatie, la politique pénale irresponsable de M. Dupont-Morreti, les aberrations pédagogiques de M. Ndiaye ou les choix énergétiques désastreux»;

- государственной политики в целом, пагубность последствий которой вербализуется следующими метафорически использованными лексемами: *péril, f.*, *pénurie, f.*, *ruiner*, *miner*, *menacer*. «Les périls qui menacent la Patrie sont grands»; «réformer en urgence les montages technocratiques ruineux»; «...une dette qui nous ruine chaque jour davantage»; «une compétitivité de nos entreprises minée par la déflagration énergétique, un euro qui s'affaisse, des pénuries qui menacent».

К другим источником образной передачи идеи разрушительной деятельности властей, относятся следующие метафоры, «имплицитно» [7] выражающие отрицательную оценку:

- «стихия», также в целом свойственная политическому дискурсу, применяемая для характеристики различных масштабных событий, провоцирующая у адресата восприятие какого-либо действия как неподвластного контролю, несущее разрушения и жертвы, например, сравнение кризисов, охвативших страну с землетрясением: «Les crises énergétique, économique et sociale dont je vous ai parlées vont intervenir comme de secousses sismiques à répétition»;

- «рынок», что выражается в использовании лексики, заимствованной из финансово-экономической сферы: «Les fausses valeurs se sont démonétisées sur le marché électoral ...». Экспрессивность высказывания является результатом употребления в одном контексте слов, не сочетающихся на семантическом уровне, переносом как абстрактного понятия «ценности», так и избирательного процесса в рыночную сферу;

- «азартные игры», ассоциирующие страну с игорным столом, людей – с пешками, а судьбу нации – со ставкой на одну ночь:

«Un pays n'est pas une table de jeu où l'on tente des coups, les gens ne sont pas des pions, et le sort d'une nation l'enjeu d'une partie sans lendemain»; «Et comme si cela ne suffisait pas, Emmanuel Macron croit intelligent de remettre sur la table son obsession, déjà combattue par les Français, de la réforme des retraites»;

- морбиальная метафора, акцентирующая идею:

а) опасности создания для общества ситуации, граничащей со смертью, выражаемой лексемами «*asphyxié*», «*intoxication, f.*», «*suicide m.*» и ее преднамеренности:

«...une crise des services des collectivités locales asphyxiées par le coût de l'énergie...»; «les campagnes d'intoxication»; «La validation du suicide énergétique de l'Allemagne exigé par ces fous que sont les verts allemands»;

б) смертоносности политики, проводимой институтами, нежизнеспособность которой выражается благодаря использованию серии отрицательно маркированных лексем, употребленных в переносном смысле и вербализующих образ мумии: «*des forces desséchées, momifiées ou mortes*»: «Il serait paradoxal que des organismes censés représenter les forces vives du pays ne regroupent finalement que des forces desséchées, momifiées ou mortes».

Необходимо отметить, что ситуация, сложившаяся во Франции, представляется как результат политики Европейского Союза, который, таким образом, также позиционируется как один из важных референтов семантической категории «чужой».

Критический взгляд на завуалированную стратегию Евросоюза выражается в использовании антонимичных выражений, подчеркивающих ее лживость и двойственный характер: за декларируемыми позитивными целями скрываются не просто ошибочные действия, а события, имеющие воинственный и угрожающий характер: *une coopération pour la paix* → *de vaines et dangereuses postures belliqueuses*; *ses promesses de prospérité et de paix* → *ses errements économiques, énergétiques et géo-politique*; *une vision fédérale* → *vision impériale*. Например: «*Cette Union, on l'a vu avec le discours hallucinant de Mme Von der Leyen, ne cherche même plus à invoquer une coopération pour la paix mais s'enferme dans de vaines et dangereuses postures belliqueuses*».

В целом, лексемы, характеризующие политический курс правящей национальной и европейской элиты, обладают явной негативной коннотацией, например, в номинации европейских идеологических направлений используются отрицательно маркированные лексемы, также объединенные общей семой «разрушение»: «*idéologies corruptrices et destructrices*», в большинстве своем, пейоративного плана: «*le mondialisme, l'affairisme, l'immigrationnisme, le wokisme, l'indigénisme, la dictature de groupes extrémisés...*». Как отмечают аналитики, использование лексем на *is me* является одной из особенностей дискурса М. Ле Пен [19]. Пагубность политики, проводимой Евросоюзом, иллюстрируется, прежде всего, на примере намеренно созданной кризисной миграционной ситуации – темы, традиционно присутствующей в дискурсе М. Ле Пен. Волюнтаристический характер данного курса, активно поддерживаемого Э. Макроном, подчеркивается отрицанием идеи случайности происходящих событий, невнимания, ошибочной оценки или преуменьшения понимания возможных последствий, что метафорически вербализуется:

- образным основанием внутренней формы фразеологизма «*fruit du hasard*»: «*Ne croyez pas que ce qui arrive en matière d'immigration soit le fruit du hasard, d'une faute d'appréciation, d'une inattention passagère, d'une sous-estimation des conséquences...*»;

- частотностью лексики, объединенной общими семами: «преднамеренные, запланированные», «навязанные действия», «проект», представленными:

- существительными: *une intention politique, un projet*: «...ce sont de *nouvelles migrations* venues du monde entier qui sont *programmées*»; «*Cette immigration supplémentaire*»; «... cette *folle politique* relève d'une *intention politique*»; «Pour Emmanuel Macron et ses amis, pour quasiment toute la classe politique, l'immigration n'est pas un problème mais *un projet*»;

- причастием «*programmé*» и др.: «*nouvelles migrationsprogrammées*»;

- глаголами *instaurer, imposer*: «Le Pacte des migrations de l'Union Européenne proposait d'*instaurer* dans toute l'Europe des relocalisations forcées de migrants, Emmanuel Macron annonce *vouloir l'imposer* sans attendre dans toute la France, dans le moindre village le plus reculé, dans le moindre hameau».

В связи со сказанным выше, население страны выступает только как инструмент в руках государственных институтов, манипуляционная политика которых трактуется как «диктатура экстремистских групп», что доказывается, например, одновременным использованием глагола *demande*, характеризующегося наличием семы «одушевленность» и пассивной конструкции с причастием «*instrumentalisé*», низводящим население до уровня неодушевленного предмета: «une immigration que vous n'avez pas *demandée*»; «*la dictature de groupes extrémisés* parlant au nom de minorités qui *ne demandent pas d'être instrumentalisées*».

Последствия разрушительного характера проводимого курса, создающего для коренных французов ситуацию, угрожающую их жизни, передаются благодаря использованию языковых единиц, объединенных указанной семантикой и характеризующихся:

- отрицательной коннотацией: «*quartiers invivables*»;

- наличием ярко выраженного образного основания, положенного в основе наименования («катаклизм», «ад»): *situation sécuritaire cataclysmique, un véritable enfer*: «*Cette immigration supplémentaire ... rend certains quartiers quasiment invivables*»; «...n'oublions pas que *situation sécuritaire est cataclysmique* dans certains départements français au premier rang des quels Mayotte qui ... vit *un véritable enfer*».

Метафорически поработительный характер политики Евросоюза по отношению к входящим в него государствам, передается:

- прилагательным «*impérial*», актуализирующим идею военной экспансии, проводимой путем колониальных завоеваний, в данном случае, европейских стран: «...une Union qui porte une vision qui n'est même plus *fédérale mais impériale*»;

- метафорой «*joug, m.*» (иго), в основе внутренней формы которой лежат семы: «тяжелое материальное или моральное подчинение», «принуждение», «порабощающая, угнетающая сила»: «*Nous vivons, mes amis, un véritable soulèvement démocratique contre le joug de ces idéologies corruptrices et destructrices ...*». Высокая степень экспрессивности данного средства объясняется превалированием в структуре его стилистической окраски образного компонента над оценочным и концептуальными противоречиями, проявляющимися на дифференциальном уровне с понятием «демократия», декларируемого как политический строй, при котором верховная власть принадлежит народу, но реально превращенного, с точки зрения оратора, не только в диктатуру элиты, но и рабство. Употребление в речи таких лексем, как «*joug, m.*», «*enfer, m.*», «*des forces desséchées, momifiées ou mortes*» и др., демонстрирует приверженность политика к гипеболизации описываемых явлений с целью дискредитации оппонентов и намеренного усиления яркости и экспрессивности речи.

Одним из способов «очернения» оппозиции является также использование разнообразных речевых конструкций, придающих дискурсу большую степень значимости и выразительности, влияющих на ее эмоциональную окраску, например, различного рода повторы, подчеркивающие высказанную идею, создающие ритмический, циркулирующий эффект, например:

- анафорическое использование лексемы *faute, f.*, начинающей следующие друг за другом абзацы и акцентирующей идею кризисной политики, проводимой Европой в различных областях социальной жизни:

- «*Une faute géopolitique, en s'emballant avec une Union Européenne hystérisée par la guerre en Ukraine...* »;

- «*Une faute conjoncturelle quand nos dirigeants renoncent à briser la spéculation, empêcher les profiteurs de guerres ...*».

В ряде случаев для достижения большего уровня эмоционального эффекта в одном и том же предложении одновременно используется различные фигуры речи, например, антитеза, частичный повтор, параллельные конструкции, основанные на использовании прилагательных *volontaire/involontaire*, подчеркивающих идею намеренного разрушения страны, продиктованного добровольно проводимой идеологией подчинения и некомпетентностью государственного лидера:

«*Mais comment ne pas être sévère face à une entreprise de déconstruction de notre pays, une politique de démolition involontaire quand elle n'est pas volontaire. Involontaire par incompétence. Volontaire par idéologie*».

Речь также характеризуется использованием экспрессивного потенциала синтаксических средств языка, выражающих эмоциональное состояние оратора, его субъективное отношение к описываемым событиям. В целом анализируемый дискурс отличается сложной структурой фразы, доминированием сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, включающих несколько придаточных, что придает высказыванию высокий уровень аргументированности, точности, логичности. Использование на их фоне нераспространенных предложений, не относящихся к категории частотных, является одним из средств выражения актуальности транслируемого ими содержания. Данный структурный тип представлен всеми разновидностями коммуникативного типа предложений:

- повествовательные: «*Le temps presse*».

- вопросительные: «*L'immigration?*»; «*Mais où va-t-on?*»

- восклицательные: «*Nous sommes prévenus!*»

Финальные фразы представлены лозунгами, являющимися одним из феноменов общественно-политической коммуникации и выполняющими как функцию побуждения адресата к действию, так и призыва:

«*Hauts les cœurs !
Vive la République
Et vive la France*».

Таким образом, анализ фактического материала демонстрирует, что критика, направленная в адрес основных референтов понятия «чужой», касается:

а) всех структур, уровней власти Франции и Евросоюза и связывающих их иерархических отношений;

б) морально-этической стороны деятельности политической и государственной власти Франции и Евросоюза;

в) степени ее необходимости, неправомерности, нелегитимности;

д) уровня враждебности и вредоносности по отношению к гражданам страны.

Идея делегитимации противника реализуется на различных языковых уровнях, основными из которых являются лексический и стилистический. Данный факт подтверждается использованием отрицательно маркированной лексики, относящейся к категории частотной, в значительной мере пейоративного значения. К типичным средствам вербализации негативной оценки референтов и разрушительного характера их деятельности, относятся:

1) языковые единицы, эксплицитно выражающие отрицательную модальность, объединенные общей семой «привативность», содержащие отрицательные префиксы *in-*, *a-*, *anti-*, *non-* :

- существительные: *incompétence, f.; injustice, f.; inattention, f.; inconvenance, f.; insécurisation, f.;*

- прилагательные: *insupportable; invivable; incomparable; inapproprié; irréel; injuste; inégalé, inutile; inopportune; injuste; insuffisant; irréfléchi;*

incomparable;

- *a-*: *anormal ;*

- *anti-* : *anti-sociale;*

- *non-* : *non-institutionnel ;*

2) существительные, начинающиеся со слога *dé* /приставок *-dé, -dis* : *déconstruction, f.; démolition, f.; démantèlement, m.; disparition, f. ; déni, m.*

3) лексемы, характеризующиеся отрицательной коннотацией:

- существительные и именные словосочетания: *mépris, m. ; fou m.; idiot, m.; licenciement, m.; sous-développement, m. ; récession, f. ; paupérisation, f. ; spéculation, f. ; obsession, f. ; souffrance, f. ; aberration, f. ; régression f. ; profiteurs de guerre ; une cinglante leçon de démocratie; la dictature de groupes extrémisés;*

- прилагательные: *délinquant, faux, factice, hallucinant, ambigu, fantomatique, de moins en moins légitime, surjoué, alambiqué, désastreux, vain, nuisible, dangereux, belliqueux, impérial;*

- глаголы, контекстуально обозначающие действия негативного плана: *restreindre (les créneaux des équipements de sportifs); éteindre (l'éclairage public), réduire (le nombre de jours scolaires par mesure d'économie) ; renoncer (à moderniser notre filière nucléaire);*

3) стилистически-маркированная лексика: *squatteur, m, cracker, m, combinard, m, u др.*

В разряд наиболее значимых слов-символов, имплицитно выражающих отрицательную оценку, придающих дискурсу высокую степень экспрессивности и лежащих в основе метафорического переосмысления параллели «политическая борьба – политическая война», входят следующие языковые единицы тропического и милитарного характера, подчеркивающие идею разрушительности государственной политики, приводящей к болезненным и даже катастрофическим последствиям, лишаящим страну своего будущего («*partie sans lendemain*»): *ruiner, miner, menacer, crise, f, péril, f, pénurie, f, «cette cinglante leçon de démocratie», «secousses sismiques à répétition», «collectivités locales asphyxiées», «les campagnes d'intoxication», «la validation du suicide énergétique», enfer, m, joug m, «des forces desséchées, momifiées ou mortes».*

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

а) основными стилистическими приемами, организующими структуру речи, являются следующие:

- контраст, проявляющийся в реализации оппозиции «свой – чужой», каждый компонент которой получает соответствующее наполнение и эмоционально-оценочную окраску;

- параллелизм, акцентирующий единство политической позиции французских и европейских правящих кругов;

в) анализируемый фрагмент высказывания характеризуется четкой структурной организацией, когезией и когеренцией, нормативностью, проявляемой на всех языковых уровнях, т.е. в целом демонстрирует языковые признаки формальной речи;

г) прямота высказывания, отсутствие табуирования, эвфемизмов, жесткость и даже агрессивность высказывания, позволяет их трактовать как проявление признаков, традиционно приписываемых мужскому дискурсу, в том числе, политическому;

д) указанные выше лексические и стилистические средства, объединенные общим прагматическим смыслом – «деструктивность», «экзистенциальная угроза», являются эффективным механизмом дискредитации и делегитимации политического противника, эмоционального воздействия на реципиентов, создания у них негативного отношения к оппоненту и переводят референтов, входящих в семантический компонент «чужой», в категорию «противник, ведущий разрушительную национальную политику», тем самым способствуя вербализации когнитивной и политической картины мира М. Ле Пен, открыто транслируемой всему международному сообществу.

Список источников

1. Арустамян Р. Проявление гендерных особенностей в политическом дискурсе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-gendernyh-osobennostey-v-politicheskom-diskurse/pdf>.
2. Балашова Л.В. Милитарная метафора как способ формирования концепта Ковид-19 в речи В.В. Путина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/militarnaya-metafora-kak-sposob-formirovaniya-kontsept-a-kovid-19-v-rechi-v-v-putina/pdf>.
3. Галямина Ю.Е. Мы – они: как в дискурсе Владимира Путина разных лет конструируется идентичность. URL: <http://inion.ru/site/assets/files/3526/oni.pdf>.
4. Демина Е.М. Образ современного политика и стилистические средства его создания (на примере политических дискурсов Мари Ле Пен и Эммануэля Макрона). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovremennogo-politika-i-stilisticheskie-sredstva-ego-sozdaniya-na-primere-politicheskikh-diskursov-marin-le-pen-i-emmanuelya-makrona/pdf>.
5. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. URL: <https://studizba.com/files/show/doc/174461-1-186565.html>.
6. Заботкина В.И. Конвенциональность vs креативность в лексиконе (когнитивно-дискурсивный подход). С любовью к языку: сб. науч. тр. Москва ; Воронеж : ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002.
7. Зайцева Е.Л. Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе (опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации). URL: <https://www.dissercat.com/content/vyrazhenie-otritsatelnoi-otsenki-v-politicheskom-diskurse-opyt-sravnitelno-sopostavitelnogo-/read/pdf>.
8. Ключев Е.В. Фатика как предмет дискуссии // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Москва: Наука, 1996. С. 212–220.
9. Маслова В.А. Введение в культурологию. Москва: Наследие, 1997. 206 с.
10. Мукашова Р.М. Значение гендерного фактора в политическом дискурсе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-gendernogo-faktora-v-politicheskom-diskurse/pdf>.
11. Мурай Е.В. «Женщина-политик» как концепт англоязычного политического дискурса // Стилистика и проблемы контекста. Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. С. 188–199. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 573. Серия Языкознание).
12. Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-politologiya-v-rossii-dostizheniya-problemy-i-perpektivy/pdf>.
13. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Москва : ЯПК, 1997. 824 с.
14. Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь // Гендер и язык / Моск. гос. лингвист. ун-т (МГЛУ); Лаборатория гендерных исследований. Москва : Языки славянской культуры, 2005. 622 с.
15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса : монография. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва : Гнозис, 2004. 326 с.
17. Graber D. Verbal Behavior and Politics. Urbana : Univ. of Illinois Press, 1976. 361 p.

18. Lakoff R.T., Bucholtz M. Language and Woman's Place. New York : Oxford Univ. Pr., 2004.
19. URL: <https://rassemblementnational.fr/discours/discours-de-marine-le-pen-agde-18-septembre-2022>.
20. URL: <https://www.lesechos.fr/2017/04/presidentielle-ce-que-nous-apprennent-les-discours-des-candidats-165525...>

References

1. Arustamyan R. Proyavleniye gendernykh osobennostey v politicheskom diskurse. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-gendernyh-osobennostey-v-politicheskom-diskurse/pdf>.
2. Balashova L.V. Militarnaya metafora kak sposob formirovaniya kontsepta Kovid-19 v rechi V.V. Putina. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/militarnaya-metafora-kak-sposob-formirovaniya-kontsepta-kovid-19-v-rechi-v-v-putina/pdf>.
3. Galyamina Yu.Ye. My – oni: kak v diskurse Vladimira Putina raznykh let konstruiruyetsya identichnost'. URL: <http://inion.ru/site/assets/files/3526/oni.pdf>.
4. Demina Ye.M. Obraz sovremennogo politika i stilisticheskiye sredstva yego sozdaniya (na primere politicheskikh diskursov Mari Le Pen i Emmanuelya Makrona). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovremennogo-politika-i-stilisticheskie-sredstva-ego-sozdaniya-na-primere-politicheskikh-diskursov-marin-le-pen-i-emmanuelya-makrona/pdf>.
5. Dem'yankov V.Z. Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii. URL: <https://studizba.com/files/show/doc/174461-1-186565.html>.
6. Zabotkina V.I. Konventsional'nost' vs kreativnost' v leksikone (kognitivno-diskursivnyy podkhod). S lyubov'yu k yazyku: Sb. nauch. tr. Moscow ; Voronezh: IYA RAN, Voronezh. gos. un-t, 2002.
7. Zaytseva Ye.L. Vyrazheniye otritsatel'noy otsenki v politicheskom diskurse (opyt sravnitel'nogo sopostavitel'nogo issledovaniya rossiyskikh i frantsuzskikh pechatnykh sredstv massovoy informatsii). URL: <https://www.dissercat.com/content/vyrazhenie-otritsatelnoi-otsenki-v-politicheskom-diskurse-opyt-sravnitelno-sopostavitelnogo-read/pdf>.
8. Klyuyev Ye.V. Fatika kak predmet diskussii. Poetika. Stilistika. Yazyk i kul'tura. Moscow: Nauka, 1996:212–220.
9. Maslova V.A. Vvedeniye v kul'turologiyu. Moscow: Naslediye. 1997:206.
10. Mukashova R.M. Znacheniyе gendernogo faktora v politicheskom diskurse. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-gendernogo-faktora-v-politicheskom-diskurse/pdf>.
11. Muray Ye.V. «Zhenshchina-politik» kak kontsept angloyazychnogo politicheskogo diskursa. Stilistika i problemy konteksta. Moscow: IPK MGLU«Rema», 2009:188–199. (Vestn. Mosk. gos. lingvist. un-ta; vyp. 573. Seriya Yazykoznaniye).
12. Ryabova T.B., Ovcharova O.G. Gendernaya politologiya v Rossii: dostizheniya, problemy i perspektivy. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-politologiya-v-rossii-dostizheniya-problemy-i-perspektivy/pdf>.
13. Stepanov Yu.S. Constantes : Dictionnaire de la culture russe. Moscow: YARK, 1997:824.
14. Tannen D. Tu ne me comprends tout simplement pas. Genre et langue. Mosk. linguiste d'état un-t (MSLU); Laboratoire de recherche sur le genre. Moscow: Langues de culture slave. 2005 :622.
15. Sheigal E.I. Sémiotique du discours politique. Volgograd: Changement, 2000:368.
16. Sheigal E.I. Sémiotique du discours politique. Moscow: Gnose, 2004:326.
17. Graber D. Verbal Behavior and Politics. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1976:361.
18. Lakoff R.T., Bucholtz M. Language and Woman's Place. New York: Oxford Univ. Pr., 2004.
19. URL: <https://rassemblementnational.fr/discours/discours-de-marine-le-pen-agde-18-septembre-2022>.
20. URL: <https://www.lesechos.fr/2017/04/presidentielle-ce-que-nous-apprennent-les-discours-des-candidats-165525...>

Информация об авторе

И.А. Френкель – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии.

Information about the author

I.A. Frenkel – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romance Philology.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 25.06.2023.

The article was submitted 17.05.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 25.06.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 88–93.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):88–93.
Научная статья
УДК 81

**Фонологические, морфологические и стилистические средства выразительности
в слоганах немецких городов**

Ольга Владимировна Белопухова¹, Светлана Александровна Жезлова²

^{1,2}Костромской государственной университет, Кострома, Россия

¹klepa3367@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6679-8831>

²zhezlova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9354-6114>

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвистических особенностей рекламных слоганов немецких городов на фонологическом, морфологическом и стилистическом уровнях. Проведенное исследование показало, что использование выразительных средств фонологического уровня, таких как: аллитерация, ассонанс, рифма и пунктуация, а также разных частей речи на морфологическом уровне в социальном слогане превращается в действенные способы умелого манипулирования потенциальным гостем города. Особый ритмический рисунок создает позитивный эмоциональный тон и способствует быстрому запоминанию слогана. Активное внедрение именных частей речи в слоган дает фактическую информацию о городе и подчеркивает его достоинства. Глагольные формы настойчиво приглашают посетить город, а разговорные конструкции призваны создать непринужденную обстановку общения с партнером разговора, что позволяет создать мобильную рекламу с большой эмоционально-коммуникативной направленностью. Наибольший эффект воздействия на целевую аудиторию достигается при комбинации и взаимодействии средств нескольких языковых уровней.

Ключевые слова: социальная реклама, рекламный слоган города, языковой уровень, языковые средства выразительности, немецкий язык

Для цитирования: Белопухова О.В., Жезлова С.А. Фонологические, морфологические и стилистические средства выразительности в слоганах немецких городов // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 88–93.

Research article

**Phonological, morphological and stylistic expressive means
in German city slogans**

Olga V. Belopukhova¹, Svetlana A. Zhezlova²

^{1,2}Kostroma State University, Kostroma, Russia

¹klepa3367@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6679-8831>

²zhezlova11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9354-6114>

Abstract. An effective way to manipulate a potential client in advertising slogans on German cities is the use of language expressive means on the phonological and the morphological levels. At the phonological level, alliteration, assonance, rhyme and punctuation create a positive emotional tone and contribute to the quick memorization of the slogan. At the morphological level, different parts of speech provide factual information about the city, emphasize its advantages, encourage visiting the city and imitate the relaxed communication atmosphere for the visitor. The maximum effect of the advertising slogan is achieved through the combination of intertwined means on several language levels.

Keywords: social advertising, advertising city slogan, language level, linguistic expressive means, German

For citation: Belopukhova O.V., Zhezlova S.A. Phonological and morphological expressive means in German city slogans. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):88–93. (In Russ).

Развитие информационных технологий стимулировало создание разнообразных форм социальной рекламы, которая определяет эстетические ценности и формирует стандарты поведения общества. Этот факт повлиял на появление специальных лингвистических исследований в области социального взаимодействия и рекламного дискурса, и, в частности, особенностей рекламного слогана как неотъемлемого элемента современной коммуникации. Как объект лингвистического анализа рекламный слоган достаточно часто обращает на себя внимание как российских, так и зарубежных исследователей. Так, например, в научных публикациях последнего десятилетия, посвященных рекламному дискурсу, затрагиваются вопросы социальной рекламы в период пандемии, анализируются языковые средства суггестии, приемы каламбура, фразеологические единицы в рекламе и др. (И.Б. Бойкова, Г.Р. Гарипова, Е.С. Грищева, Е.М. Цуканова). В центре внимания зарубежных исследователей находятся особенности слоганов определенной тематики, а также стилистические средства выразительности рекламных текстов (У. Криг-Хольц, Я. Полайнар, В. Умборг).

На основе проанализированных источников мы пришли к выводу, что представляется интересным вопрос о средствах выразительности слоганов немецкоязычного пространства, а именно, рекламных девизов городов, как яркого примера прецедентного текста. Авторы статьи делают попытку лингвистического анализа языковых средств выразительности рекламных слоганов немецких городов на фонологическом, морфологическом и стилистическом уровнях и ставят перед собой задачи выявить общие стилистические фигуры в данной тематической группе и констатировать специфические создания слогана как рекламного послания. Материалом для исследования послужили актуальные слоганы немецких городов, которые были собраны методом сплошной выборки на официальных интернет-сайтах городов Германии. На наш взгляд, именно в рекламных слоганах населенных пунктов чаще всего проявляется креативность их создателей, т.к. при таком большом количестве топонимов в стране каждый слоган населенного пункта должен быть уникальным и привлекать внимание целевой аудитории. На следующем этапе проводился анализ и классификация материала по группам и выявление частотности использования различных стилистических фигур. Исходя из задач исследования и опираясь на классификацию стилистических образных средств И.Р. Гальперина [2, с. 43, 123], мы распределили все выделенные средства на три группы, а именно фонологические, морфологические и собственно стилистические средства. Количественный и качественный анализ исследовательского материала позволил выявить преобладающие и единичные случаи употребления средств выразительности, а также выявить цели их использования.

Понятие рекламного слогана исследуется с точки зрения юриспруденции, экономики и лингвистики, и, в основном, большинство исследователей подчеркивают его принадлежность к рекламному дискурсу и выделяют его особенные характеристики. Так, в Словаре бизнес-терминов мы находим следующее определение слогана: «рекламный лозунг, девиз, содержащий краткую и эффектную формулировку рекламной идеи» [5]. Е.М. Цуканова рассматривает слоган как основной элемент механизма воздействия рекламы и единицу рекламной коммуникации, воздействующая на эмоции и поведение потребителя информации [7, с. 235]. О.А. Дмитриев определяет рекламный слоган как «автономную разновидность рекламного текста, непрерывно связанную с определенными смысловыми и структурными отношениями с товарным знаком [4, с. 14]. И.В. Черемисина считает, что слоган – это «...отдельный жанр с присущими ему лингвистическими характеристиками на всех уровнях: конструктивном, ... лексическом, синтаксическом, стилистическом» [6, с. 100].

С точки зрения филологии социальный рекламный слоган – прецедентный текст, сознательно созданный разработчиками для рекламы продаваемого объекта. Такие тексты направлены на потенциального клиента, поэтому используется весь арсенал языковых средств интенсивного воздействия. Рекламный слоган города призван привлекать внимание жителей и туристов, потенциальных инвесторов, студентов и отдыхающих, давать фактическую информацию о населенном пункте и отражать его преимущества. Создавая слоганы с большой эмоционально-коммуникативной направленностью, копирайтеры используют богатый спектр средств выразительности на всех языковых уровнях. Исследование показало, что основными функциями рекламного слогана города являются информирующая и воздействующая, а успех и эффективность рекламы зависит от того, останется ли слоган в памяти и какое воздействие

окажет рекламный слоган на сознание потребителя. Рассмотрим языковые средства выразительности с точки зрения фонологии.

Проведенный анализ позволил констатировать, что на **фонологическом уровне** в слоганах немецких городов преобладает аллитерация: *Verden VER..bindet, ...blüfft, ...zaubert* (Verden), *Werte und Wandel* (Coburg); *Leben, erleben, lebenswert* (Bad Kreuznach). Созданию особого ритмического рисунка и позитивного эмоционального тона способствует также ассонанс: *Wir wollen wissen* (Wolfsburg). Рифма обладает широкими информационными возможностями и способствует быстрому запоминанию текста: *Ich komm zum Glück aus Osnabrück* (Osnabrück). Выразительность рекламного обращения достигается и с помощью пунктуации: многоточия: *Wiesbaden ... passt zu* (Wiesbaden); разного вида шрифта: *Bocholt mensch bocholt grenznah. LÄNDLICH. Kulturell. METROPOL* (Bocholt); типе: *Stadt Verl – ein guter Grund. (Verl)*. Рекламный слоган города Весселинг является одновременно электронным адресом: *Wesseling wesseling Komma Rhein.com* (Wesseling) и привлечет внимание молодой аудитории.

Богатый спектр частей речи на **морфологическом уровне** с преобладанием существительных позволяют использовать разные эффективные способы воздействия на население. Определительные субстантивные композиты, являясь средством языковой компрессии, реализуют принцип «максимум фактов, минимум слов». Вторым компонентом, как правило, выступает слово «Stadt» – «город»: *Die Goldschlägerstadt* (Schwabach); *Bachstadt Köthen* (Köthen); *Lichtstadt* (Jena). В качестве первого компонента может выступать имя собственное: *Die Daimlerstadt* (Schorndorf); *Goethe und Optikstadt* (Wenzlar). Это может быть известный литературный герой: *Staufen. Fauststadt im Breisgau* (Staufen-im-Breisgau). При создании рекламного слогана города Хильдесхайм разработчики разложили сложное слово на сегменты, чтобы рекламный текст стал более ритмичным и легче запоминался: *Hildesheim Welt. Kultur. Erbe* (Hildesheim). Субстантивные генетивные словосочетания позволяют подчеркнуть главную особенность города: *Weil am Rhein Stadt der Stühle* (Weil am Rhein); *Stadt der Optik Rathenow* (Rathenow). Предложные группы концентрируют внимание на выгодном географическом местоположении: *Die Mühlenstadt in der Südheide* (Gifhorn); *die Apfelstadt am Niederrhein* (Tönisvorst).

Прилагательные и наречия в слоганах чаще всего имеют положительную коннотацию и призваны подчеркнуть достоинства города: *Mühlacker – die junge Stadt* (Mühlacker); *Wernigerode – die bunte Stadt am Harz* (Wernigerode). Формы сравнительной и превосходной степени сравнения прилагательных показывают уникальность города: *Geesthacht mehr als Elbe* (Geesthacht), *Schwäbisch Gmünd älteste Staufferstadt* (Schwäbisch Gmünd). Единичным случаем является использование причастий в слогане: *Bad Oeynhausen herzerfrischend* (Bad Oeynhausen). Личные и притяжательные местоимения имитируют коммуникацию, появляется иллюзия доверительного диалога с адресатом: *Meine Stadt – Kreuztal* (Kreuztal), *Ich seh dich in Aurich* (Aurich). Краткость инфинитивных форм информирует, побуждает к действию, приглашая посетить город: *Investieren – studieren – flanieren*. (Senftenberg). Употребление разговорной лексики призвано создать непринужденную обстановку общения с адресатом сообщения: *Hannover hat's drauf* (Hannover). Встречаются заимствования, в первую очередь, из английского языка: *Kiel Sailing City* (Kiel), а также из латинского языка: *Stadt der Flora Westfalica* (Rheda-Widdenbrück) и гибридные конструкции английского и немецкого языков: *Malteserstadt net & heiter* (Heitersheim).

Для усиления эффекта воздействия на стилистическом уровне используются разные стилистические фигуры. Следует отметить, что в рекламных слоганах немецких городов на первое место по частотности употребления выходит концептуальная метафора. Самый популярный метафорический образ – ворота (*das Tor*) как символ входа в новое пространство: *Tor zur Welt* (Hamburg); *Ihr Tor zum Harz* (Halberstadt); *Leer – Das Tor Ostfrieslands* (Leer). Другие метафорические образы (мост, сокровище, жемчужина, ветер, магнит) призваны подчеркнуть красоту, выгодное географическое положение и культурную значимость города: *Frischer Wind im Norden* (Hansestadt Stade); *Der Schatz im Sauerland* (Lennestadt); *Magnet am deutschen Eck: die Stadt zum Bleiben* (Koblenz); *Die Schöne Seite der Fider* (Leinfelden-Echterdingen); *Perle der Lausitz* (Spremberg); *Das Hoch im Münsterland* (Ibbenbüren).

Второе по частотности употребления, но не менее интересное средство выразительности – антитеза. Антитеза, построенная на контрасте, делает рекламный слоган ярким, убедительным и выразительным: *Viel vor, viel dahinter* (Karlsruhe); *Mitten drin, näher dran* (Griesheim);

Historische Festungsstadt. Moderne Forschungsstadt (Jülich); *Am Fuße der Alb, mitten im Leben* (Reutlingen), *Junge Stadt in alten Mauern* (Waiblingen).

Реже встречается метонимия: *Eisenhüttenstadt. Viele Eisen im Feuer* – (Eisenhüttenstadt); *Brandenburg. Das ganze Land in einer Stadt* (Brandenburg); *Friesenheim ein schönes Stück Baden* (Friesenheim). Олицетворение в качестве выразительного средства создает иллюзию динамичного города – живого организма: *Paderborn überzeugt* (Paderborn); *Siegen pulsiert* (Siegen); *Horb mag dich* (Horb am Neckar).

Сочетание одинаковых слов с разными оттенками значения в игре слов подчеркивает остроту и выразительность слогана, усиливает эффект воздействия: *Aufregend unaufgereg* (Hannover); *Stadt, die Wissen schafft* (Göttingen); *Gemeinsam sind wir STUHR* (Gemeinde Stuhr); *Lohne ... lohnt sich!* (Lohne); *Lage .. liegt mir* (Lage); *Eine ganze Menge mehr* (Mengen). Благодаря игре слов в паронимии в слогане: *Leben Sie Mainz!* (Mainz) образно сблизжаются слова *leben* (жить) и *lieben* (любить), которые сходны в звучании и имеют частичное совпадение морфемного состава и слоган получает дополнительное значение. Данная конструкция превратилась во фразеологизм с вариативной лексической наполняемостью. Чтобы показать город в более выгодном свете, рекламодатели нередко прибегают к преувеличению его положительных черт, используя гиперболу. Нередко используется суперлатив с целью усиления эффекта выразительности текста и выделения особых качеств населенного пункта: *Münstertal Natur in ihrer schönsten Form* (Münstertal); *Elmshorn. Supernormal.* (Elmshorn); *Kevelaer unverwechselbar Kevelaer* (Kevelaer); *Breisach grenzenlos vielfältig* (Breisach am Rhein), *Saarbrücken unglaublich vielfältig* (Saarbrücken).

Мы выявили отдельные случаи использования такого лексического приема как **сравнение**: *Stadt wie Samt und Seide* (Krefeld) и единичные примеры **иронии**: *Fellbach Stadt der Weine und Kongresse* (Fellbach).

Единственным в своем роде является рекламный слоган города Хамм: *Hamm elefantastisch* (Hamm), образованный с помощью контаминации. У этого нового гибридного, компактного и емкого «языкового продукта» путем соединения частей лексических единиц *Elefant* + *fantastisch* объединяются значения составляющих его частей. С одной стороны, адресат узнает, что город каким-то образом связан со слонами, с другой стороны, город – фантастический и его стоит посетить.

Следует заметить, что переплетение выразительных средств и их взаимодействие друг с другом дает максимальный эффект воздействия на потенциального гостя города. Рассмотрим в качестве примера слоган города Лерте: *Lehrte live erleben*. Копирайтеры собрали в слогане несколько частей речи, каждая из которых успешно реализует свою задачу: информируют и приглашают окунуться в атмосферу города. Благодаря заимствованию из английского языка слоган города выглядит современно. Для усиления эмоционального воздействия разработчики применили фонологический повтор, и слоган стал кратким, содержательно емким, экспрессивным и запоминающимся.

Проведенный анализ средств выразительности, применяемых в немецкоязычных слоганах городов позволил констатировать, что частотное употребление аллитерации, ассонанса, рифмы и пунктуации на фонологическом уровне создает особый ритмический рисунок, позитивный эмоциональный тон и способствует быстрому запоминанию слогана. Использование разных частей речи в социальном слогане на морфологическом уровне, которые дают фактическую информацию о городе, подчеркивают его достоинства, создают непринужденную обстановку общения с потенциальным гостем, превращается в действенный способ умелого манипулирования. Многообразные стилистические средства, наиболее частотными из которых являются концептуальная метафора, антитеза и метонимия создают зрительные образы немецких городов как привлекательных туристических объектов. Наибольший эффект воздействия на целевую аудиторию достигается при комбинации и взаимодействии средств нескольких языковых уровней.

Список источников

1. Бойкова И.Б. Немецкие рекламные слоганы в дискурсе новой реальности // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (845). С. 17–31.

2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 458 с.
3. Грищева Е.С. Лингвистическая интерпретация рекламы: основные направления исследования // Гуманитарные исследования. 2020. № 3 (28). С. 69–72.
4. Дмитриев О.А. Структурно-семантическая характеристика слогана как особой разновидности рекламного текста : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел, 2000. 149 с.
5. Словарь бизнес-терминов. Академик.ру. 2001. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business>.
6. Черемисина И.В. Формирование оценочности в актуальном немецкоязычном рекламном автомобильном слогане // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (859). С. 99–107.
7. Цуканова Е.М. Языковые средства выражения суггестии в рекламном слогане // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 3 (72). С. 234–239.
8. Polajnar J. Das Modul Werbeslogans. Eine korpusinformierte lexikografische Ressource zum aktuellen Gebrauch von Werbeslogans außerhalb der Domäne Werbung // African Journals online (AJOL). 2021. № 31. P. 119–145. URL: <https://www.ajol.info/index.php/lex/article/view/215359>.
9. Umborg V., Schmidt C., Dimants A., Lehtonen J., Nielsen M. (eds). Wortspiele als sprachliches Mittel der Werbewirksamkeit. Kulturspezifisch in der europäischen Wirtschaftskommunikation. Europäische Kulturen in der Wirtschaftskommunikation. 2013. № 22. Springer VS, Wiesbaden. P. 73–85.
10. Krieg-Holz U. Werbesprache // Deppermann A., Reineke S. (Hrsg.). Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext. Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. 2018. P. 295–321.
11. Liste der 184 Stadtslogans. URL: <https://docplayer.org/51010727-A-3-liste-der-184-stadtslogans-alphabetisch-geordnet.html> (accessed: 02.04.2022).

References

1. Boikova I.B. Nemetskie reklamnye slogany v diskurse novoi real'nosti. Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2021;3(845):17–31.
2. Gal'perin I.R. Ocherki po stilistike angliiskogo iazyk. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh Publ., 1958:458.
3. Grishcheva E.S. Lingvisticheskaiia interpretatsiia reklamy: osnovnye napravleniia issledovaniia. Gumanitarnye issledovaniia. 2020;3(28):69–72.
4. Dmitriev O.A. Strukturno-semanticheskaiia kharakteristika slogana kak osoboi raznovidnosti reklamnogo teksta: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Orel, 2000:149.
5. Slovar' biznes-terminov. Akademik.ru. 2001. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business>.
6. Cheremisina I.V. Formirovanie otsenochnosti v aktual'nom nemetskoiazыchnom reklamnom avtomobil'nom slogane. Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki, 2022;4(859):99–107.
7. Tsukanova E.M. Iazykovye sredstva vyrazheniia suggestii v reklamnom slogane. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016;3(72):234–239.
8. Polajnar J. Das Modul Werbeslogans. Eine korpusinformierte lexikografische Ressource zum aktuellen Gebrauch von Werbeslogans außerhalb der Domäne Werbung. African Journals online (AJOL). 2021;(31):119–145. URL: <https://www.ajol.info/index.php/lex/article/view/215359>.
9. Umborg V., Schmidt C., Dimants A., Lehtonen J., Nielsen M. (eds). Wortspiele als sprachliches Mittel der Werbewirksamkeit.. Kulturspezifisch in der europäischen Wirtschaftskommunikation. Europäische Kulturen in der Wirtschaftskommunikation. 2013;22(Springer VS, Wiesbaden):73–85.
10. Krieg-Holz U. Werbesprache // Deppermann A., Reineke S. (Hrsg.). Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext. Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. 2018:295–321.
11. Liste der 184 Stadtslogans. URL: <https://docplayer.org/51010727-A-3-liste-der-184-stadtslogans-alphabetisch-geordnet.html> (accessed: 02.04.2022).

Информация об авторах

О.В. Белопухова – кандидат филологических наук, доцент;
С.А. Жезлова – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

O.V. Belopukhova – Candidate of Philological Sciences;

S.A. Zhezlova – Candidate of Pedagogic Sciences

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.01.2023; одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 14.01.2023; approved after reviewing 03.03.2023; accepted for publication 19.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 94–98.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):94–98.
Научная статья
УДК 070+81'42

**У истоков публицистического дискурса
(Василий Никитич Татищев как публицист)**

Зухра Равильевна Аглеева

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия,
z.agleeva@yandex.ru

Аннотация. На материале произведений В.Н. Татищева в статье делается попытка охарактеризовать ученого как одного из родоначальников публицистического дискурса в России восемнадцатого века. В связи с этим рассматриваются «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», «Духовная», «Представление о купечестве и ремеслах» и др., в которых Василий Никитич Татищев выступает как общественный деятель и человек, стоявший у истоков публицистического и политического дискурса. Анализируются составляющие основных концептов («государство», «государственность», «вера» и др.) и субконцептов, позволяющие делать выводы о том, что работы В.Н. Татищева содействовали становлению в дальнейшем российской публицистики. Периферия концептов «государство», «государственность» представлена языковыми единицами, которые могут объективировать и другие концепты, таким образом, подтверждаются межконцептуальные связи, пересечение концептов, наличие уже в диахронии, в XVIII–XIX веках, концептов-связок. Связь и расположение пересекающихся концептов («история», «Россия», «гражданин», «чиновник», «образование», «наука», «вера», «церковь» «суд», «язык» и т.д.) зависит от их частотности в публицистических трудах Татищева и характера связи с анализируемыми концептами. В тексте приводятся примеры того, как углублялись взгляды В.Н. Татищева на различные политические и общественные явления, что находило отражение и в его произведениях, и в «Лексиконе российской исторической, географической, политической и гражданской». Произведения В.Н. Татищева характеризуются актуальностью проблематики, политической страстностью изложения, содействуют формированию общественного мнения современников ученого, т.е. можно констатировать, что они соответствуют пониманию термина публицистика и могут быть признаны истоками публицистического дискурса в России.

Ключевые слова: публицистический дискурс, проблематика, государственный, чиновник, объективация

Для цитирования: Аглеева З.Р. У истоков публицистического дискурса (Василий Никитич Татищев как публицист) // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 94–98.

Research article

**At the origins of journalistic discourse
(Vasily Nikitich Tatishchev as a publicist)**

Zukhra R. Agleeva

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia, z.agleeva@yandex.ru

Abstract. Based on the material of V.N. Tatishchev's works, the article attempts to characterize the scientist as one of the founders journalistic discourse in Russia of the eighteenth century. In this regard, "The conversation of two friends about the benefits of sciences and colleges", "Spiritual", "The Idea of merchants and crafts", etc., in which Vasily Nikitich Tatishchev acts as a public figure and a person who stood at the origins of publicistic and political discourse, are considered. The components of the main concepts ("state", "statehood", "faith", etc.) and sub-concepts are analyzed, which

allow us to draw conclusions that V.N. Tatishchev's works contributed to the formation of Russian journalism in the future. The periphery of the concepts of "state", "statehood" is represented by linguistic units that can objectify other concepts, thus confirming the interconceptual connections, the intersection of concepts, the presence already in diachrony, in the 18th and 19th centuries, of concepts-bundles. The connection and location of overlapping concepts ("history", "Russia", "citizen", "official", "education", "science", "faith", "church", "court", "language", etc.) depends on their frequency in Tatishchev's journalistic works and the nature of the connection with the analyzed concepts. The text provides examples of how V.N. Tatishchev's views on various political and social phenomena were deepened, which was reflected both in his works and in the "Lexicon of Russian Historical, Geographical, Political and Civil". The works of V.N. Tatishchev are characterized by the relevance of the issues, the political passion of the presentation, contribute to the formation of public opinion of the scientist's contemporaries, i.e. it can be stated that they correspond to the understanding of the term journalism and can be recognized as the origins of journalistic discourse in Russia.

Keywords: journalistic discourse, problematics, state, official, objectification

For citation: Agleeva Z.R. At the origins of journalistic discourse (Vasily Nikitich Tatishchev as a publicist). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;2(86):94–98. (In Russ.).

Труды Василия Никитича Татищева известны представителям различных областей знания: истории, философии, экономики, математики, географии, горной инженерии, лексикографии, фольклористики, этнографии и т.д. А еще это основатель Екатеринбурга, губернатор Астрахани. Но прежде всего В.Н. Татищев был патриот России, гражданин в высоком значении этого слова, «птенец гнезда Петрова». В наиболее известных произведениях ученого ярко выражена идеологическая составляющая. В.Н. Татищев выступает и как общественный деятель, который стоял у истоков публицистического и политического дискурса; его работы содействовали становлению в дальнейшем российской публицистики.

«Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», «Представление о купечестве и ремеслах», «Духовная», «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной» – эти и другие произведения В.Н. Татищева дают представление о том, каким должен быть государственный человек, чиновник, служащий государству, стоящий на страже государственных интересов. Обратимся к дефиниции слова *государство*. Современные толковые словари рассматривают термин *государство* следующим образом: «ГОСУДАРСТВО, -а; ср. 1. Политическая форма организации общества во главе с правительством и его органами, осуществляющая управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры. *Рабовладельческое, феодальное, буржуазное, социалистическое г. Теория государства*. 2. Страна с определенной формой политической организации. *Глава государства. Географическое положение, границы государства. Европейские государства. Безопасность, интересы, экономика, политика государства*. / Употр. в зачине народных сказок. *В некотором царстве, в некотором государстве...* // О системе органов управления, правительстве. *Г. заморозило вклады населения*. ◇ Государство в государстве. 1. Маленькое самостоятельное государство, расположенное внутри большого. 2. Об организации, существующей внутри другой как самостоятельная структура» (Большой толковый словарь. Электронная версия).

Интересно, что В.Н. Татищев не включает в «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» толкование слова *государство*, хотя слово *государь*, его производящее, присутствует: «*Государь*, никому кроме монарха не дается, словенское господь, но оно по обыкновению ныне дается токмо богу, а прежде было всем общее, ибо в славенском языке, кроме онаго, нет, государь мой всякому высокому и равному, господин посредственному и нижним дается предпочтение, но пишутся сокращенно или под титулом за преимущество ~ вместо господь гдъ, за государь гдрь, за господин гдн...». Чтобы сопоставить свойственное для эпохи ... и современное представление о государстве, мы решили обратиться к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля: разумеется, здесь дается более пространное толкование; «*ГОСУДАРЬ* м. всякий светский владыка, верховный глава страны, владетельная особа: император, царь, король, владетельный герцог или князь и пр. Государями чествуют у нас всех членов царской семьи, ставя почет этот перед саном, где к сану или званию подданного прилагается господин: Государь Император: Государь Великий Князь; но перед именем, слово это ставится вместо сана: Государь Петр

Великий...<...> Никто, как Бог да государь. Один Бог, один государь. Одному Богу государь ответ держит. Ведает Бог да государь». Словарная статья «государство» в словаре В.И. Даля отсутствует, но дефиниция этого слова дается в гнезде «государь»: «**Государство** ср. царство, империя, королевство, земля, страна под управлением государя». Следует заметить, что в 18–19 вв. это словообразовательное гнездо было значительно объемнее современного, что отражено Далем: *государев, государский, государски* (прилично, достойно государя), *государич* и *государышня* (стар. дети государя, сын и дочь; потомки владетельной особы), *государить, государиться* (стар. брать на себя власть или сан государя, особ. при смутах и сомнительных правах), *государствование, государственный, государствовать, государенье* (ср. управление государством в сане государя)». Все перечисленные выше дериваты, кроме притяжательного прилагательного *государев*, в Лексиконе отсутствуют, но В.Н. Татищев приводит устойчивые словосочетания *Государево знамя, Государево слово, Государев суд*. То, что ярый сторонник взглядов Петра Великого, устремленных «к пользе российской», В. Н. Татищев понимал необходимость изучения иностранных языков для укрепления межгосударственных связей, но высказывался против чрезмерного употребления заимствований, нашло отражение и в его произведениях. Ученый, с одной стороны, широко использует иноязычные слова для характеристики проблем государства и права (достаточно вспомнить теорию естественного права и договорного происхождения государства), образования и науки. Поэтому соседствуют, с одной стороны, заимствования, пришедшие в эпоху преобразований Петра и более раннего периода, а с другой, делается попытка замены иноязычных слов, где это возможно, исконными, как например, происходит со словом *градодержатель* («есть общее слово всякого в городе главного начальника, великаго или малаго»), в дальнейшем замененным более частотным *градоначальник*.

Василия Никитича Татищева как человека, стоявшего у истоков российской публицистики, интересовал широкий круг вопросов, связанных с историей и современным состоянием страны, взаимодействия государств, развития науки и т.д., но в наибольшей степени его взгляды как крупного общественного деятеля характеризует отношение к идее создания сильного государства, может, потому, что, наряду с другими «птенцами гнезда Петрова», он и содействовал становлению государственности в России.

В произведениях В.Н. Татищева ядро концептов «государство», «государственность» составляют существительные и словосочетания, характеризующие государственную форму управления: *государство, страна, монарх, правитель, правление, «гистория», порядок, власть, суд, судебник, собрание законов, договор, политика, завоевания, указ, уложение, могущество, укрепление страны, Тайная канцелярия, Государево слово, Государев суд* и т.д.; наиболее частотные глаголы *править, служить, побеждать, защищать, повелевать*; современные и архаические наречия, часто темпорального плана: *прежде, потом, ныне, дондесь, после, каждодогдно, во время, не прежде* в значении 'не ранее, не раньше' – например, *не прежде 1440 лет по Христе* и т.д.), Особо выделяются фразеологические единицы *смятение учинилось, жить под законом, приклады взять, живота лишиться, новые и древние приклады, сие мне приходит на мысль* и т.д.

Периферия концептов «государство», «государственность» представлена языковыми единицами, которые могут объективировать и другие концепты, таким образом, подтверждаются межконцептуальные связи, пересечение концептов, наличие уже в диахронии, в 18–19 вв., концептов-связок. Связь и расположение пересекающихся концептов («история», «Россия», «гражданин», «чиновник», «образование», «наука», «вера», «церковь» «суд», «язык» и т.д.) зависит от их частотности в публицистических трудах Татищева и характера связи с анализируемыми концептами. Концепт «государство» включает в представлении Василия Никитича Татищева актуальный и в наше время субконцепт «государственный человек», характеристике которого ученый уделяет большое внимание. Всю свою жизнь связанный с государственной службой, В. Н. Татищев хорошо представлял себе роль государственных чиновников, требования к тем, кто имел этот статус. Государственный человек непременно должен быть образован. Особо отмечается способность к «разсуждению» правителей: только просвещенный монарх может способствовать укреплению страны, ее благоденствию. Отмечая «разницу между ученым и неученым», В.Н. Татищев проводит параллель: «... по сему можешь и о целых народах или государствах разсуждать, особливо, если хочешь обстоятельно знать, прочитай

истории древних времен, увидишь многих народов и государств примеры, что от недостатка благоразумного разсуждения разорились и погибли, которых память токмо на бумаге осталась». Отмечается и способность аккумулировать знания, коммуницировать с представителями разных слоев населения: «...Человек от самого рождения даже до престарения помощи и наставления требует и без того никогда пробыть не может... ты каждодневно с людьми обходишься и разговоры имеешь, то мною, что каждый день услышишь, чего не слыхал, или слыхал, да не в том обстоятельстве и рассуждении, а особливо между людьми учеными; есть ли же поидешь к ремесленникам, то всегда у них увидишь новые обстоятельства».

Основной движущей силой развития государства В.Н. Татищев считал *просвещенный ум*, поэтому так много внимания он уделял вопросам образования, просвещения: «Человеку нужно век жить, век и учиться», «Человек от начала жизни даже до престарения учиться нужду и пользу имеет, и что человеку учение свет, а неучение тьма есть» («Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах»).

Истинный гражданин своей страны, В.Н. Татищев глубоко осуждает тех, кто восставал против закона и порядка, против устоев государства. Для Татищева Разин, Милославский, Раскольник Никита, Гагарин и подобные им – плуты, «великие плуты»: «В России между многими бунты видны во время Шуйского и по нем что 7 разных плутов по разным местам являлись и царевичами, иной царя Иоанна, иной сына его царевича Иоанна, иной царя Феодора, дети сказывались, да всем люди суеверные невежды веря, государство раззоряли».

В.Н. Татищев в публицистических текстах постоянно обращается к теме государственности, но некоторые составляющие ядра и периферии понимаются им несколько иначе, чем нами. Так, в ином значении употребляется им термины *гражданин* и *гражданство*: «*Гражданство* – состояние гражданина; звание, права и обязанности его. *Гражданин* – городской житель, горожанин, посадский. Член общины или народа, состоящего под общим управлением; каждое лицо или человек, из составляющих народ, землю, государство», «Гражданство, купечество и земледельство за нужное и полезное в государство приято». Последняя фраза показывает, что гражданство воспринимается ученым как своего рода сословие. Следует отметить, что точка зрения по этому вопросу у В.Н. Татищева менялась и можно привести еще две дефиниции: «*Гражданство* – состояние в числе граждан государства, правовое положение гражданина». «*Гражданин* – лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, наделенное политическими и иными правами и обязанностями». Это доказывает, что В. Н. Татищев постоянно занимался самообразованием, «оттачивал свое перо», как сказали бы современные публицисты.

Будучи глубоко верующим человеком, Татищев, с одной стороны, очень много места уделял христианским идеалам (в его творчестве соприкасаются, а нередко и переплетаются концепты «Государство» и «Вера», в том числе и субконцепт «Церковь», частотны лексемы и словосочетания *письма святого и закона божия, римские папы, отправление службы божией, пророческие, апостольские слова, последователи учения* и т.д.) и в то же время относился к представителям веры объективно, нередко достаточно скептически: «Свечу иконе поставит, икону серебром обложит, грех оной отпущен». Будучи в течение нескольких лет первым лицом в поликонфессиональном Астраханском регионе, изучив его историю, Василий Никитич Татищев высказывался о возможности взаимодействия разных верований и конфессий при правильном руководстве: «Между монархиями же видим несколько государств, а паче наша Россия, не токмо разных исповеданий христиан, но магометан и язычников многим числом наполнена, но благодаря бога чрез несколько сот лет добрым и предусмотрительным государей правлением то разности вер вреда не имели, но еще и пользу видели такую, что во время великого поляков разорения нагайские, касимовские и другие татары, а при Разине черемиса многую против бунтовщиков услугу государству показали».

Василий Никитич Татищев поднимает в своем творчестве злободневные проблемы, интересные обществу, что характерно и для современных публицистов. Что касается некоторой субъективности в оценке явлений, в том числе и лингвистических, то сказывалось время, в котором он жил, исторические тенденции, да и право на личное мнение человека, который долгие годы отдал службе Отечеству, многое видел на высоких постах, включая и губернаторство в Астраханской губернии.

Для публицистических произведений Василия Никитича Татищева характерны актуальность проблематики, политическая страстность изложения, т.е. можно констатировать, что они «обусловлены социальным назначением публицистики, – сообщая факты, формировать общественное мнение, активно воздействовать на разум и чувства человека» (Абдукаримова 2008). Разумеется, когда речь идет о произведениях В.Н. Татищева, нельзя характеризовать их как публицистические в современном понимании, но то, что в них постоянно присутствует аргументированное мнение автора о происходящем вокруг, о различных актуальных событиях, то, что в них изложены его философские и общественно-политические взгляды на явления, дается своеобразный толчок к размышлениям над заинтересовавшими вопросами, сам жанр беседы с читателем (или, как это называет автор, *рассуждения, разговор*), позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что ученый-историк стоял у истоков публицистического дискурса.

Список литературы

1. Абдукаримова А.А. Публицистический стиль, его основные признаки и функции. URL: http://www.rusnauka.com/8_NIT_2008/Tethis/Philologia/27536.doc.htm#:~:text.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=5946>.
3. Татищев В.Н. Избранные произведения. Ленинград: Наука, 1979. URL: https://imwerden.de/pdf/tatishchev_izbrannye_proizvedeniya_1979__ocr.pdf.

References

1. Abdugarimova A.A. Publicisticheskij stil', ego osnovnye priznaki i funkicii. URL: http://www.rusnauka.com/8_NIT_2008/Tethis/Philologia/27536.doc.htm#:~:text
2. Dal' V.I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=5946>.
3. Tatishchev V.N. Izbrannye proizvedeniya. Leningrad: Nauka, 1979. URL: https://imwerden.de/pdf/tatishchev_izbrannye_proizvedeniya_1979__ocr.pdf.

Информация об авторе

З.Р. Аглеева – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка.

Information about the author

Z.R. Agleeva – Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 25.04.2023.

The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 25.04.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 99–105.

Humanitarian Researches. 2023;2(86):99–105.

Научная статья

УДК 81–23

**Семантика имени собственного как прагматическое средство
идентификации жанровой принадлежности текста антиутопии**

Игорь Александрович Кудряшов¹, Алла Борисовна Диденко²

^{1,2}Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹igalk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5449-864X>

²alldid51@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-9994>

Аннотация. На материале романа Дж. Оруэлла «1984» в статье исследуется референциальная структура текста антиутопии, формируемая именами собственными, которые, в свою очередь, выполняют жанрообразующую функцию. Маркируя антиутопическую направленность текста, эти имена эксплицируют идеологическое содержание, необходимое для релевантной интерпретации художественного произведения. Декодируя идеологически окрашенные коннотации имен собственных, читатель фокусируется на синтагматике составляющих их компонентов. Так, при сочетании двух компонентов в составе имени может наблюдаться нейтрализация их буквальной семантики (исторических и культурологических коннотаций). При этом буквальная семантика сочетающихся компонентов имени активируют фоновые знания об общественных, историко-политических и культурологических реалиях объективной повседневности. Импликативный потенциал имен собственных вскрывает не только парадоксальную специфику бытия персонажей (и внешний портрет их потенциальных прототипов), но и обеспечивает возможность для читательского отождествления с их образами. В воображаемом оруэлловском мире эти имена имплицитно господство политического аппарата над языком, следовательно, и над истиной. Делается вывод о том, что в тексте романа имена собственные формируют ментальную карту повествования, отражающую антиутопические следствия исходных утопических замыслов Большого Брата. В то же время данные имена проливают свет на деструктивную деятельность пропагандистской машины, манипулирующей сознанием представителей социума в тиранических целях. Манипулирование языком является неотъемлемой частью деятельности антиутопической власти, что в контексте воображаемого авторского универсума фиксируется в устойчивой взаимосвязи между именами собственными и идеологией.

Ключевые слова: жанр антиутопии, имя собственное, семантика, прагматика, синтагматические отношения, экспликация смыслового содержания, воображаемый авторский универсум

Для цитирования: Кудряшов И.А., Диденко А.Б. Семантика имени собственного как прагматическое средство идентификации жанровой принадлежности текста антиутопии // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 99–105.

Research article

**The proper name semantics as a pragmatic means
of identifying the genre of the dystopian text**

Igor' A. Kudryashov¹, Anastasiya Yu. Turanova²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹igalk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5449-864X>

²alldid51@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-9994>

Abstract. Based on «1984» by G. Orwell the article examines the referential structure of the dystopian text, formed by proper names, which, in turn, perform a genre-forming function. Marking the dystopian orientation of the text, these names explicate the ideological content necessary for the text relevant interpretation. Decoding ideologically colored connotations of proper names, the reader focuses on the syntagmatics of their components. Thus, when two components are combined in the composition of the name, their literal semantics (historical and cultural connotations) can be neutralized. At the same time, the direct meanings of the combined components of the name activate reader's background knowledge about the social, historical, political and cultural realities of objective everyday life. The implicative potential of proper names reveals not only the paradoxical specifics of the characters' existence (and the external portrait of their potential prototypes), but also provides an opportunity for the reader to identify with their images. In the imaginary Orwellian world, these names imply the dominance of the political apparatus over language, and therefore over truth. It is concluded that in the text of the novel proper names form a mental map of the narrative, reflecting the dystopian consequences of the original utopian plans of Big Brother. At the same time, these names shed light on the destructive activities of the propaganda machine that manipulates the consciousness of representatives of society for tyrannical purposes. Manipulation of language is an integral part of the activities of dystopian power, which in the context of an imaginary author's universe is fixed in a stable relationship between proper names and ideology.

Keywords: genre of dystopia, proper name, semantics, pragmatics, syntagmatic relations, explication of semantic content, imaginary author's universe

For citation: Kudryashov I.A., Didenko A.B. The proper name semantics as a pragmatic means of identifying the genre of the dystopian text. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):99–105. (In Russ.).

В современной теории языка бытование литературной ономастики является актуальной сферой изысканий, открытой для многочисленных дискуссий. Основой для этих дискуссий предстает вопрос о том, выявляется ли единый теоретический инструментарий – и отчасти сходные методы исследования – для анализа имен собственных, возникающих и функционирующих как в общенародном языке, так и в контексте художественно-литературного творчества. Выдвигается точка зрения, согласно которой имена собственные, бытующие в авторских воображаемых мирах, отличаются от общенародной ономастической лексики [1].

Отправной точкой изучения в нашей публикации предстает тот факт, что указанные типы существительных, идентифицирующих и номинирующих отдельную сущность, тесно связаны между собой и фактически являются объектом изучения двух отраслей ономастического анализа, хотя методическая тактика, необходимая для их релевантного осмысления, различается. В определенной степени данные отрасли оказываются параллельно функционирующими группами, которые выявляют семантические совпадения и перекрестные референциальные и смысловые деривативные отношения.

Многоплановое исследование литературной ономастики предполагает использование контекстуального метода анализа, нацеленного на определение прагматического потенциала и концептуальной специфики соответствующих единиц, авторских (повествовательных) стратегий их функционирования в художественном произведении. Импликативные ресурсы имен собственных, функционирующих в контексте художественного текста, проливают свет на онтологию авторских воображаемых миров, сами по себе, трактуются как продукт творческой рецепции окружающей повседневности и как следствие этого к ним не могут быть применены те же классификационные параметры, которые являются актуальными для исторической этимологии общенародных ономастических единиц.

Лингвистическое текстовое исследование фокусируется, в том числе, на многомерных процессах читательского отождествления с образами персонажей, а поэтому изучаются не только формы выражения языковых единиц, но и их функции [2; 3; 4]. Другими словами, при анализе литературного ономастикона выявляется не только семантика соответствующих единиц, но и то, как они используются в повествовании рассказчика («имплицитного автора»).

Стратегии, стоящие за конструированием конкретных имен собственных (или их группы) в художественном произведении, оказываются существенным фактором, предопределяющим относительно исчерпывающую интерпретацию мотивов текста. Универсальные и индивидуально-авторские свойства системы номинации персонажей, пространственно-временных реалий,

в которых они обитают, формируют актуальный социальный подтекст художественного произведения. Изучение этих свойств детализует, в том числе, такой подход к функционированию онимов, который учитывает жанровую принадлежность художественного текста. Имя собственное является одним из базовых средств жанровой (поджанровой) идентификации текста.

Жанр антиутопии определяется как такая группа литературных текстов, которая формирует прямую оппозицию ценностям и идеалам утопического стиля мышления, воспроизводит «токсичные», а поэтому разрушительные последствия того влияния, которое оказывают нарождающиеся социальные системы, уменьшающие интеллектуальную многомерность (ср. представления Г. Маркузе об «одномерном человеке») и потенциал отдельной личности и всего человечества. Порождая подобные тексты, авторы фокусируют читательское внимание на негативных аспектах властного всеобщего контроля, приводящего к социальным «достижениям», способствующим манипулятивному усилению стандартизации и единообразия социума. Сферой авторских размышлений выступает современный политический ландшафт, предопределяющий идеологическую обработку общества и культуры.

Авторы-антиутописты задействуют повествовательную технику «остранения» (В.Б. Шкловский), посредством которой конструируется идентичность воображаемых миров, ситуационной обстановки, почти не имеющей ничего общего с текущей объективной повседневностью. Антиутопические ономастические системы потенциально существенно отличаются от общенародных культурно-социальных практик. Они имплицитно авторское предупреждение о том, что политика и идеология, доминирующая в современном обществе, в конечном итоге, могут привести к тоталитарной реальности.

Вследствие подобного литературного статуса антиутопический универсум можно трактовать в качестве возможной футуристической версии того мира, в котором живет читатель. Данный универсум активизирует те фоновые знания, которыми читатель оперирует, распознавая и интерпретируя объективную социально-политическую реальность, проецируемые ею «ложные» потребности и культ потребления. В связи с этим закономерными оказываются:

– ограниченная «чуждая» среда, выросшая из неизвестного «современного» города и не имеющая за собой референциальных исторических рамок («Мы» Е.И. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли);

– аллюзии на Лондон («1984» Дж. Оруэлл);

– футуристический образ Америки, сменившей название и ставшей тоталитарным государством, поработавшим женщин («Рассказ служанки» М. Этвуд).

Несмотря на потенциально сущностные различия в активируемых контекстах (и подтекстах), жанры являются эффективным средством кодификации художественных произведений, поскольку концепция жанра лежит в основе распознавания сходных характеристик даже среди безграничного разнообразия и неоднородности. Ономастика не может задействоваться как исключительное эффективное средство определения литературного жанра (поджанра), к которому относится произведение. Читатель (и исследователь), распознавая когнитивную и прагматическую сущность имен собственных, призван активировать знания о контекстуальных данных из аналогичных художественных текстов, предопределенности речевых единиц авторскими мотивациями.

Согласно нашим наблюдениям, наиболее частотным приемом формирования онимов, выявляющим художественное своеобразие текстов антиутопии, является наделение имен собственных смысловыми обертонами, отражающими работу пропагандистской машины в тоталитарном государстве. Цель этого приема заключается в создании строго определенной обстановки, о которой рассказчик сообщает читателю. Подобное моделирование онимов фиксирует «податливую» прагматическую природу литературных имен собственных, их предопределенность институциональной идеологией, царящей в антиутопическом воображаемом мире.

Имена собственные, имплицитно пропагандистское содержание, моделируются авторами-антиутопистами в соответствии с их внелитературными аналогами: они наделяются существенным коннотативным потенциалом, который опираются на эмоциональное состояние тех граждан, которые подвергаются усиленной идеологической обработке. Тем не менее, художественные тексты антиутопической направленности выводят идеи, заложенные в философии пропагандистского воздействия на сознание заурядных представителей социума, за рамки читательского повседневного опыта восприятия повседневности. Вследствие этого

адресат текста антиутопии делает умозаключения о том, насколько «жесткими» методами может потенциально злоупотреблять пропагандистская машина для манипулирования массами и избирательного освещения текущих событий. При этом сам жанр антиутопии трактуется проницательным читателем как продукт интеллектуально-спекулятивного художественного творчества.

В универсуме, воспроизводимом Дж. Оруэллом в «1984», логика, вдохновившая тоталитарные режимы начала XX столетия, доводится до экстремальной точки, граничащей с безумием. Воображаемый авторский мир выходит за рамки тех пропагандистских моделей, которые были актуальны для руководящих органов указанных режимов, соответствующим образом адаптируется к политике и предполагаемому социальному восприятию правящей Партии. Номинации, встречающиеся в оруэлловской тоталитарной версии Лондона, конструируются для реализации первоочередных целей всемогущего политического образования, связанных с дальнейшим распространением безграничной власти правящей Партии.

В антиутопическом мире отсутствует политическое соперничество, как и индивидуальный контроль над важными реалиями повседневности. Все официальные названия тесно связаны друг с другом и служат политическим целям Партии. В контексте антиутопического повествования пропаганда трактуется читателем как основополагающая методология контроля над отдельными личностями, а поэтому функции ономастических единиц тесно связываются с прагматическими эффектами, оказываемыми текстом на читателя.

Имена собственные отдельных персонажей, обитающих в социуме, который воспроизводится в романе «1984», напрямую не контролируются с помощью указанных выше регулирующих методов, по крайней мере, не на том уровне слежки, которого достигло тоталитарное государство. Дж. Оруэлл использует эти имена в буквальном значении, однако, они тесно взаимодействуют с повествовательными характеристиками текста романа. Буквальная семантика имени сопровождается непрозрачным подтекстом. Так, ономастическая ирония имени главного героя Уинстона Смита и прямое сопоставление имен Уинстон и Смит порождают в читательском сознании устойчивые ассоциации.

Например, имя собственное *Уинстон*, ассоциируемое с известным британским политическим деятелем (премьер-министром Великобритании в 1940–1945 гг.), обладавшим незаурядной харизмой, мгновенно утрачивает подобные «мощные» коннотации, когда стыкуется с фамилией Смит, которая является наиболее распространенной среди англичан (ср. с русской фамилией Иванов). Читатель делает следующее умозаключение: имя главного героя, фактически, оказывается скрытым оксюмороном, что наделяет его прагматическим содержанием (фамилия фокусирует читательское внимание на «побежденной» натуре главного героя, что делает еще более заметными его слабости). Альтернативный прагматический потенциал эксплицируется и из фамилии главного героя, которая идентифицирует Уинстона как типичного представителя антиутопического (и реального) социума. Создается основа для читательского отождествления с образом главного героя: адресат текста, оказавшись в оруэлловском универсуме, возможно, сыграл бы подобную роль.

Лидер Партии известен под именем *Большого Брата*, которое отражает конструктивную (концептуальную, семиотическую) гибкость литературных онимов при адаптации к текущим потребностям пропагандистской машины государства. Программная установка Партии *Большой Брат наблюдает за тобой*, которая выступает своеобразным фоном будничного бытия персонажей, трактуется многими поколениями читателей во всем мире как, своего рода, «визитная карточка» романа Дж. Оруэлла. Возможно, это высказывание, давно ставшее крылатой фразой, является оптимальной прагматической платформой для читательской интерпретации когнитивной и прагматической ценности анализируемого имени собственного.

Партийное утверждение имплицитно читательские представления о манипулятивных пропагандистских социально-политических практиках, которые встречаются в объективной внелитературной повседневности. В контексте антиутопического повествования имя собственное *Большой Брат* фиксирует чувство безопасности, которое «царит» в социуме. Партия, играя на «родственных» аспектах имени, подразумевает, что руководитель действительно заботится о гражданах, обладает безграничными компетенциями в обеспечении «полноценной» жизни для несведущих младших детей, за которыми он приставлен «присматривать».

В воображаемом авторском универсуме образ руководителя Партии наделяется внешними и психологическими характеристиками реально существующей личности. Оним *Большой Брат* имплицитно передает пессимистический эмотивный подтекст. Ср.:

«... the face of a man of about forty-five, with a heavy black moustache and ruggedly handsome features...» [5, p. 4].

Подобная безобидная и успокаивающая внешность олицетворяет рупор политической пропаганды. Этот образ активизируется в тексте при каждом возможном случае, сопровождается сообщениями рассказчика о чувстве непоколебимой лести и признания, испытываемого гражданами. Данное эмоционально-волевое состояние граждан фиксирует эмоциональную зависимость антиутопического социума от *Большого Брата*, безоговорочное принятие подавляющим большинством персонажей его пропагандистских идей.

Пропаганда, распространяемая в антиутопическом социуме, позиционирует *Большого брата* как основателя Партии, ее действительного руководителя. Однако его реальное имя никогда не упоминается, и весьма вероятно, что образ Большого Брата является пропагандистским конструктом, созданным с иллюзорной целью поддержания имиджа «единственной и обнадеживающей ключевой фигуры» Партии. Ср. с сюжетной линией романа «Поправка-22» Дж. Хеллера, в котором персонажи, в конце концов, выясняют, что Поправка на самом деле не существует.

В тексте романа «1984» читатель также сталкивается с образом товарища *Огилви*. Согласно политике Партии, надзор и избирательное регулирование текущей повседневности обеспечивает возможность безграничного контроля над историческими фактами, которые имели место в прошлом. Проецируя жизнедеятельность рядовых представителей социума на «лучшее» будущее, Партия фальсифицирует и перетасовывает на свой лад историческую фактологию в строгом соответствии с выдвинутыми первоочередными задачами по обеспечению «счастливого» будущего. Профессиональная деятельность Уинстона связана с реорганизацией и новой систематизацией исторических фактов: персонаж ежедневно вносит многочисленные изменения в мнения и концепции, содержащиеся в материалах архива. Имена и фотографические снимки, бесследно стираемые из новой официальной истории, негласно замещаются новыми фактическими данными, чтобы имитировать отсутствие разногласий в историко-политической сфере, долгосрочных прогнозах партийного руководства. Аналогичные непоправимые трансформации претерпевают и образы отдельных персонажей.

В контексте антиутопического повествования фамилия *Огилви* отличается неоднозначным семантическим содержанием. Можно говорить о двух смысловых импликациях данного имени собственного. Во-первых, образ товарища *Огилви* является продуктом игры воображения в надломленном сознании Уинстона Смита, его внутренним стремлением к безграничной – и все еще относительно доступной ему – свободе, несмотря на все возрастающие обертоны партийной пропаганды. Именно эта внутренняя свобода становится для персонажа мощным стимулом мечтаний о дивном и фантазийном пространстве, которое именуется им Золотой Страной. В этом вымышленном пространстве никто и никогда не причиняет персонажу физического увечья и морального вреда. Уинстон, таким образом, осуществляет личный и одиночный ментальный мятеж против государственной пропагандистской машины. Существует мало физических описаний этой вымышленной страны, изобилующей природными ресурсами, что прямо контрастирует с будничным городским пейзажем. Название страны свидетельствует о том, какую большую ценность эта игра воображения предстает для Уинстона.

Семантика имени товарища *Огилви* состоит также в том, что оно связано с деятельностью персонажа как фигуры ангела и мученика. Предыстория, связанная с персонажем, повествует о его самоотвержении: в патриотическом порыве он совершает самоубийство, чтобы сокровенные секреты Партии и государства Океания не стали известны заклятым противникам и недоброжелателям. Распространение подобных сфальсифицированных мифов предопределяется задачами Партии по поддержанию лояльности и преданности граждан политике государства. Образ *Огилви* может быть истолкован как реализующий такую в ономастическом плане ассоциативную и пропагандистскую роль.

Декодировав семантику литературной ономастики в тексте антиутопии Дж. Оруэлла «1984», читатель призван выйти за рамки авторского воображаемого мира, активировать фоновые знания, касающиеся исторических, социальных и политических реалий объективной повседневности.

Действие романа происходит в Лондоне, однако, Британия именуется как «Взлетно-посадочная полоса номер один» («Airstrip One»). Уинстон размышляет о том, что независимо от названия, данного Британии, Лондон был и, как надеется персонаж, всегда останется культурно и исторически значимым центром цивилизации. Из антиутопического повествования эксплицируется незначительный объем информации о причинах переименования Британии во «Взлетно-посадочную полосу номер один», однако, основания этого могут быть выведены из читателем из пресуппозиционных знаний о той роли, которую сыграла Британия в ходе Второй мировой войны: страна выступала своеобразным пунктом проникновения на европейский континент, раздираемый на части боевыми действиями германских агрессоров. Рассказчик сообщает читателю данные о месторасположении Океании, Евразии и Остзии на географической карте воображаемого авторского универсума, что, фактически, определяет «Взлетно-посадочную полосу номер один» в качестве одной из оптимальных точек высадки союзных сил на территории государств-антагонистов.

Эти референциальные детализации, фиксируемые читательским сознанием, не только определяют географическое месторасположение антиутопического социума, но и его идеологические детерминанты: непрекращающаяся война привела к появлению трех сверхдержав и, в конечном счете, к тоталитарному режиму, во главе которого стоит Большой Брат. Имена собственные, номинирующие мировые державы, страну, в которой выпала участь жить Уинстону, являются не только фоновой символикой антиутопического повествования, но и воспроизводят особую атмосферу повседневного бытия персонажей. Эти имена формируют референциальную структуру текста романа, с опорой на которую читатель воссоздает (эксплицирует) ментальную карту антиутопии как автономного жанра. Ономастика авторского воображаемого универсума раскрывает изначальный утопический замысел Партии и ее руководителя, фокусирует читательское внимание на существенных характеристиках антиутопии как жанра, предполагающего радикальное искажение утопического видения действительности. При этом образ социума проектируется автором как сосредоточие прямой оппозиции утопическим (идеалистическим) концепциям.

Список источников

1. Абраменко Е.В., Евсюкова Т.В. Категории метатекста и времени как прагматический способ смыслообразования в научно-фантастическом повествовании Курта Воннегута. Ростов-на-Дону, 2022. 155 с.
2. Евсюкова Т.В., Абраменко Е.В. Повествовательные уровни в научно-фантастическом тексте и их метапрозаические импликации // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 1 (26). С. 13–16.
3. Иштоян К.Г. Контрфактуальные сценарии в тексте рассказа Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро»: средства выражения и смысловая нагрузка // Гуманитарные и социальные исследования. 2022. Т. 90, № 1. С. 67–73.
4. Ларина Т.Ю. Имя собственное как связующий и смыслоформирующий элемент в тексте романов И. Ильфа и Е. Петрова. Ростов-на-Дону, 2022. 148 с.
5. Orwell G. 1984. L., 2003. 336 p.

References

1. Abramenko E.V., Evsjukova T.V. Kategorii metateksta i vremeni kak pragmaticheskij sposob smysloobrazovaniya v nauchno-fantasticheskom povestvovanii Kurta Vonneguta. Rostov-on-Don. 2022:155.
2. Evsjukova T.V., Abramenko E.V. Povestvovatel'nye urovni v nauchno-fantasticheskom tekste i ih metaprozaicheskie implikacii. Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2019;1(26):13–16.
3. Ishtojan K.G. Kontrfaktual'nye scenarii v tekste rasskaza Je. Hemingujeja «Snega Kilimandzharo»: sredstva vyrazhenija i smyslovaja nagruzka. Gumanitarnye i social'nye issledovanija. 2022;90(1):67–73.
4. Larina T.Ju. Imja sobstvennoe kak svjazujushhij i smysloformirujushhij jelement v tekste romanov I. Il'fa i E. Petrova. Rostov-on-Don. 2022:148.
5. Orwell G. 1984. L. 2003:336.

Информация об авторах

И.А. Кудряшов – доктор филологических наук, профессор;
А.Б. Диденко – аспирант.

Information about the authors

I.A. Kudryashov – Doctor of Philological Sciences, Professor;
A.B. Didenko – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023;
принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 02.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 106–109.
Humanitarian Researches. 2023;2(86):106–109.
Научная статья
УДК 82

**Функционально-коммуникативная направленность лексических единиц
как выражение авторской идеи в рассказе А.П. Чехова «Талант»**

Виктор Валентинович Чалый

Кубанский госуниверситет, Краснодар, Россия, v_chaly@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос об актуальности продолжения исследования языковой основы литературных произведений; анализируется язык прозы Антона Павловича Чехова; изучается семантика лексических единиц в структуре синтаксических конструкций; осуществляется попытка определить функциональную роль употребляемых писателем слов в создании речевого портрета главного персонажа; описывается состав лексики героя с целью выявления его главных личностных качеств, отражающих основу внутреннего мира и предопределяющих мотивы поведения в ситуациях с окружающими его собеседниками; устанавливается функциональное значение употребляемых писателем слов, с помощью которых автор выражает собственное (обычно неявно выраженное прямо) отношение к типу представленного персонажа, оценивает его намерения и поступки; отмечается особая значимость диалога как формы коммуникативного процесса, благодаря чему читатель получает возможность наиболее полно и всесторонне понять первоочередную жизненную установку героя, причины его превосходства над другими; выявляются особенности авторского использования художественно-образительных и выразительных средств; характеризуются отдельные слова, составляющие основу формирования индивидуально-стилевой манеры русского прозаика; проводится лингвистический анализ синтаксических конструкций в составе диалога и повествования от лица автора-рассказчика; отмечается важность всестороннего рассмотрения смыслового уровня лексических единиц, функционирующих в коммуникативном потоке художественного текста; уделяется внимание повествователю как значимой категории, предопределяющей в сознании читателя верное понимание содержания литературного произведения; предлагается возможный вариант интерпретации содержания рассказа Чехова с учетом читательского восприятия стиливых возможностей, отражающих задачи творческой лаборатории именно этого автора.

Ключевые слова: коммуникативная организация; язык художественной литературы; лингвистическое исследование; авторская концепция; диалог; повествование от лица автора; структурно-смысловые элементы; интерпретация языкового пространства текста; синтаксические конструкции; градационное противопоставление

Для цитирования: Чалый В.В. Функционально-коммуникативная направленность лексических единиц как выражение авторской идеи в рассказе А.П. Чехова «Талант» // Гуманитарные исследования. 2023. № 2 (86). С. 106–109.

Research article

**Functional and communicative orientation of lexical units
as an expression author's idea in A. P. Chekhov "Talent"**

Victor V. Chaly

Kuban State University, Krasnodar, Russia, v_chaly@mail.ru

Abstract. This paper discusses the issue of the relevance of continuing the study of the linguistic basis of literary works; the prose language of Anton Pavlovich Chekhov is analyzed; the semantics of lexical units in the structure of syntactic constructions is studied; an attempt is made

to determine the functional role of the words used by the writer in creating the speech portrait of the main character; the composition of the hero's vocabulary is described in order to identify his main personal qualities, reflecting the basis of the inner world and predetermining the motives of behavior in situations with his interlocutors surrounding him; the functional meaning of the words used by the writer is established, with the help of which the author expresses his own (usually implicitly expressed directly) attitude to the type of the represented character, evaluates his intentions and actions; the special significance of dialogue as a form of a communicative process is noted, thanks to which the reader gets the opportunity to most fully and comprehensively understand the primary life orientation of the hero, the reasons for his superiority over others; the features of the author's use of artistic, visual and expressive means are revealed; individual words are characterized, which form the basis for the formation of the individual-stylistic manner of the Russian prose writer; a linguistic analysis of syntactic constructions as part of the dialogue and narration is carried out on behalf of the author-narrator; the importance of a comprehensive consideration of the semantic level of lexical units functioning in the communicative flow of a literary text is noted; attention is paid to the narrator as a significant category that predetermines in the mind of the reader a correct understanding of the content of a literary work; a possible interpretation of the content of Chekhov's story is proposed, taking into account the reader's perception of stylistic possibilities that reflect the tasks of the creative laboratory of this particular author.

Keywords: communicative organization; the language of fiction; linguistic research; author's concept; dialogue; narration on behalf of the author; structural and semantic elements; interpretation of the language space of the text; syntactic constructions; gradation opposition

For citation: Chaly V.V. Functional and communicative orientation of lexical units as an expression author's idea in A.P. Chekhov "Talent". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2023;2(86):106–109. (In Russ.).

В русле исследования коммуникативной организации литературного произведения, на наш взгляд, особое внимание необходимо уделить изучению прежде всего тех структурно-смысловых элементов, которые позволяют наиболее точно приблизить внимание читателя к постижению авторского замысла, тем более, если творческая идея предполагает поиск варианта верной интерпретации всего языкового пространства текста.

Д.Н. Шмелев утверждает, что статус «языка художественной литературы» как отдельной разновидности языка определяется не благодаря наличию каких-либо специально «поэтических» слов, а благодаря особой, присущей только литературно-художественным произведениям организации самых различных языковых средств, предопределенной их особой функционально-коммуникативной направленностью» [3, с. 81]. Таким образом, лингвистический анализ речевых единиц конкретного авторского произведения предполагает их научное рассмотрение с точки зрения видения самого писателя, или в определенной мере с осуществления стремления понять и постичь предназначение использованных слов в коммуникативной направленности созданного текста.

С точки зрения Л.Г. Бабенко, «в тексте сосуществуют различные эмотивные смыслы, что порождает богатство эмотивного содержания, его эмоциональное многоголосие, полифонизм эмоциональных тонов, отражающих сложную картину мира чувств. Однако совокупность эмоциональных тонов текста не производит впечатления случайного, хаотического набора. В тексте все упорядочено, и эмотивные смыслы в том числе. Ключом к этому служит авторская концепция, сверхидея художественного произведения, то, ради чего и создается оно. Именно она определяет иерархию эмотивных смыслов в тексте и определяет доминанту в их многоголосии, тем самым она фактически задает общую эмоциональную тональность текста» [1, с. 127]. В соответствии с этим считаем важным охарактеризовать смысловой уровень лексических единиц, функционирующих в коммуникативном потоке языка рассказа Антона Павловича Чехова «Талант».

Из самого первого диалога между главными персонажами изучаемого нами произведения, а именно бедного (и при этом очень ленивого) художника и дочери офицерской вдовы, в доме которой он живет и не платит за квартиру, читатель узнает об отношении персонажа-человека, представляющего искусство, к институту брака:

«Егор Саввич слушает Катю, зевает. Он устал. Когда Катя начинает всхлипывать, он урюмо взглядывает на нее сквозь нависшие брови, хмурится и говорит густым, тяжелым басом:

- Я не могу жениться.

- Почему же? – тихо спрашивает Катя.

- **Потому что художнику и вообще человеку, живущему искусством, нельзя жениться. Художник должен быть свободен.**

- Чем же я помешала бы вам, Егор Саввич?

- Я не про себя говорю, а вообще... **Знаменитые писатели и художники никогда не женятся».**

По нашему мнению, лексика, которой оперирует чеховский персонаж, не только содержит прямое указание на собственную независимую позицию творческого человека, но и вводит в заблуждение двадцатилетнюю собеседницу, серьезно в него влюбленную. Вербально оформленное утверждение об отказе известных людей связать себя узами брака не подтверждается никакими примерами.

Далее очевидно, что А.П. Чехов вводит в состав синтаксической конструкции сравнительный оборот, явно передающий ироничное авторское отношение к происходящим изменениям во внутреннем мире творческой личности под влиянием алкоголя: «Художник выпивает рюмку, и мрачная туча на его душе мало-помалу проясняется, и он испытывает такое ощущение, **точно у него в животе улыбаются все внутренности.** Он начинает мечтать... Воображение его рисует, как он становится знаменитостью».

Кроме того, писатель использует прием своеобразного градационного противопоставления между реальным положением, в котором находится художник, и его пустыми, более того, вряд ли когда-нибудь реализованными в жизни планами: «**Будущих произведений своих он представить себе не может, но ему ясно видно, как про него говорят газеты, как в магазинах продают его карточки, с какою завистью глядят ему вслед приятели. Он силится вообразить себя в богатой гостиной, окруженной хорошенькими поклонницами, но воображение рисует ему что-то туманное, неясное, так как он ни разу в жизни не видал гостиной; хорошенькие поклонницы также не выходят, потому что он, кроме Кати, отродясь не видал ни одной поклонницы, ни одной порядочной девушки, Люди, не знающие жизни, обыкновенно рисуют себе жизнь по книгам, но Егор Саввич не знал и книг; собирался было почитать Гоголя, но на второй же странице уснул...»**

Итак, в коммуникативной организации рассказа Антона Павловича Чехова «Талант» используемая писателем лексика в составе диалога и общего авторского повествования позволяет иронично представить главного персонажа как человека безответственного, бесплодно мечтающего и не стремящегося развивать свой творческий потенциал.

Список источников

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Москва, 1974–1983. Т. 5.
3. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). Москва, 1977.

References

1. Babenko L.G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya e'mocij v russkom yazy'ke. Sverdlovsk, 1989.
2. Chexov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: in 30 vol. Moscow. 1974–1983;(5).
3. Shmelev D.N. Russkij yazyk v ego funkcional'ny'x raznovidnostyax (K postanovke problemy). Moscow. 1977.

Информация об авторе

В.В. Чалый – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и славяно-русского языкознания.

Information about the author

V.V. Chaly – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Slavic-Russian Linguistics.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 23.04.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включен в перечень изданий, утвержденных ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по отраслям науки: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки); 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки).

Ведущие направления публикаций отражены в рубриках «Языкознание» и «Литературоведение».

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объем публикаций – не более 0,5 п.л., гарнитура Arial, кегль 10, все поля по 2,5 см.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления

1. Иванов И.И. Проблемы художественного слова. Москва : Парус, 1990. 456 с.
2. Петрова Г.В. Романтическая модель мира // Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 16–25.
3. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия как сверхтекст. URL: <http://proceedings.usu.ru>, свободный.

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат»;
- заключения экспертной комиссии и внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования;
- согласие на обработку персональных данных.

Авторам необходимо предоставить справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат», а также получить заключение экспертной комиссии (государственная тайна) и Заключение внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования (пр. № 08-01-01/761 от 10.08.2016 г.) (для сотрудников АГУ – учебный корпус № 1, каб. 119а, тел. 24-66-14). При необходимости редколлегия журнала остав собой право на дополнительную проверку текста статьи в системе «Антиплагиат».

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотации на английском языке должны быть информативными, содержательными, структурированными, компактными, оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации), написаны качественным английским языком. В аннотации должны быть указаны предмет, тема, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, область применения результатов, выводы.

В **References** совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «-»). Название источника и выходные данные отделяются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Примеры:

1. Kulikov V.A., Sannikov D.V., & Vavilov V.P. Use of the acoustic method of free oscillations for diagnostics of reinforced concrete foundations of contact networks. Defektoskopiya, 1998;(7):40–49.
2. Kaplin V.V., Uglov S.R., Bulaev O.F., Goncharov V.J., Voronin A.A., Piestrup M.A. Tunable, monochromatic x rays using the internal beam of a betatron. Applied Physics Letters. 2002;80(18):3427–3429.

К публикации принимаются статьи, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.07.-2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. Издательское оформление».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Гуманитарные исследования. 2023. № 4
Научная статья
УДК 378:004

Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек

Владимир Викторович Вольчик¹, Игорь Михайлович Ширяев²

^{1,2} Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹volchik@sfedu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Аннотация. В целях определения основных закономерностей возникновения и усиления институциональных ловушек, возникающих в условиях режима самоизоляции в системе высшего образования, авторами были проанализированы нарративы и глубинные интервью основных акторов. Дистанционное образование не является полноценной заменой образования в традиционной форме, затрудняет передачу неявного знания, контроль и обратную связь при обучении, неоднозначно влияет на издержки образовательной деятельности, не позволяет полагаться на надежность информационно-коммуникационных технологий. При этом подчеркивается, что переход на дистанционное образование может трактоваться как новый этап эволюции институциональной ловушки электронизации и цифровизации.

Ключевые слова: экономика, управление народным хозяйством, институциональная экономика, дистанционное образование, цифровизация образования, высшее образование, самоизоляция, институциональные ловушки

Для цитирования: Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Гуманитарные исследования. 2021. № 4. С. 35–40. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

Research article

Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps

Vladimir V. Volchik¹, Igor' M. Shiryayev²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹volchik@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Abstract. To determine the main patterns of emergence and strengthening of institutional traps that arise under self-isolation in the higher education system, the authors analyzed the narratives and in-depth interviews of the main actors. Distance education is not a full-fledged substitute for the traditional education, as it impedes the transfer of implicit knowledge, control and feedback during training, ambiguously influences the costs of educational activities, and does not allow relying on the reliability of information and communication technologies. Transition to distant education can be interpreted as a new stage of evolution of the institutional trap of electronization and digitalization.

Keywords: economics, national economy management, institutional economics, distance education, digitalization of education, higher education, self-isolation, institutional traps

For citation: Volchik V. V., Shiryayev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. Current Problems of Economics and Law. 2020;14(2):236-248. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

The article was submitted 06.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

Вклад авторов:

Вольчик В.В. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Ширяев И.М. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volchik V.V. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

Shiryayev I.M. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

Либо:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Адрес г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

УФК по Астраханской области

(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» л/с 20256Ц14780)

ИНН 3016009269 / КПП 301601001

Банк: ОТДЕЛЕНИЕ АСТРАХАНЬ БАНКА РОССИИ

УФК по Астраханской области г. Астрахань

Единый казначейский счет

№ 40102810445370000017

Казначейский счет

№ 03214643000000012500

ОКТМО 12701000

ОГРН 1023000818554

БИК 011203901

Лицевой счет 20256Ц14780

Обязательно указывать назначение платежа: Ф.И.О. автора, название и номер журнала.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарем журнала
Юлией Александровной Васильевой
по e-mail: gis_00@mail.ru**

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с правилами для авторов.

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответственному запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- ✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- ✓ тексты выступлений на круглых столах;
- ✓ материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться. Все материалы, поступающие в редколлегия журнала, проходят независимое рецензирование.

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**HUMANITARIAN
RESEARCHES**

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

**2023
№ 2 (86)**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Учредитель

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Адрес издателя:

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Подписной индекс – 11109
по Объединенному каталогу «Пресса России»

Главный редактор Г.Г. Исаев

Редактирование, компьютерная правка А.М. Доукиной

Дата выхода в свет: 31.05.2023 г.

Цена свободная.

Уч.-изд. л. 9,6. Усл. печ. л. 10,6.

Заказ № 4517. Тираж 500 экз. (первый завод – 22 экз.).

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.
Тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3)
E-mail: asupress@yandex.ru